

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

134

**БРОНЗОВЫЙ ВЕК
НА ТЕРРИТОРИИ СССР**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

134

БРОНЗОВЫЙ ВЕК
НА ТЕРРИТОРИИ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия:

*Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина,
Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
К. Х. Кушнарёва, А. Ф. Мерперт,
П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
В. В. Седов, Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон*

I. ДОКЛАДЫ И СТАТЬИ

А. Я. ЦЕТЕНКО

К ИЗУЧЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО БАЗИСА
ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В основе экономических структур раннеклассовых обществ, возникших в долинах великих рек, лежало высокопродуктивное земледелие и скотоводство, опиравшиеся на искусственное орошение. Однако, как справедливо заметил К. Маркс, «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»¹.

При изучении древних обществ большое значение имеет ретроспективный метод ориентировочных оценок экономических возможностей древнего общества². Он особенно важен в тех случаях, когда отсутствуют данные письменных источников и когда исследователь вынужден, кроме привлечения этнографических параллелей, широко использовать материалы ряда сопредельных наук (археологии, палеозоологии, палеоботаники и пр.).

Поскольку древнеиндийская цивилизация до сих пор не открыла секрета своей иероглифической письменности, то для ее изучения палеоэкономический анализ особенно важен³.

Поселения хараппской цивилизации занимают огромную площадь, в два раза превышающую размеры цивилизации Нила и в четыре раза — шумеро-вавилонскую. Эти поселения, число которых в настоящее время достигло 750, представлены двумя типами. Первый — сельские поселки

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. 2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIX, ч. 2. М., 1947, стр. 353.

² См.: С. Н. Бибилов. Хозяйственно-экономический комплекс развитого Триполья. СА, 1967, № 1; В. М. Массон. Экономические предпосылки сложения раннеклассового общества. «Ленинские идеи в изучении истории первобытного общества, рабовладения и феодализма». М., 1970; он же. Неолитическое поселение Джейтун. Л., 1970; R. M. Adams. Agriculture and urban life in early South western Iran. «Science», vol. 136, 1962, p. 109—122; W. A. Fairervis. The Origin, Character and Decline of an Early Civilization. «American Museum Novitates», N 2302, New York, 1967, p. 1—48.

³ Впервые он был применен для изучения экономики культуры В. А. Ферсервисом (см. W. A. Fairervis. The Origin. . . , p. 1—48).

с нерегулярной застройкой и постройками из необожженного кирпича. В их материалах отсутствуют стеатитовые печати и произведения искусств.

Второй тип поселений — города: Хараппа, Мохенджо-Даро, Калибанган и Лотхал. Первые три имеют почти идентичную планировку. На восточном холме возвышается обычно прямоугольной формы цитадель на массивной платформе из сырцового кирпича. Здесь же находятся постройки общественного назначения. К западу от цитадели лежит собственно город, или «нижний город», по терминологии некоторых специалистов. Четкая планировка кварталов, пересекающиеся под прямым углом улицы, дома различных размеров, иногда в два этажа, с открытым внутренним двориком, канализация и водопровод — вот те черты, которые отличают эти города от поселений сельского типа. Из такого же кирпича сооружались массивные стены, окружавшие цитадель и город.

Несколько отлична планировка Лотхала, расположенного в устье Камбейского залива и служившего морским портом в хараппское время. Мощная кирпичная стена окружала прямоугольный жилых кварталов, где находилась и мастерская по изготовлению бус. В юго-восточном углу города располагался укрепленный акрополь. А с внешней стороны к нему примыкал выложенный из обожженного кирпича док (площадь его около 0,8 га — 219×37 м), внешние стены которого поднимались на высоту 4,5 м. Док соединялся искусственным каналом с рекой Сабармати.

Равнина Инда, где находятся основные памятники хараппской культуры, расположена в зоне сухого субтропического климата.

На преобладающей части территории долины Инда выпадает малое количество осадков (от 100 до 250 мм в год) и лишь в предгорьях Гималаев оно немного увеличивается, достигая 350—500 мм. На большей части долины Инда количества выпадающих осадков совершенно недостаточно для получения урожая даже наиболее засухоустойчивых культур. Поэтому для земледелия здесь необходимо орошение. Воды достаточно в реках, но устройство ирригационных сооружений — дело довольно сложное, когда речь идет о многоводных реках, берущих свое начало в горах. Испокон веков населением обрабатывались лишь земли, затопляемые во время разливов (сейчас эти земли носят название «сайлаб»). После ухода паводковых вод земли распахивались и в них высевались быстро созревающие зерновые культуры. Но орошение типа «сайлаб» не создавало устойчивой базы для земледелия: от года к году менялись площади, затопляемые паводками, колебались сроки начала и конца паводка. От этого страдало земледелие. Устранить эти трудности можно было только с созданием оросительных каналов. Древнегреческий географ и политический деятель Мегасфен (III в. до н. э.), долгое время живший при дворе Чандрагупты Маурья, писал о сложных оросительных системах, состоявших из каналов, которые давали возможность получать урожай на больших площадях. Но существовали ли каналы в хараппское время, об этом письменных свидетельств нигде нет.

В Южной Месопотамии уже в позднеурокский период существует развитая ирригационная сеть, о чем свидетельствуют как обширные храмовые хозяйства, так и пиктографический знак для обозначения канала⁴. Большое число сведений имеется о развитии ирригационного земледелия уже в раннеклассовых обществах Месопотамии (периоды Джемдет-Насра и Ура). Поэтому определение характера орошения для хараппской культуры, стадально соотносимой с периодом Джемдет-Насра, имеет большое значение для изучения экономического базиса протоиндийской цивилизации.

⁴ Г. Н. Лисицына. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении. МИА, № 128, 1965, стр. 154.

Постараемся рассмотреть этот вопрос на примере Мохенджо-Даро: этот город наиболее полно изучен в археологическом отношении (раскопана восьмая часть города, не считая цитадель) и, кроме того, данные геоморфологии, палеоботанических и палеозоологических исследований позволяют довольно полно представить природную среду Северного Синда в хараппское время.

Мохенджо-Даро расположен на правом берегу Инда, в районе Ларкана, в Северном Синде. Серия защитных валов охраняет руины древнего города и окружающую его равнину от затопления. Для орошения района используются воды канала, берущего начало у плотины Ллойда у г. Сункура. Избыток воды, там, где нет дренажных систем, обычно ведет к заболачиванию. Другой бич земледелия — засоление. Содержание соли в воде высокое, а при довольно высоких средних температурах воздуха испарение происходит очень быстро, огромные площади становятся непригодными для земледелия.

Древняя гидрография района Ларкана представляет особый интерес. Основной вопрос — где пролегало русло Инда в хараппское время?

Район Ларканы, где находится Мохенджо-Даро, по синдской традиции, именуется «островом». Действительно, сейчас эта область выше, чем окружающая равнина, и, возможно, что в хараппское время здесь также был остров, особенно во время весенних наводнений. Это тем более вероятно, что, как полагают, ток Инда на запад существовал уже со времени позднего плейстоцена⁵. Следовательно, русло Инда в III тысячелетие до н. э. соответствовало современному, что подтверждается и расположением хараппских поселений, находившихся на краю заливаемой наводнением площади⁶.

Обширные работы, проведенные канадским геоморфологом Фрезером, использовавшим аэрофотосъемку и другие аэрометоды, позволили ему разделить равнину Инда по возрасту и формам рельефа на живые аллювиальные равнины (т. е. пойму) и покинутые аллювиальные равнины, недавно бывшие поймами. На этих покинутых равнинах и поймах он выделил меандровые и покровные аллювиальные равнины, разделяя их на русловые депрессии (понижения, в которых ранее находилось русло реки), прирусловые валы и другие формы рельефа.

Лучшими землями для земледелия являются покровные аллювиальные равнины и прирусловые валы, которые в настоящее время занимают в Синде площадь около 12 млн. акров. Сейчас они орошаются каналами. Кроме того, в Синде есть приблизительно 1,2 млн. акров поймы, часть которой возделывается и поныне. Судя по всему, Мохенджо-Даро располагался не на пойме, а около нее и, возможно, как и сейчас, был защищен рядом искусственных дамб. Аналогичное положение занимает современное селение Хасан Бахан около Мохенджо-Даро, расположенное на меандровой равнине, на краю поймы, являющейся центром земледелия. Покровная аллювиальная равнина и на некотором протяжении меандровая равнина находилась, как и сейчас, несколько выше пойменной зоны, образующая пресловутый «остров», заливаемый частично лишь при очень высоких наводнениях.

Если только не предполагать климатических изменений, при которых

⁵ *M. B. Pithawalla*. A physical and economic geography of Sind. Karachi, 1959, p. 80—81; *D. N. Wadia*. Geology of India. London, 1957, p. 392—393.

⁶ *W. A. Fairervis*. The Origin... fig. 1. Правда, некоторые авторы допускают существование восточного русла Инда — в современной р. Восточная Нара. Однако наличие других речных систем севернее г. Суккура — легендарная Сарасвати-Чагар и другие, некоторые впадавшие в Аравийское море, — могут объяснить существование Восточной Нары и иных речных систем на востоке (см.: *M. B. Pithawalla*. Указ. соч., стр. 45—46; *H. T. Lambrick*. Sind: a general introduction, vol. I. Hyderabad, 1964, p. 33 ff.).

увеличение количества осадков должно было позволить произрастать тропическим саванным лесам, то можно считать, что тропический листопадный лес был преобладающим в хараппское время. И действительно, как показали исследования Р. Л. Райкиса и Р. Х. Дэйсона, существенных изменений в климате Белуджистана и долины Инда не наблюдается в течение последних 4 тыс. лет⁷.

О представителях домашних животных этого времени можно судить как по остеологическим материалам, так и по изображениям на печатях. Наибольшее число костей принадлежит индийскому быку (*Bos indicus*), реже встречаются кости буйвола (*Bos bubalis*) и то лишь в верхних слоях Мохенджо-Даро. Есть находки костей козы (*Capra aegagrus*) и овцы (*Ovis vignei*). Не ясно, была ли одомашнена свинья (*Sus cristatus*) или кости принадлежат дикому кабану. Редко встречаются кости слона и верблюда. Но так как слон часто изображался на стеатитовых печатях, то можно допустить, что он был одомашнен. То же самое можно сказать и о безгорбом быке (разновидность *Bos primigenius*), который известен лишь по изображениям на печатях⁸. Мясо, несомненно, играло существенную роль в рационе обитателей Мохенджо-Даро. Об этом свидетельствуют большое количество костей молодых животных и следы острого режущего инструмента, которые были обнаружены на костях быка, буйвола и свиньи⁹.

Среди культивируемых растений в хараппское время были известны два вида пшеницы (*Triticum compactum* и *Triticum sphaerococcum*) и ячмень (*Hordeum vulgare*). Из бобовых выращивался горох (*Pisum aescivum*), а масличные культуры были представлены кунжутом (*Sesamum indicum*). Возможно, джовар (*Sorghum vulgare*), или баджра (*Pennisetum typhoides*), — одна из разновидностей проса занимала какую-то часть площади в долине Инда.

Рис пока не найден на поселениях долины Инда, однако отпечатки рисовых зерен известны из Лотхапа, а рисовая шелуха оказалась в обмазке стен в Рангпуре (период II А) и в Лотхале.

Особый интерес представляет найденная в Мохенджо-Даро плетеная хлопчатобумажная ткань. Судя по определениям, растение, из которого она была изготовлена, принадлежало к одной из индийских разновидностей, родственной *Gossypium arboreum*, и волокно, кроме того, было окрашено красителем (*madder*) типично индийского происхождения¹⁰.

Все перечисленные выше растения и сейчас возделываются в районе Ларкана. Пшеница высаживается в основном в весенний период (раби), а джовар возделывается как культура харифа (осеннего урожая) и как культура раби¹¹.

Пока нет единого мнения о характере землепользования в хараппское время.

В. А. Ферсервис, исходя из списка культивируемых растений, где он выделяет в основном пшеницу, ячмень, горох, кунжут, предполагает, что земледельцы Мохенджо-Даро выращивали только весенний урожай, используя под посевы лишь пойму, заливаемую наводнением¹². Х. Т. Лам-

⁷ R. L. Raikes, R. H. Dyson. The prehistoric climate of Baluchistan and the Indus valley. AA, n. s., vol. 63, N 2, p. 265—281.

⁸ Как полагает Ф. Е. Цейнер, индийский бык-зебу происходит от *Bos namadicus*, дикая разновидность которого в Индии известна еще с плейстоцена и центр одомашнивания которого лежал где-то в Южной Азии, тогда как *Bos primigenius*, вероятно, был одомашнен в Западной Азии (см.: F. E. Zeuner. History of Domestication of Animals. Hutchinson, 1963).

⁹ Bholi Nath. Animal-remains from Rangrup; in S. R. Rao. Excavations at Rangrup and other excavations in Gnjarat. Al. N 18—19, 1963, p. 154.

¹⁰ B. and R. Allchin. The Berth of Indian Civilization. London, 1968, p. 259.

¹¹ О. Х. К. Снейт. Индия и Пакистан. М., 1957, стр. 231—232.

¹² W. A. Fairervis. The Origin. . . , p. 28—29.

брик, опираясь на современную практику земледельцев Синда, допускает получение двух урожаев в год¹³.

Основные злаки — пшеница и ячмень, по его мнению, должны были высеваться в конце наводнения на землю, которая была залита рекой или одним из ее естественных каналов, и уже в марте—апреле снимался урожай. В настоящее время такие земли либо вспахиваются, либо удобряются навозом, либо требуют дополнительного полива. Х. Т. Ламбрик утверждает, что «вся операция требует абсолютного минимума мастерства, затрат труда и помощи орудий»¹⁴.

Другие растения, включая хлопок и кунжут (культуры харифа), высевались, вероятно, в начале наводнения, и урожай собирался осенью. Поля опоясывали земляные валы, которые удерживали влагу. Они располагались вдоль берегов естественных каналов.

Хотя оба автора по-разному смотрят на возможности земледелия хараппцев, тем не менее они оба считают, что основой этого земледелия являлись плодородный аллювий и ежегодные наводнения Инда. В. А. Ферсервис допускает даже существование коротких искусственно вырытых отводных каналов¹⁵, но у него и мысли нет о функционировании в то время сложных ирригационных систем.

По нашему мнению, следует различать два периода в земледелии Мохенджо-Даро. Первый, когда земледельцы¹⁶, появившиеся с нагорий Белуджистана, осваиваясь с новыми условиями, по традиции используя «сайлабный» тип орошения, выращивали только один урожай — раби. Второй период, когда возросшие потребности общества вызвали необходимость увеличения продуктов питания, начался с введения новых культур (риса, боджра, хлопка и др.), для выращивания которых необходим был регулярный полив и более обильное увлажнение почвы. К сожалению, никаких остатков древней ирригационной сети не удалось до сих пор обнаружить из-за мощных отложений Инда. Однако наличие в Лотхале искусственно вырытого канала, соединявшего док с речным руслом и прослеженного на расстоянии 2,5 км, допускает существование подобных сооружений и в долине Инда для отвода воды на наиболее плодородные покровные аллювиальные равнины и прирусловые возвышенности. Тем более что защитные дамбы и плотины уже были известны белуджистанским земледельцам¹⁷ — возможным прямым предкам хараппцев.

К сожалению, ничего не известно об орудиях труда земледельцев Мохенджо-Даро. Предположение Э. Маккея о применении каменного лемеха¹⁸ встречает вполне обоснованные возражения¹⁹. Существует убеждение, что плуг вообще не применялся в хараппское время, а лишь мягкая зубчатая борона. Эта точка зрения базируется на идентификации одной из пиктограмм хараппского шрифта как грабли, либо борона²⁰. Возможно, правда, существование деревянного плуга, который до сих пор

¹³ Н. Т. Lambrick. *Op. cit.*, 33 ff.

¹⁴ Там же.

¹⁵ В Синде до сих пор используются каналы паводкового заполнения, прорытые в пойме долины параллельно руслу реки. Часто, если река не поднимается до достаточного уровня, они остаются сухими (см.: О. Х. К. Слейт. Указ. соч., стр. 221).

¹⁶ В. М. Массон. *Средняя Азия и Древний Восток*. М., 1964, стр. 269—270; W. A. Fairervis. *The Origin...*, p. 10—11, 21; «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 52.

¹⁷ C. F. Dales. *The role of natural forces in the ancient Indus Valley and Baluchistan*. APUU, N 62, 1962, p. 30—39; W. A. Fairervis. *The Harappan civilization — new evidence and more theory*. AMN, N 2055, 1961.

¹⁸ Э. Маккей. *Древнейшая культура долины Инда*. М., 1951, стр. 118.

¹⁹ «Возникновение и развитие земледелия». М., 1967, стр. 53.

²⁰ D. D. Kosambi. *Introduction to the Study of Indian History*. Bombay, 1956.

используется при обработке земли в долине Инда²¹. И палка-копалка, несомненно, продолжала применяться для взрыхления почвы под посев.

Вероятно, поля удобрялись перед посевом. О применении тягловой силы животных говорят многочисленные находки моделей двух- и четырехколесных повозок и фигурки бычков с раскраской, возможно, имитирующей сбрую. Уборка урожая производилась бронзовыми серпами.

Для определения численности древнего населения обычно исходят из плотности современной застройки городов и заселения каждого дома²². Для Мохенджо-Даро²³ население определяется в 35—40 тыс. человек²⁴. В. А. Ферсервис полагает, что население Мохенджо-Даро было не менее 41 250 человек, но он исключает из своих вычислений «цитадель» и площадь, лежащую к востоку от нее, рядом с «нижним городом»²⁵. На цитадели помещались не только административно-хозяйственные постройки, но и жилые дома, особенно к востоку от большого бассейна и в южной части цитадели²⁶. Кроме того, на окраине города и за его пределами, у городских стен, археологи находят жалкие остатки жилищ, вырытых в аллювии, которые условно называют «кроличьими норами». Обитатели этих «трущоб», вероятно, жили более скученно, чем основное население Мохенджо-Даро, где, как полагают, в среднем на семью из шести человек приходился один дом и общая площадь 74,42 кв. м на человека²⁷.

Площадь «цитадели» приблизительно равна 7,2 га. Такая же площадь лежит между «цитаделью» и «нижним городом». Значит, следует прибавить к населению 41 250 человек еще 1940 человек и к этой же сумме добавить обитателей «кроличьих нор» (для удобства подсчета предположим, что их было 6810 человек). Следовательно, общее число жителей Мохенджо-Даро составляло 50 тыс. человек²⁸. Вероятно, эта приближительная оценка соответствовала действительности.

Как сейчас установлено, рабочему человеку требуется минимум 2300 калорий в день²⁹. Предположим, что для Мохенджо-Даро этот прожиточный минимум составлял 2500 калорий. Зная ассортимент продуктов, употреблявшихся жителями Мохенджо-Даро³⁰, и опираясь на данные о ежедневном питании современных жителей Синда³¹, получим необходимые 2500 калорий (табл. 1).

Округлим цифру зерна до 478 г. Тогда для одного человека на год потребуется 174 470 г, а для 50 тыс. жителей Мохенджо-Даро — 8723,5 т. По имеющимся данным³², пшеница дает на 1 акр 8,7 маундов³³

²¹ В. М. Фридленд. Между Гималаями и Аравийским морем. М., 1968.

²² H. Frankefort. Kingship and gods. Chicago, 1948, p. 23, 396.

²³ H. T. Lambrick. Указ. соч. Свое сравнение по численности Х. Т. Ламбрик производил с похожим по площади городом в Синде, по данным на 1841 г.

²⁴ R. J. Braidwood, Ch. A. Reed. The Achievement and Early Consequences of Food-Production. A Consideration of the Archaeological and Natural—Historical Evidence. Gold Spring Harbor Somposia on Quatitative Biology, v. XXII. New York, 1957, p. 19—31; R. M. Adams. Указ. соч., стр. 6—7.

²⁵ W. A. Fairervis. The Origin..., p. 57.

²⁶ M. Wheeler. Civilizations of the Indus valley and beyond. New York, 1966, fig. 4.

²⁷ W. A. Fairervis. The Origin..., p. 32, табл. 2, примечание.

²⁸ Определение населения таким методом имеет ряд недостатков. Во-первых, неизвестно, какая часть поселения была занята нежилыми домами. Во-вторых, определенная площадь поселения не является точной, так как, возможно, часть застройки покоится под аллювиальной равниной.

²⁹ A. Bowes and C. F. Church. Food values of portions kommonly used. Philadelphia, 1963.

³⁰ W. A. Fairervis. The origin..., p. 27, tabl. 1.

³¹ «Report of the Food and Agriculture Commision». Ministry of Food and Agriculture. Government of Pakistan. Karachi, 1960.

³² R. R. Revelle. Report on land and water development in the Indus plain. Washington, 1964, p. 90.

³³ 1 маунд=40 сирам=82,28 англ. фунтам. 1 англ. фунт=0,453 кг; 1 акр=4047 кв. м.=0,4 га.

зерна. Проведя необходимые превращения, получим на 1 акр — 324 684 г зерна. Значит, 1 акр прокормит ежегодно 1,86 человека.

Эта цифра вполне сравнима с современными данными по Пакистану. Так, в районе Ларкана ежегодно 1 акр кормит 2,27 человека, в Лас Бела — 1,19, а в предгорьях Белуджистана — 1 человека.

Посевная площадь, обеспечивающая зерном 50 тыс. человек, будет равна 26 881 акрам (50 000 : 1, 86). Сейчас в Пакистане приблизительно 12% площадей занято под кормовыми культурами. Допустим, что похожее соотношение было и в хараппское время. Тогда площади, занятые под посевом джовара, составляли 2240 акров. Зная возможности джовара³⁴, можно подсчитать, что с этой площади ежегодно получали 4928 т зерна и 1344 т бобовых. Следовательно, с общей посевной площади в 29 121 акр земледельцы Мохенджо-Даро ежегодно получали 14 995,5 т зерновых или 1 человек в месяц в среднем получал 25 кг.³⁵

Таким образом, только один весенний урожай зерновых и бобовых уже мог полностью обеспечить существование 50 тыс. человек Мохенджо-Даро.

Другим важным источником пополнения пищевых запасов являлось животноводство. В настоящее время в Пакистане ежедневная норма молока на человека — 156,2 г или 57 013 г на год (округленно 57 кг). Лактационный период коровы — 300 дней. Взяв за средний надой молока от коровы за день 4082,4 г, получим годовую цифру — 1500 л на корову³⁶. От одной коровы в год получают в среднем 900 кг молока. Если человеку в год надо 57 кг молока, то каждая корова производит в год молока для 15,8 человек. Чтобы обеспечить молоком жителей Мохенджо-Даро, требовалось содержать 3164 коровы (50 000 : 15,8).

Но скот использовался и на сельскохозяйственных работах. На 8 акров обрабатываемой земли приходился приблизительно 1 вол³⁷. Значит, для обработки 29 121 акра пашни было необходимо иметь 3640 волов и соответственно — 728 коров (соотношение числа коров и волов в штате Хайпур было 1 : 5). Следовательно, предполагаемое рабочее стадо Мохенджо-Даро равнялось 4368 головам крупного рогатого скота. Если же учитывать молодняк, старых животных и яловых коров, которые в настоящее время составляют треть стада, то общая численность скота в Мохенджо-Даро округленно возрастет до 10 тыс. голов. Как уже отмечалось, в хараппских комплексах преобладают кости крупного рогатого скота, тогда

Таблица 1

Предполагаемый ежедневный рацион одного человека в хараппское время

Продукты	Калорийное содержание	Граммы
Зерновые	1500—1600	477,6
Овощи	50	15,8
Фрукты	50	76,9
Масло	100	14,9
Сахар	100	33,3
Мясо и рыба	200	160
Дичь	125	
Прочее (дикие овощи, орехи)	375	
Всего:	2500	

³⁴ Стебли джовара служат хорошим кормом для скота. Его урожай с одного акра — 22 и более ц зерна, 4,5—9 ц бобовых, выращенных в смеси с ним, и примерно 45—135 ц корма.

³⁵ Интересно сравнить данные, которые приводит А. И. Тюменев о распределении зерновых в Шумере в конце III тысячелетия до н. э. Так, в среднем мужчина получал в месяц 36 кг зерна, женщина — 18 кг (средняя величина для одного человека — 27 кг в месяц) (А. И. Тюменев. Указ. соч., стр. 401).

³⁶ R. R. Revell. Указ. соч., стр. 201.

³⁷ Там же, стр. 204. Современные данные для штата Хайпур, Пакистан.

как кости мелких животных встречаются в 8 раз реже. Отсюда можно установить и количество овец и коз (вероятно, не более 1250 голов).

Обеспечение кормами огромного стада было насущной необходимостью обитателей Мохенджо-Даро. На прокорм единицы крупного рогатого скота требуется в среднем 12 кг различных кормов в день³⁸, т. е. 4380 кг в год. Значит для 10 000 тыс. голов потребуется 43 800 т. Джовар и баджра ценятся именно тем, что они дают прекрасный корм для скота. Кроме зерна, джовар еще мог дать 17 248 т соломы для кормов, а если к этому присоединить еще 8723,5 т пшеничной соломы³⁹, то получится внушительная цифра — 25 971,5 т. Но потребность в кормах была большей, по крайней мере требовалось еще 18 016,5 т кормов только для крупного рогатого скота, не считая коз и овец и прочую мелкую живность, как, например, кур, которые были, вероятно, известны в хараппское время.

Итак, мы рассмотрели две основные отрасли хозяйства жителей Мохенджо-Даро — земледелие и скотоводство. Причем исследование умышленно ограничено условием существования одного урожая — раби, который, возможно, был характерен лишь для первого этапа существования Мохенджо-Даро. Значит, и население в этот первый период было значительно меньше. Можно считать, что уже на начальных этапах освоения Инда появились излишки продуктов, которые могли идти на содержание неземледельческой части населения (ремесленников, купцов, администрации, жречества). Рост народонаселения⁴⁰, увеличение неземледельческого элемента в городской экономике, несовершенство орудий труда требовали либо освоения новых территорий⁴¹, либо ориентации на второй урожай — хариф, для чего уже требовалось сооружение более сложных ирригационных сооружений, чем каналы паводкового заполнения.

Но и возделывание культур второго урожая, давшее вначале большой экономический эффект, позднее сходит на нет из-за прогрессирующего засоления и заболачивания земель (последствия ирригации⁴²) и все возрастающего народонаселения. Территория «острова», где находился Мохенджо-Даро (приблизительно 120 тыс. га), не только не имела места для новых посевов, но и природная среда этой части долины Инда значительно изменилась, ибо потребности развивающегося города привели к изменению экологии равнины Инда⁴³.

Именно в этот второй период существования Мохенджо-Даро (вероятная дата — 2100—1800 гг. до н. э.) происходит значительная экспансия хараппской культуры на восток и юг (в обход пустыни Тар). Возникают, но ненадолго, новые хараппские поселения.

В долине Инда появляется кедр из предгорьев Гималаев и хлопок из Центральной Индии. Колонизация новых земель явилась лишь временной мерой для ликвидации экономических трудностей и не могла разрешить главного противоречия хараппского общества между основным элементом производительных сил — примитивными орудиями труда и возросшими потребностями неземледельческой части хараппского города.

³⁸ *W. A. Fairservis. The Origin...*, p. 39.

³⁹ *M. Fahimuddin. Animal production in Bihar. Bombay, 1963*, p. 66.

⁴⁰ Если даже предположить, что, как и в Амри (прехараппские комплексы), население Мохенджо-Даро составляло первоначально 5 тыс. человек, то при 2% годовом приросте уже через 100 лет его население увеличилось до 50 тыс. человек.

⁴¹ В иных экологических условиях Центральной Европы освоение новых территорий земледельцами дунайской культуры также явилось следствием неумения восстанавливать плодородие почвы, смены сельскохозяйственных культур и применения удобрений (см.: *В. С. Титов. Древнейшие земледельцы в Европе. «Археологические открытия Старого и Нового света»*. М., 1966, стр. 30, рис. 2.

⁴² Аналогичные явления как следствия ирригации отмечены и для раннеклассовых обществ Двуречья (см.: *Г. Н. Лисицына. Указ. соч.*).

⁴³ Почти полностью были уничтожены леса. Только в течение 140 лет для нужд Мохенджо-Даро (главным образом для обжига кирпича) было сведено 40 га прекрасного галерного леса (см.: *R. Raikes, R. H. Dyson. Указ. соч.*, стр. 265—281).

К. Х. КУШНАРЕВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
НЕКОТОРЫХ ПОГРЕБЕНИЙ ЮЖНОГО КАВКАЗА

В конце III тысячелетия до н. э. в Закавказье внезапно появляются крупные курганы со сложными конструкциями внутри, предназначенные для погребения одного лица и отражающие какие-то новые веяния в социальной жизни древнего общества. Мы говорим «внезапно», сопоставляя их с известным материалом предшествующего периода. Вспомним хотя бы энеолитический могильник Кюль-тепе с его почти одинаковыми могилами, лепящимися тут же, среди жилых построек¹. Камень или черепок под головой, а в лучшем случае низка бус, грубый горшок или примитивный обсидиановый ножик — таков был погребальный инвентарь, сопровождавший умерших членов земледельческой общины в V—IV тысячелетиях до н. э.

Судя по данным южнокавказских поселений этого периода, переход к производящей экономике остался уже позади, однако уровень развития производительных сил был еще относительно низким, что являлось постоянным действующим тормозом при получении прибавочного продукта. Последнее, естественно, прямо сказывалось на обеспечении продуктами питания древних коллективов. Именно этот момент с наглядной выразительностью документирует кюль-тепинский могильник, где открытые 73 погребения похожи друг на друга своей бедностью, минимумом погребальных атрибутов.

С поступательным развитием общества и усложнением его структуры трансформируются различные категории памятников, в том числе и погребения. Этот процесс коснулся и Закавказья, где в III тысячелетии до н. э. мы уже застаем большое разнообразие последних. Здесь исследованы одиночные, парные и коллективные захоронения в грунтовых могилах, в каменных ящиках и под небольшими курганными насыпями; практиковалась ингумация и кремация трупов.

Для нашей темы небезынтересно вспомнить серию курганов близ Степанакерта², оригинальных по своей конструкции. Здесь на хорошо утрамбованной площадке сооружалась круглая постройка на деревянных столбах, вкопанных в землю; с востока выкладывался коридорообразный вход. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что по размерам и по форме эти заупокойные пристанища копировали круглые жилища постройки того времени. Значит, каждая такая могила символизировала дом. В нее через вход вносили очередного умершего, присыпали землей,

¹ О. А. Абибуллаев. Погребальные памятники из поселения Кюль-тепе. МКА, Баку, 1965, стр. 29.

² Я. И. Гуммель. Раскопки в НКАО. «Изв. АзФАН СССР», № 4, 1939; он же. Некоторые памятники раннебронзовой эпохи Азербайджана. КСИИМК, вып. XX, 1948.

а вход до следующих похорон замуровывали большой каменной плитой. В таком «доме мертвых» хоронились от 40 до 50 человек, причем только пять или шесть из них в пределах погребальной площадки были уложены на спину примерно на равном расстоянии друг от друга. Вокруг каждого лежащего, как бы «основного» покойника, группировалось по семь-восемь умерших, взрослых и детей, уложенных в скорченном или сидячем положении. Любопытно расположение вещей в этих коллективных могилах; если у большинства умерших находили лишь горшок с пищей, то около некоторых покойников наблюдается скопление довольно редких по тому времени вещей—булава, медный клинок, ступка—в одном случае; наконечники стрел, пряслица—в другом; медный клинок, золотая серьга и скопление обсидиановых отщепов—в третьем. Эти же умершие в отдельных случаях отмечены жертвоприношениями животных.

Состав и распределение погребенных и инвентаря в степанакертских курганах проливает некоторый свет на отдельные звенья социальной структуры общества Южного Кавказа начала III тысячелетия до н. э. Каждый родовой поселок имел уже специальное место для погребений. Рассмотренные нами курганы являлись скорее всего отдельными усыпальницами таких родовых кладбищ, которые предназначались для захоронений родственных патриархальных семей; последние и представлены здесь их главами, уложенными в подчеркнуто отличной позе и отмеченными особыми предметами, и остальными их членами. Кстати, такие семейные ячейки мы видим погребенными самостоятельно, в отдельных могилах, в несколько более поздних курганах Хаченагета. Для нашей темы важно отметить, что здесь намечается уже некоторое неравенство между отдельными семьями родовой общины.

В связи со сказанными вспомним, что Ф. Энгельс, изучая родовой строй некоторых древних народов, отмечал, что род обязательно имеет общее кладбище. У ирокезов, например, «весь род умершего участвует в погребении, заботится о могиле, надгробных речах и т. д.». А индейцы тускарора «имеют на кладбище особый ряд для каждого рода, так что в одном ряду с детьми хоронят мать, а не отца»³.

К середине III тысячелетия до н. э. количество вещей, особенно украшений, в некоторых могилах Кавказа значительно возрастает, что служит бесспорным свидетельством начавшегося имущественного расслоения общества. Показателем дальнейшего бурного расцвета этого процесса явилось появление к концу III тысячелетия до н. э. в различных частях Закавказья погребений, резко выделяющихся своей величиной, оригинальностью внутренних конструкций, а также качественно новым и, бесспорно, высокоценным по тому времени инвентарем⁴. А. А. Иессен отмечает, что «появление подобных богатых погребений становится возможным лишь в условиях общего роста благосостояния всего общества, роста, основанного в данном случае, несомненно, на развитии скотоводства и параллельно — земледелия»⁵.

Приведем два наиболее ярких примера. В Мильской степи в урочище Уч-тепе возвышаются три кургана-гиганта, сооруженные последовательно, с короткими промежутками времени. Высота самого большого—21 м, самого маленького, в раскопках которого довелось участвовать и автору этих строк,—15 м⁶. Сооружен он следующим образом: сначала вырыта грунтовая яма площадью 36 кв. м, после совершения погребения она

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 90.

⁴ Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949.

⁵ А. А. Иессен. К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 195.

⁶ А. А. Иессен. Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА, № 125, стр. 153.

была перекрыта сотней толстых восьмиметровых бревен, а сверху была сооружена каменная насыпь объемом 700 куб. м. (Заметим, что только часть этих камней, разобранных при расчистке могильной камеры, была вывезена на 240 машинах-самосвалах). Поверх каменной насыпи была насыпана земляная махина высотой 13 м, диаметром около 100 м. К сожалению, древнее захоронение со всем реквизитом было вынесено через специальную штольню, а на его месте оказался похороненный в 30-х годах VII в. знатный хазарский воин. Таким образом, содержание древней могилы для науки было навсегда утрачено. Однако о высокой социальной значимости некогда похороненного здесь лица говорит вся монументальная постройка, общий объем которой в целом составляет около 35 000 куб. м. Естественно, что землю надо было выкопать, перенести на определенное расстояние и сыпать на насыпь. Со слов А. А. Ваймана, перечисленные виды работ получили отражение в списках постоянных величин старовавилонского времени и существовали в Шумере еще при III династии Ура. Так, норма землекопа в день была 3 куб. м, норма переноски земли в корзинах на расстоянии 6 м составляла 30 куб. м, а норма насыпки земли — 6 куб. м.⁷

При сооружении кургана одна группа людей копала землю, другая переносила и сыпала. Приблизительный объем работ, выполненных для постройки кургана, составляет 21 тыс. человеко-дней. Надо учесть сверх этого организацию трудоемкой транспортировки 700 куб. м камня и сотни огромных стволов деревьев.

Что касается самого большого Уч-тепинского кургана, то на сооружение его насыпи объемом 80 тыс. куб. м было затрачено приблизительно 48 тыс. человеко-дней.

Обратим внимание на одну деталь, проливающую определенный свет на систему организации работ на третьем кургане. Во время раскопок на его центральном разрезе четко прослеживались три ниспадающих слоя, что позволило А. А. Иессену говорить о сооружении насыпи в три приема. Пойдем несколько дальше и поставим вопрос — в какое время года могли производиться работы и с каким промежутком времени были насыпаны эти три насыпи? Ответ на него надо искать в форме хозяйства того времени.

Нам хорошо известен, в частности, всесторонне обоснованный тезис Б. Б. Пиотровского о скотоводстве как о доминирующей форме хозяйства у древних аборигенов Кавказа⁸. Складывающаяся в основных своих чертах, по-видимому, уже к концу III тысячелетия до н. э. и сохранившаяся до наших дней форма яйлажного скотоводства с выгоном скота в весенне-летний сезон на горные пастбища, заставляет рассматривать степные просторы Миля, где возвышаются курганы, и горный массив соседнего Карабаха как единый, объединенный одной исторической судьбой культурно-хозяйственный район.

Природа этих районов диктует людям свои условия и сейчас. Форма хозяйства здесь осталась прежней. Работая в Мильской степи в течение многих лет, мы, участники экспедиции, два раза в год наблюдали «переселение народов», при котором весной кочевники со своими семьями и необходимым для длительного житья, а также переработки мясных и молочных продуктов инвентарем грузились на лошадей, верблюдов, ослов и сопровождали на кочевья в горы огромные отары мелкого рогатого скота; поздней осенью вся эта лавина спускалась вниз, в степь, причем часть зимников для скота располагалась непосредственно в районе наших курганов.

⁷ А. А. Вайман. Шумеро-вавилонская математика. М., 1964, стр. 38.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье. СА, XXIII, 1955.

А если годовой хозяйственный цикл был таким же и в древности, то логично допустить, что постройка курганов протекала скорее всего в зимнее время обычного хозяйственного затишья, когда скотоводы спускались с гор в степь; кстати, общая плюсовая температура, характерная для зимы южных районов Азербайджана, отнюдь не могла помешать длительным строительным работам.

Итак, малый Уч-тепинский курган насыпан в три приема. Если предположить, что в каждый зимний сезон курган насыпался приблизительно в течение трех месяцев, т. е. около 90—100 дней, то при общей затрате труда на его сооружение в 21 тыс. человеко-дней здесь ежегодно, в течение трех лет, должно было работать примерно 75—80 общинников.

На постройку же самого большого кургана было потрачено 48 тыс. человеко-дней, иными словами, ежегодно в течение трех сезонов здесь должно было быть занято 170 человек. Если же сооружение последнего длилось еще дольше, то количество одновременно занятых рабочих рук должно быть соответственно уменьшено.

Таковы приблизительные производственные усилия, затраченные при строительстве уч-тепинских курганов. Учитывая относительно небольшую плотность населения в этих районах в древности, а также сравнительно еще низкую производительность труда, при которой каждые рабочие руки являлись необходимым винтиком в общей системе хозяйства, усилия эти нам представляются более чем значительными.

Грандиозный размах работ на этих курганах, явно непосильный для сравнительно небольшого родового коллектива, заставляет предполагать, что строило их какое-то более крупное социальное подразделение. Этим последним было скорее всего вырвавшееся в экономическом плане вперед племя скотоводов, обитавшее в мильских просторах, а похороненные в курганах люди, бесспорно, были представителями высшей общественной власти — вождями этого племени.

Нам представляется, что количество труда, затраченного соплеменниками на организацию места погребения своего умершего предводителя, наиболее объективным образом характеризует степень зависимости первых от последнего и наилучшим образом подчеркивает высокую социальную значимость этого лица. Это главный критерий, позволяющий выделить самые ранние погребения племенных вождей.

Несколько иной характер носит второй памятник того же времени — Беденский курган — самый крупный из цепочки курганов на высокогорном плато Тетрицкаро⁹. Здесь количество затраченного на сооружение насыпи труда равно 6500 человеко-дням. В огромную яму объемом в 343 куб. м впущен деревянный сруб с деревянным полом и потолком. Труп погребенного внесли на разукрашенных золотом носилках, после чего поместили на колеснице. Знатного покойника сопровождали трупы насильственно убитых мужчины и женщины.

Несмотря на ограбление могилы, пышность погребальной обстановки не вызывает сомнения. Здесь были части деревянной мебели, деревянная посуда и подносы, войлочные ковры и шкуры животных, золотые и серебряные части погребального штандарта, десятки сосудов, предметы украшения из драгоценных металлов, туалетные принадлежности, изысканные ткани.

Кем при жизни беденскому вождю приходилось убитые при похоронах люди, быть может, легче будет определить, когда станут известны более подробные детали их погребения; Г. Ф. Гобеджишвили отмечает их

⁹ Г. Ф. Гобеджишвили. Беденская гробница. «Друзья памятников культуры», вып. 12. Тбилиси, 1967; он же. Беденские курганы. «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1970 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1971.

скромное место в могиле. В этой связи обращает на себя внимание, что около женского трупа находилось веретено. Это указывает на занятие покойной при жизни. Трудившаяся некогда на своего патрона молодая женщина была, возможно, его рабыней, что можно считать уже логически допустимым для общества с далеко зашедшей социальной дифференциацией. Кстати, некоторые погребения этого времени, лишенные каких бы то ни было вещей, мы также склонны рассматривать как погребения рабов.

Беденская гробница с неменьшей выразительностью характеризует высокую власть погребенного здесь лица, которое мы с достаточным основанием можем идентифицировать с одним из вождей другого скотоводческого племенного объединения, обитавшего уже в южных районах Грузии. И здесь объем потраченного на устройство могилы труда потребовал отвлечения от каждодневных хозяйственных работ не одного десятка рабочих рук.

Однако обряд погребения у этого племени был совершенно иным, чем у племени Миля. Кроме того, здесь найдена блестящая серия неожиданных для III тысячелетия до н. э. предметов, среди которых уникальными являются украшения из драгоценных металлов. Эти вещи отсутствуют не только в рядовых могилах, но даже в семейных и одиночных погребениях родо-племенной знати, приближенных вождей, к числу которых мы относим, скажем, сравнительно богатые курганы Сачхере, Хаченагета, Амиранис-гора, Квацхелеби. Именно редкие изысканные вещи, изделия прикладного искусства, придающие особый блеск погребальной обстановке, являются, с нашей точки зрения, вторым критерием для выделения могил племенных вождей Кавказа. Однако этот критерий скорее подчеркивает роскошь и богатство, окружавшие их при жизни, как результат становления уже к этому времени института частной собственности, нежели прямо и непосредственно характеризует общественное положение погребенного.

Усиление роли скотоводства, дающего с избытком прибавочный продукт, ведет к дальнейшему распаду первобытнообщинного строя. Эти накопления материализуются в монументальных погребальных памятниках первой половины II тысячелетия до н. э. Постройки усыпальниц вождей-скотоводов приобретают еще больший масштаб. Традиция собственных кладбищ полностью сохраняется; каждое племя хоронит свою знать в определенном месте. Сохраняется и традиция сооружения больших курганов насыпей. На высокогорных плато Триалети¹⁰ и Зуртакети¹¹ раскинулись десятки больших курганов с грандиозными каменными залами и примыкающими к ним длинными дромосами, по которым двигались траурные процессии.

Самый большой из них — третий Зуртакетский курган, имеющий насыпь объемом 21 тыс. куб. м. Если бы насыпь была земляной, то объем выполненных работ выразился бы цифрой 12 тыс. человеко-дней. Однако постройка такой пирамиды из камня — работа более трудоемкая, что заставляет сделать поправку в сторону значительного увеличения этой цифры. А ведь это еще только какая-то часть произведенных работ: под этой насыпью оказался огромный зал площадью 152 кв. м при высоте каменных стен в 6 м. Кроме того, к нему вел дромос, площадь которого была почти вдвое больше самого зала — 276 кв. м. Что касается знаменитого триалетского Топ-кара, то здесь площадь погребального зала составляла 175 кв. м.

Вследствие воздухопроницаемости этих грандиозных конструкций, дерево, которого было, очевидно, много, полностью истлело. Кроме того,

¹⁰ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 78; он же. Археологические раскопки в Цалкинском р-не в 1947 г. Тбилиси, 1948.

¹¹ О. М. Джапаридзе. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1969.

часть могил была, бесспорно, ограблена. И несмотря на это, удается восстановить, что сожженный прах покойника, согласно более ранней традиции, вносили на специальном ложе, которое затем устанавливали на колеснице. В жертву приносились быки и другие животные. Могила обставлялась десятками сосудов, золотой и серебряной утварью, украшениями и другими предметами прикладного искусства, изготовленными уже по специальному заказу искусными ювелирами, выделившимися к этому времени уже из общего числа ремесленников, занятых в металлургии. О последнем можно судить по самому раннему погребению ювелира с его рабочим инструментом в Авневском кургане в Грузии. Другая часть изящных предметов прикладного искусства могла попасть к вождям как результат обмена на скот с племенами, обитавшими на Ближнем Востоке, в частности с хеттами, хурритами и др.

Таким образом, в основе определения погребений племенных вождей первой половины II тысячелетия до н. э. продолжают лежать все те же критерии — огромное количество труда, затраченного рядовыми общинниками на их заупокойные сооружения, и наличие в могилах уникальных, теперь нередко уже привозных изделий прикладного искусства.

Погребения, совершенные «на высшем уровне», продолжают встречаться и в последующий период — во второй половине II тыс. до н. э. От этого времени благодаря консервирующим свойствам воды до нас дошли почти нетронутыми захоронения аристократии уже третьего племенного объединения, устроившего свое кладбище на берегу Севанского озера¹². Севанские погребения отражают сложную и во многом непонятную систему верований, заупокойных обычаев и «табели о рангах», принятых у местных скотоводческих общин. Для погребений вождей характерны просторные каменные склепы, сложенные из пятитонных глыб, и деревянные срубы внутри. Здесь была принята ингумация. Труп вождя лежал на колеснице. В отдельных случаях, как, скажем, во втором склепе, в могилу было поставлено четыре колесницы. Отличаются эти погребения числом человеческих жертвоприношений, что не наблюдалось в более ранних могилах. Так, в Адиаманском кургане погребение вождя сопровождало 13 скелетов, а в одной из Лчашенских могил — 11.

И в этих могилах встречаются уникальные предметы, хотя они носят несколько иной характер. В подавляющем большинстве это не ювелирные изделия, а предметы культового назначения — курильницы, двураструбные сосуды, символические навершия. Характерно и обилие оружия.

Лчашенские курганы документируют утверждение института рабства, что характерно уже для общества с раннеклассовыми отношениями. Это был расцвет того периода, о котором Ф. Энгельс писал, что «на пороге достоверной истории мы уже всюду находим стада, как обособленную собственность глав семей совершенно так же, как и произведения искусства варварской эпохи, металлическую утварь, предметы роскоши и, наконец, людской скот — рабов»¹³.

Эпоху поздней бронзы характеризуют пестрота и разноплановость могильников. Именно в этом типе памятников как в фокусе отразилось усложнение духовной жизни аборигенов и многоступенчатость социальных рангов. Существует разноречие и в терминологии памятников. «Погребения вождей», читаем мы у одних авторов, «княжеские курганы», пишут другие; «могила воина со своими дружинниками», «хозяина с рабами» и пр. И для того чтобы разобраться в этом полностью, у нас нет пока еще достаточных данных.

Курганная культура в этот период продолжается, особенно в Восточ-

¹² А. О. Мнацаканян. Лчашенские курганы. КСИА, вып. 83, 1961.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 58.

ном Закавказье. Вместе с тем характер погребений значительно меняется. Каменные залы исчезают. На смену приходят либо относительно небольшие ящики, либо грунтовые могилы. Оставляя в стороне подробный анализ всей массы этих памятников, обратим внимание лишь на некоторые моменты. Первый из них — исчезновение таких пышных и монументальных построек для вождей племен, которые мы наблюдали в эпоху средней бронзы. Возникает вопрос — не является ли определенная нивелировка богатых погребений свидетельством дальнейшего политического и имущественного усиления прослойки родо-племенной аристократии, похороны представителей которой, так же как и похороны отдельных глав племен, ничем принципиально не отличаются друг от друга?

Вспомним, например, суданское племя нуэро, сохранявшее до недавнего времени первобытнообщинные отношения¹⁴. Во главе племени здесь стоял «владыка земли», или «лекарь земли», распределявший землю между отдельными родами. Второй фигурой являлся «владыка скота», в обязанности которого входило распределение скота между отдельными семьями, наблюдение за продвижением скота на кочевья и водопой, организация инициаций и связанных со скотом обрядов. Видное место в племени занимал и военный предводитель. Эти главные лица со своими семьями пользовались наибольшим влиянием в племени. Вероятно, и похороны их совершались с большим почетом.

Отталкиваясь от такого возможного толкования социальных рангов, вспомним хотя бы первый Арчадзорский курган в Карабахе¹⁵. Здесь в одной большой могиле находилось четыре трупа, причем основной, около которого было значительное скопление оружия, лежал в вытянутом положении, а остальные, тоже вооруженные, — в скорченном. На всех были шлемы, около каждого — удила. Очевидно, погребенный был представителем какой-то военной касты, захороненный со своими дружинниками, охранявшими его и после смерти. К той же категории погребений относится и пятый Карабулахский курган¹⁶, где по обе стороны военачальника, положенного вытянуто, в полном военном облачении, сидят на корточках тоже вооруженные дружинники. Уникальным для Закавказья явлением можно считать наличие останков в могилах двух трупов верблюдов.

А вот «княжеские могилы» около Ханлара по своей обстановке кажутся принадлежащими лицу еще более высокого ранга. Здесь в коллективной могиле основного покойника сопровождали трупы шести-семи насильственно убитых людей и нескольких лошадей¹⁷. Судя по размещению оружия в могиле, это могла быть военная свита. Однако вокруг главной могилы, под той же курганной насыпью, вне главной могилы, оказалось еще семь одиночных захоронений, причем разных по обряду, но схожих полным отсутствием сопровождающих вещей. Похороненных здесь лиц логичнее всего считать убитыми рабами.

Бессспорно, останки насильственно убитых рабов найдены и в курганах у сел. Армахи, в том же Карабахе¹⁸. Они в отличие от Ханларского кургана были уложены в одну могилу с хозяином, однако если последний лежал вытянуто, на боку, то первые были усажены в позе «на корточках». В первом кургане убитых было трое, а в пятом — восемь человек. Обращает на себя внимание неравномерное распределение предметов в могилах, при котором почти все вещи находятся около главного погребенного. Но что еще больше бросается в глаза, это различие в их антро-

¹⁴ «Народы Африки». М., 1954, стр. 245.

¹⁵ К. Х. Кушнарера. Некоторые памятники поздней бронзы в Нагорном Карабахе. СА, XXVII, 1957, стр. 136.

¹⁶ А. А. Ивановский. По Закавказью. МАК, вып. VI, 1911, стр. 157.

¹⁷ Я. И. Гуммель. Погребальный курган около Еленандорфа. Баку, 1931.

¹⁸ К. Х. Кушнарера. Некоторые памятники... стр. 148.

пологическом типе. В обоих упомянутых случаях череп основного покойника определен как долихоцефальный, в то время как сидящие на корточках были брахицефалами.

Эти насильственно убитые люди также являлись рабами, однако рабами, приобретенными во время войны с каким-то этнически иным племенем.

Таким образом, курганы эпохи бронзы Карабаха весьма убедительно рисуют картину широко развившегося к этому времени института рабства. Какой характер оно носило — сказать, по имеющимся данным, трудно. Обращает на себя внимание одна существенная деталь: люди, во время похорон которых были совершены человеческие жертвоприношения, имели при жизни средний достаток, что и зафиксировано весьма скромной обстановкой ахмахинских могил. Тем не менее число рабов в некоторых из них доходило до восьми. Не говорит ли это о широкой распространенности рабского труда, о сравнительной дешевизне рабов и, наконец, о легкости их добычи из числа военнопленных во время постоянных межплеменных столкновений, столь характерных для этого неспокойного предрартского периода в истории племен Южного Кавказа.

Процесс развития общинного ремесла и все усиливающаяся тенденция к его полному обособлению, приобретение продуктами ремесленного производства характера товарных, меновых единиц, оживление обмена и торговли, зафиксированных не одним десятком кладов, а также появление новой категории людей — купцов или торговцев-посредников, — все это привело к окончательному разрушению родовой организации. Выделение ремесла из общей системы земледельческо-скотоводческого хозяйства выводит на историческую арену еще одну категорию заупокойных памятников — погребения ремесленников: металлургов, плотников, гончаров, ювелиров, которые мы хорошо знаем по могилам Артика, Сисиана, Гантиади и др.¹⁹

Таким образом, идет дальнейший процесс распада общества на различные социальные группы, что хорошо прослеживается и по погребальным памятникам.

Мы попытались определить погребения вождей, военачальников с дружинниками, погребения имущих общинников со своими рабами, погребения ремесленников, рядовых общинников. К сожалению, отсутствие письменных источников для этого периода не дает нам возможности конкретизировать более точное содержание этой многоступенчатой социальной системы.

На память приходит система членения общества в Чжоуском Китае, находившемся в IX—III вв. до н. э. примерно на том же уровне развития²⁰. Здесь письменные источники оказываются дублированными археологическими документами. Выясняется, что китайское общество было разделено не только на «благородных», «напрягающих свой ум», и «низких», «напрягающих свою силу», но членилось на десять более мелких социальных слоев или рангов, стоящих в определенной многоступенчатой зависимости друг от друга. Любопытно, что, несмотря на то что все ранги расположены в строгом иерархическом порядке, некоторые из них в ряде случаев объединяются в одну группу. Словия различались не только правами и обязанностями по отношению к вышестоящим и нижестоящим рангам, их отличали и определенные элементы их материальной и духовной жизни. «Одежда распределяется в зависимости от ранга, богатства используются, соизмеряясь с жалованьем, — пишется в трактате

¹⁹ К. Х. Кушнарева. К вопросу о развитии ремесла на Южном Кавказе в древности. В печати.

²⁰ М. В. Крюков. Социальная дифференциация в древнем Китае. «Разложение родового строя и формирование классового общества». М., 1968, стр. 199.

«Гуаньцзы». — Питье и еда имеют меру, одежда — установления, жилища — правила, скот и слуги — число, лодки, колесницы и утварь — ограничения. При жизни люди соблюдают различия в шапках, одежде, жалованьи зерном, полях и усадьбах, а после смерти есть установления относительно их внутреннего и внешнего гроба, савана, головной накладки, могильной ямы и надмогильного холма»²¹.

Аналогичное деление на социальные ранги наблюдается и в других обществах, стоящих на стадии разлагающихся первобытнообщинных или раннеклассовых отношений — в древней Индии, у древних кельтов и майя²². «Табель о рангах» зафиксирована у ряда отсталых народов Полинезии и до сегодняшнего времени.

Так письменные и этнографические данные из истории других народов в какой-то мере способствуют пониманию отдельных звеньев сложной и почти не восстанавливаемой только по археологическим данным социальной структуры общества на древнем Кавказе.

Н. М. ВИНОГРАДОВА

ПАМЯТНИКИ ПЕРЕХОДНОГО ЭТАПА ТРИПОЛЬЯ VI—VII
В ПОБУЖЬЕ И ПОДНЕПРОВЬЕ

Систематический характер исследований на территории Побужья и Поднепровья, значительное накопление новых материалов делают возможной разработку вопросов о выделении памятников переходного этапа Триполья VI—VII (Кукутени А—В) не только в Поднестровье¹, но и в Побужье, и в Поднепровье.

Результаты многолетних исследований на таких трипольских памятниках, как Клищев Тывровского р-на Винницкой обл.² и Шкаровка Белоцерковского р-на Киевской обл.³, заставляют пересмотреть вопросы хронологии и культурной специфики уже известных трипольских поселений Побужья и Поднепровья. В свете имеющихся в настоящее время материалов к изучаемому периоду Триполья VI—VII могут быть отнесены следующие памятники: Щербаневка, Триполье, Веремье⁴, Шкаровка в Среднем Приднепровье и Пьянишково⁵, Клищев, Лещиновка, Ботви-

¹ Памятники этого типа были выделены из этапов Триполья VI и VII на основе сопоставления их с поселениями Кукутени А—В в Румынии. Раскопки последних подтвердили стратиграфическое место переходной фазы Кукутени А—В и вместе с тем показали, что она продолжалась довольно долго (см.: *H. Schmidt. Cucuteni in der oberen Moldau. Berlin—Leipzig, 1932; V. Dumitrescu. La station préhistorique de Traian. «Dacia», IX—X, 1941—1944, стр. 11с; он же. Originea și evoluția culturii Cucuteni—Tripolie. SCIV, XIV, N 2, 1963, стр. 290; A. Lászlo. Așezarea Cucuteni A—B de la Huși. AM, t. IV, 1966, стр. 7—22*). Анализ материалов с поселений переходного этапа Триполья в Поднестровье дает возможность говорить о двух группах памятников: 1) лещицкая на территории Западной Украины и 2) солонченская в Молдавии. В первой, исследованной лучше, выделяются более ранние памятники (Выгнанка, Залещики), которые в свою очередь сопоставляются с поселениями Кукутени А—В/1 (Кукутени, Дымбул—Морий, Корлэтен), и более поздние (Поливанов Яр II, Крутобородинцы I), синхронные поселениям Кукутени А—В/2 (Траян, Хуши). Солонченская группа (Солончены II, Флорешты—Заготзерно) соответствует памятникам Кукутени А—В/1 (подробнее см.: *Н. М. Виноградова. Памятники переходного этапа Триполья VI—VII в Поднестровье. СА, 1972, № 1, стр. 36—55*).

² *I. I. Зайц. Пам'ятки трипільської культури на території південного Побужжя. Матеріали третьої подільської історико-краєзнавчої конференції. Львів, 1970, стр. 105—106*. Благодарю руководителя раскопок И. И. Зайца за любезное разрешение ознакомиться с материалами.

³ Сообщение Е. В. Цвег на Украинской археологической конференции 1969 г. в г. Ужгороде. Выражаю благодарность Е. В. Цвег, предоставившей мне материалы для ознакомления.

⁴ Веремье, Щербаневка и Триполье исследовались В. В. Хвойкой в течение нескольких лет и затем были включены в так называемую «культуру А» (см.: *В. В. Хвойка. Каменный век Среднего Приднепровья. «Труды XI АС», т. I, 1901, стр. 69* (цитируется по отдельному оттиску). В 1925 г. раскопки в Веремье были продолжены В. Козловской (см.: *В. Козловська. Раскопки у с. Веремі у жовтні р. 1925. «Коротке звітання ВУАК за 1925».* Київ, 1926, стр. 51—53).

⁵ *M. Himner. Etude sur la civilisation prémycénienne dans le bassin de la Mer Noire, d'après des fouilles personnelles, t. XIV. Swiatowit, 1933.*

новка, Богачевка, Папуженцы на Южном Буге⁶ (рис. 1).

Для топографии поселений рассматриваемого периода характерно расположение на отдельных возвышенностях около рек (Веремье, Щербаневка, Триполье) или на краю надпойменной террасы (Клищев, Шкаровка). Почти на всех упомянутых выше памятниках были обнаружены наземные глинобитные дома. Как отмечает В. В. Хвойка, площадки обычно располагались рядами, образуя круг почти правильной формы⁷. На поселении Триполье было открыто около 30 площадок, из которых 20 было раскопано⁸. Средние размеры глинобитных домов в Веремье, Щербаневке и Триполье составляют примерно 4×5 м⁹, в Пьянишково они несколько больше — 6×5 м¹⁰. В двух случаях на поселении Триполье под глинобитными площадками были обнаружены ямы глубиной до 1,5 м¹¹. В. В. Хвойка говорит неоднократно о находках

человеческих костей на площадках. В одних случаях это трупосожжение в урнах¹², в других — остатки труположения¹³. Часто встречаются частичные захоронения отдельных черепов или костей. Захоронения обычно сопровождаются различным инвентарем, среди которого следует отметить находки медных топориков¹⁴. В силу изложенных выше причин В. В. Хвойка считал площадки древнейшими могильниками Среднего Приднепровья¹⁵. В дальнейшем мысль В. В. Хвойки о погребальном назначении площадок была отвергнута работами Е. Ю. Кричевского и Т. С. Пасек, но в связи с открытием Софиевского могильника и других позднетрипольских могильников подтвердилось мнение В. В. Хвойки о существовании в трипольское время обряда трупосожжения¹⁶.

Далее перейдем к характеристике основных находок с поселений вы-

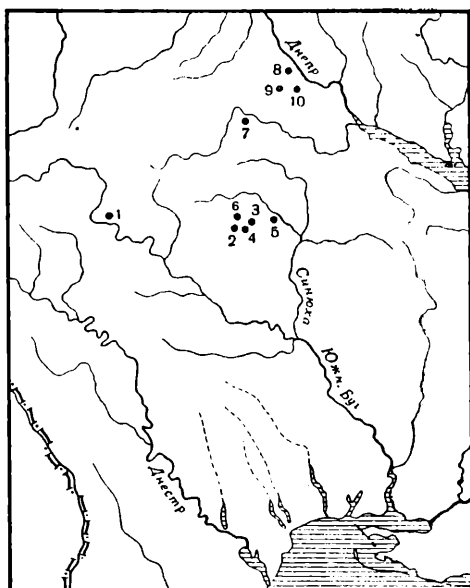

Рис. 1. Карта распространения памятников Триполья VI-VII в Побужье и Поднепровье

- 1 — Клищев; 2 — Пьянишково; 3 — Лешиновка;
4 — Богачевка; 5 — Папуженцы; 6 — Ботвиновка;
7 — Шкаровка; 8 — Триполье; 9 — Щербаневка;
10 — Веремье

⁶ Приношу глубокую благодарность В. А. Стефановичу за возможность ознакомиться с материалами разведок с поселений Лешиновка, Ботвиновка, Богачевка и Папуженцы (подробнее см.: В. А. Стефанович, О. П. Диденко. Археологические памятники Уманщины. Умань, 1968. Рукопись хранится в архиве ИА АН СССР, д. Р-2, № 2077).

⁷ В. В. Хвойка. Каменный век..., стр. 68.

⁸ Там же, стр. 68. В Веремье диаметр круга составлял около 500 м, в Триполье — 2 версты. Размеры поселения в Пьянишково равняются примерно 800×500 м (см.: В. В. Хвойка. Каменный век..., стр. 49, 50, 58).

⁹ В. В. Хвойка. Каменный век..., стр. 45.

¹⁰ М. Himner. Указ. соч., стр. 50.

¹¹ В. В. Хвойка. Каменный век..., стр. 58.

¹² Там же, стр. 60.

¹³ В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 16.

¹⁴ В. В. Хвойка. Каменный век..., стр. 48, 58, 71.

¹⁵ В. В. Хвойка. Древние обитатели..., стр. 16.

¹⁶ Ю. Н. Захарук. До питання про обряд поховання населення Трипільської культури в Середньому Подніпров'ї. «Наукові записки Інституту суспільних наук АН УРСР», т. 1. Київ, 1953, стр. 160.

деляемого периода. Прежде всего упомянем изделия из камня и кости, которые представлены кремневыми скребками и ножами, каменными топорами, зернотерками и клиновидными орудиями из рога оленя. Особого внимания заслуживает крестообразная каменная булава с прекрасно отполированной поверхностью с поселения Веремье, плоские медные топоры¹⁷ и топор-клевец из Веремья¹⁸. Последний изготовлен из мышьяковистой меди с заметной примесью никеля¹⁹. Как предполагает Е. Н. Черных, топор-клевец связан скорее всего с кавказским импортом, поскольку состав меди клевца из Веремья сходен с медью изделий майкопской культуры. Кроме того, клевец по своим формам очень напоминает аналогичные находки с памятников раннего бронзового века Грузии²⁰.

Особую важность приобретает керамический материал, который был положен в основу выделяемого нами переходного этапа Триполья VI—VII на территории Побужья и Поднепровья²¹. Большое значение здесь имеет соотношение различных групп керамики. Большинство составляет посуда с углубленным орнаментом, она представлена следующими формами: грушевидные сосуды со срезанным горлом, конические и шлемовидные крышки, бинокли, амфоры, миски (рис. 2, 4) и сосуды довольно оригинальной формы (рис. 2, 7). Цвет глины красноватый или серый, часто внешняя поверхность сосуда окрашена краской коричневого цвета²².

Вся посуда украшена углубленными, инкрустированными белой пастой лентами. Орнамент занимает почти всю поверхность сосуда и часто располагается поясами. Система орнаментации на крышках, биноклях и подставках примерно одна и та же. Наиболее простой является орнаментальная композиция из прямых горизонтальных лент, обрамленных иногда точечными вдавлениями (рис. 4, 11, 13; 2, 1, 2). Перемычки на биноклевидных сосудах украшаются горизонтальными линиями, концентрическими кругами, спиралями или точечными вдавлениями (рис. 4, 11, 13). Часто появляется орнамент дуговидных лент или «гирлянды» (рис. 4, 5—8; 2, 3, 7). На некоторых шлемовидных крышках он повторяется одновременно в двух орнаментальных зонах (рис. 4, 5). Изредка узор дуговидных лент усложняется введением между лентами заштрихованных треугольников. Встречаются и другие орнаментальные композиции: на поверхности сосудов изображаются негативные овальные фигуры, свободное пространство между которыми заштриховывается тонкими ли-

¹⁷ Всего их найдено шесть штук: четыре — в Веремье, один — в Триполье (см.: *Ф. Вовк. Вироби передмікенського типу в неолітичних становищах на Україні. «Антропологія», 1927, № 1, стр. 24).*

¹⁸ *В. В. Хвойка. Каменный век... , табл. XXI.*

¹⁹ *Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы, МИА, № 132, 1966, стр. 122.*

²⁰ Там же, стр. 69, 71. Условия находки топора-клевца из Веремья не были ясны. На другом поздне трипольском поселении, раскопанном В. В. Хвойкой также в Веремье, медных предметов вообще не было найдено (см.: *В. В. Хвойка. Каменный век... , стр. 50).* Из медных же вещей, которые были встречены на памятниках «культуры А», В. В. Хвойка отмечает лишь плоские клиновидные топоры, сделанные из металлургически чистой меди. Кроме того, в настоящее время ни на одном среднетрипольском поселении не были найдены медные топоры, отличающиеся повышенным содержанием мышьяка и никеля. Только на самом позднем этапе развития трипольской культуры «мышьяковистые бронзы» начинают играть ведущую роль в металлообработке усатовского очага и изредка появляются на памятниках софиевского типа (см.: *Е. Н. Черных. О древнейших очагах металлообработки Юго-Запада СССР. КСИА, вып. 123, 1970, стр. 25, 26).* В силу вышесказанных причин нам представляется сомнительным нахождением топора-клевца из Веремья непосредственно в трипольском слое.

²¹ *Т. С. Пассек, В. Козловская и Л. А. Динцес* посвятили специальные работы керамике «культуры А» Хвойки (см.: *Т. Пассек. La céramique tripolienne. Moscou, 1935; В. Козловська. Кераміка культури А. Трипільська культура на Україні, вып. 1. Київ, 1926, стр. 139 и сл.; Л. А. Динцес. Прочерченный трипольский орнамент «культуры А». «Аспирантский сборник ГАИМК», т. I. Л., 1929, стр. 15 и сл.).*

²² *В. В. Хвойка. Каменный век... , стр. 70.*

ниями, а овалы заполняются точечными вдавлениями (рис. 4, 1, 2; 4, 6). Следует упомянуть и фигуры в виде восьмерки, розетки, пересекающиеся ленты, S-образные спирали и т. д. (рис. 4, 6, 7, 9). На грушевидных сосудах, кроме уже указанных узоров, часто встречается орнамент концентрических кругов, соединенных перемичками (рис. 4, 2). Распространены различные спиральные композиции (рис. 4, 3, 4).

Расписная посуда на поселениях переходного этапа Триполья VI—VII в Побужье и Поднепровье составляет всего 10% от общего количества керамического материала. Глина этих сосудов обычно тщательно отмычена и плохо обожжена, так что орнамент легко стирается. Цвет глины белый, красные глины очень редки²³. В силу фрагментарности и малочисленности материала можно говорить лишь о формах грушевидных сосудов с высоким горлом, биноклях, амфорах и крышках (рис. 3).

Орнамент распределяется по всей поверхности (рис. 3, 9) или же занимает $\frac{3}{4}$ сосуда и располагается поясами. Иногда пояс делится вертикальными лентами на отдельные метопы (рис. 3, 1, 3). В росписи выделяется несколько стилей орнаментации, характерных для расписной посуды памятников Триполья VI—VII (Кукутени А—В)²⁴.

Стилистические группы орнаментации α и β в керамике изучаемого нами периода не встречаются, зато хорошо представлена группа δ . В стиле δ^1 исполнена роспись на одном грушевидном сосуде. Рисунок наносится черной и красной красками по белому фону. Орнаментальный пояс по горлу сосуда делится вертикальными красными линиями на метопы, которые заливаются в верхней части по углам черной краской, в центре метопы помещается большое черное пятно. В нижнем орнаментальном поясе по тулову сосуда изображаются круги со срезанными вершинами; круги соединены между собой горизонтальными лентами. Рисунок исполнен черной краской, только в кругах появляются тонкие параллельные красные линии (рис. 3, 10). Этот орнаментальный мотив находит близкие аналогии в расписной керамике днестровского поселения Залещики, где рисунок исполняется также на грушевидном сосуде и в том же стиле²⁵. Привлекает внимание орнаментальная композиция на другом грушевидном сосуде из Пьянишково, где стиль росписи повторяется (рис. 3, 8). Орнамент располагается в широком поясе по тулову сосуда и состоит из системы овалов, образующих фигуры в виде восьмерки. Весь рисунок изображается черной краской по белому фону, фигуры овалов и свободное пространство между ними заполняются параллельными красными линиями или сеткой из этих линий. Орнамент восьмеркообразных фигур часто повторяется в расписной посуде Поливанова Яра II.

Большинство сосудов расписано в стиле δ^{1a} : рисунок исполняется темно-красной краской по беловатому ангобу сосуда и затем обводится тонкой черной линией (рис. 3, 1—3, 5, 7, 9), иногда роспись выполнена

²³ В. Козловська. Кераміка... стр. 150.

²⁴ Различные стили орнаментации в расписной керамике определяются в первую очередь той ролью, которую играют в росписи различные краски, и по манере исполнения самих орнаментальных мотивов. Впервые они были выделены Г. Шмидтом на основе стратиграфических наблюдений в Кукутенах и анализа орнамента и форм керамики (см.: Н. Schmidt. Указ. соч., стр. 75). Впоследствии в результате детального изучения керамического материала рассматриваемого периода И. Нестером и главным образом В. Думитреску были сделаны некоторые уточнения к схеме Г. Шмидта и предложены новые стили орнаментации (см.: I. Nestor. Céramique peinte de style ancien à Şipenit (Bucovine). «Dacia», V, Bucureşti, 1935—1936, стр. 121; V. Dumitrescu. La station..., стр. 45). Для переходного периода Кукутени А—В характерны следующие стилистические группы орнаментации: α , β , γ и δ , при этом каждая группа распадается еще на ряд подгрупп. Первый этап Кукутени А—В представлен в основном стилистическими группами α и β , а второй — характеризуется группами γ и δ ; α и β встречаются редко или совсем не употребляются (см.: V. Dumitrescu. Originea și evoluția., стр. 290).

²⁵ См.: Н. М. Виноградова. Указ. соч., рис. 2, 5.

Рис. 2. Керамика с углубленным орнаментом

1 — 8 — Веремье, Триполье, Щербаневка. Керамика с канелированным орнаментом: 16 — Пьянишково. Керамика с примесью в тесте ракушки: 9 — 11 — Триполье, Веремье, Щербаневка; 13, 15 — Лещиньковка; 14 — Богачевка; 12 — Пьянишково

одной красной краской (рис. 3, 4). В подгруппе δ^{1a} в отличие от стиля δ^1 черный цвет играет не основную, а второстепенную роль и иногда совсем исчезает. Орнамент может быть как негативным, так и позитивным. Излюбленными орнаментальными мотивами являются овалы, круги, овальные лепестки (рис. 3, 1—3), образующие иногда фигуру розетки (рис. 3, 9). Техника росписи и сам орнамент в некоторых случаях очень напоминают орнаментацию на сосудах предшествующего этапа Триполья VI. Это выражается прежде всего в свободном расположении орнамента по всей поверхности сосуда (рис. 3, 9), в использовании орнаментальных мотивов, не характерных для Триполья VI—VII (рис. 3, 2, 9), в обводке основного рисунка тонкой черной линией. С подобным явлением мы сталкивались в керамике днестровских поселений, например в Крутобородинцах I и в Поливановом Яре II, правда, здесь роспись не по белому фону, а по красноватому ангобу сосуда (стиль δ^3)²⁶.

Кроме полихромной посуды, в Веремье была найдена керамика с черной монохромной росписью по оранжевому фону (стиль δ^4 — рис. 3, 6). Среди остального керамического материала следует отметить редко встре-

²⁶ Н. М. Виноградова. Указ. соч., рис. 3, 9.

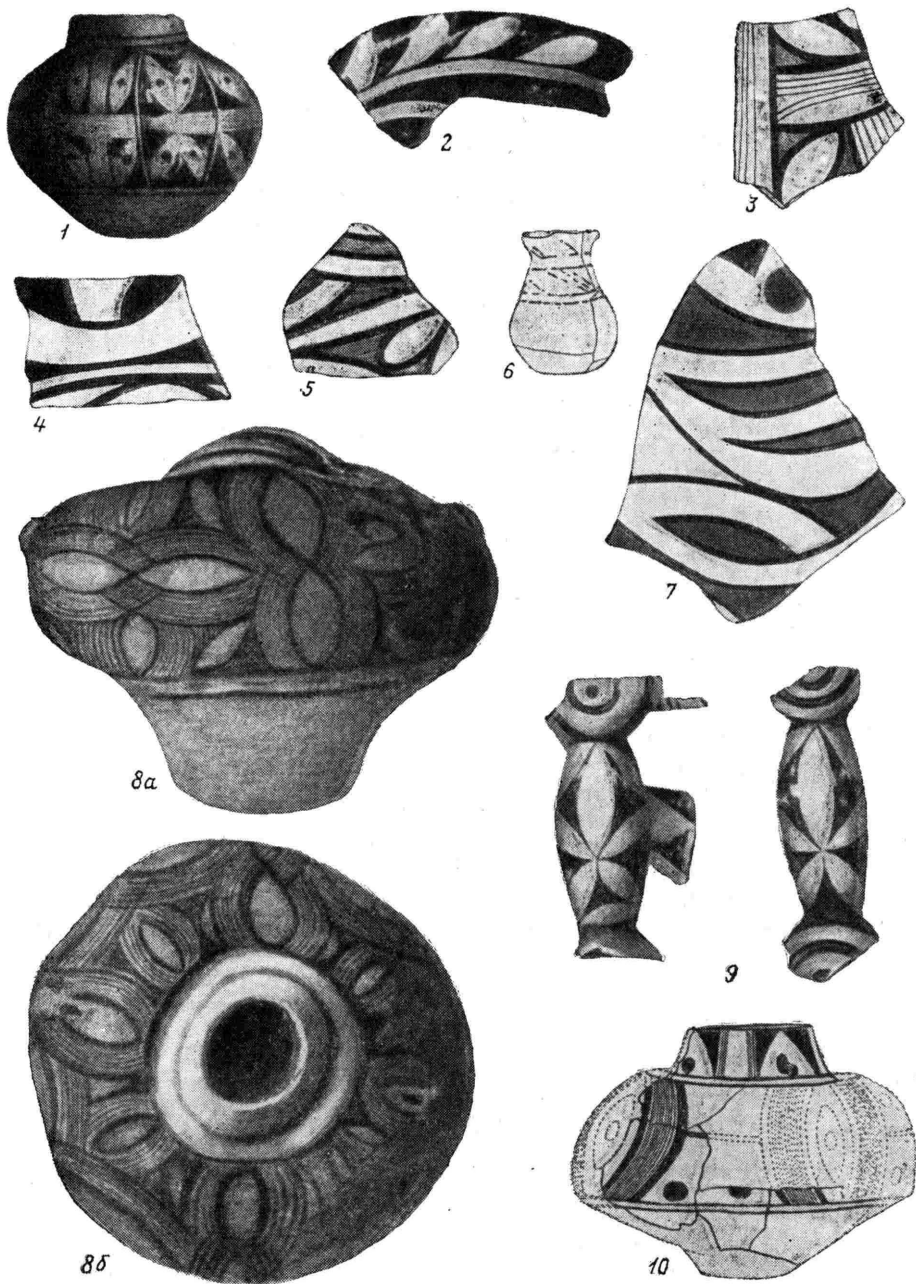

Рис. 3. Расписная керамика

1 — 7, 9, 10 — Веремье, Щербаневка, Триполье; 8 — Пьянишково

чающуюся посуду с каннелированным орнаментом (рис. 3, 16). Большую группу керамики составляют сосуды с примесью в тесте ракушки. Основная форма — горшок с округлым туловом и отогнутым наружу венчиком. Эти сосуды украшаются только в верхней части по венчику и шейке гребенчатым и треугольным штампом, расчесами, жемчужным орнаментом (рис. 2, 11—15). Встречаются рельефные изображения лица сердцевидной или треугольной формы со схематически выполненными очертаниями

Рис. 4. Керамика с углубленным орнаментом

1 — 4, 7, 9, 11 — 13 — Веремье, Щербаневка, Триполье; 5, 6, 8 — Пьянишково; 10 — Лещинька

глаз и рта (рис. 2, 9, 10). Подобные изображения иногда появляются и на керамике, украшенной углубленным орнаментом (рис. 2, 8).

Глиняные статуэтки на поселениях, раскопанных В. В. Хвойкой, встречаются редко. Только в Щербаневке были найдены две антропоморфные и одна зооморфная фигурка²⁷. Первые две статуэтки плоские, крестообразной формы, они очень напоминают перемычки биноклевидных сосудов. Двумя налепами обозначена грудь. Одна фигурка орнаментирована с двух сторон углубленными линиями, а вторая — украшена по светлому фону

²⁷ В. В. Хвойка. Каменный век..., табл. XXII, 1, 3; В. Козловська. Керамика..., стр. 167, рис. 26—28.

темно-красной краской²⁸. В Пьянишково глиняная пластика представлена лучше²⁹. Почти все антропоморфные фигурки — женские; статуэтки имеют плоский торс с хорошо выраженными плечиками; головка тщательно моделирована. Орнамент — углубленный; интерес представляет орнаментальный мотив розетки из четырех лепестков. Он напоминает роспись на некоторых сосудах (ср. рис. 3, 9). На груди другой статуэтки углубленными линиями передано, по мнению М. Гримнера, какое-то украшение.

Обобщая наши наблюдения над памятниками переходного этапа Триполья VI—VII в Поднепровье и Побужье, следует отметить их определенные связи с днестровскими поселениями того же периода, проявляющиеся прежде всего в стилистическом единстве орнаментации расписной керамики. В Побужье и Поднепровье в полихромной посуде господствуют различные варианты группы δ, другие стилистические группы здесь не представлены; монохромная керамика встречается редко. Все это позволяет сближать изучаемые памятники на Южном Буге и Днестре с поселениями второго периода залешицкой группы в Поднепровье (Поливанов Яр II, Крутобородинцы I) и соответственно с Кукутени А—В/2 (Траян) в Румынии, где для расписной керамики наиболее характерны поздние стили орнаментации γ и δ; стилистические группы α и β в Поливановом Яре и Траяне представлены плохо, а в Крутобородинцах не встречаются совсем. Несмотря на большое сходство расписной керамики памятников Побужья и Поднепровья, с одной стороны, и Поднепровья — с другой, первые проявляют некоторые специфические черты, выражающиеся прежде всего в следующем: 1) преобладает посуда с углубленным орнаментом, расписная встречается редко; 2) сохраняются некоторые формы, типичные для предшествующего периода Триполья VI, а именно: конические крышки, подставки; 3) в орнаментации керамики с ракушкой и иногда с углубленным орнаментом появляются рельефные изображения человеческого лица со схематически выполненными очертаниями глаз и рта.

В общем синхронистическая схема поселений Триполья VI—VII на разных территориях будет выглядеть следующим образом:

Памятники Кукутени А-В в Румынии	Поселения Триполья VI—VII		
	Поднепровье	Побужье	Поднепровье
Кукутени А—В/2	Триполье VI—VII/2		
Траян, Хуши ³⁰	Поливанов Яр II Крутобородинцы I	Клищев Пьянишково	Веремье Шкаровка
Кукутени А—В/1	Триполье VI—VII/1		
Корлэтенъ, Дымбул—Морий	Залешики, Солончены II	?	

Поселения Триполья VI—VII/1 в Побужье в настоящее время неизвестны; в Поднепровье же самыми ранними памятниками являются пока поселения типа Веремье и Шкаровка (Триполье VI—VII/2). Дальнейшие изыскания в Поднепровье и Побужье, а также публикация материалов с уже известных поселений дадут более четкую картину изучаемого периода Триполья на этих территориях.

²⁸ В. Козловська. Керамика. . . , стр. 165, рис. 26, 27.

²⁹ М. Нитнер. Указ. соч., табл. 39.

³⁰ Вместо полного списка поселений приводятся типичные памятники этого периода.

А. П. ПОГОЖЕВА

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ
РАННЕТРИПОЛЬСКИХ СТАТУЭТОК

Все статуэтки раннего Триполья выполнены, как правило, в глине. Исключения составляют костяные антропоморфные пластинки из поселения Флорешты, такая же костяная статуэтка, найденная в вымостке порога жилища 3 в Сабатиновке II, антропоморфные медные пластинки из клада в Карбуне и на поселении Новые Русешты и крупный в натуральную величину антропоморфный бюст из камня в Александровке.

Пластика круга раннеземледельческих культур Юго-Восточной Европы более разнообразна по материалу. Здесь наряду с глиняными статуэтками изготовлялись фигурки из кости и камня. Ю. Неуступный объединяет каменную и костяную пластику, которая «составляет идейное и формальное целое в противоположность совсем иначе понятой глиняной пластике»¹. Однако он не исключает взаимовлияния синхронного идейно общего материала. Очевидно, для территории раннего триполья эта выделенная по материалу группа пластики не характерна. Основное развитие здесь получила пластика глиняная, несомненно, воспринявшая ряд черт от идейно близких статуэток из кости и камня соседних культур. И хотя некоторые принципы моделирования (плечевые выступы, сомкнутые ноги) являются общими для пластики во всех материалах, глиняные фигурки резко обособляются своей объемностью и пластичностью. Статуэтки, выполненные в глине, менее схематичны, чем костяные или медные; сам материал способствует более реалистической лепке образа.

Глиняная масса статуэток раннего Триполья из каждого исследованного памятника идентична массе, из которой изготовлялась керамика этого памятника. Единственное отличие — это некоторая пористость массы статуэток. Наблюдения С. Н. Бибикова над группой пластики из Луки Врублевцевкой выявили примесь в тесте их целого или дробленого зерна². Следует сказать, что подобная примесь характерна для статуэток на всех раннетрипольских памятниках. Отгиски зерен присутствуют как на поверхности статуэток (иногда они участвуют в орнаменте), так и в тесте их (следы зерен в изломах). Такая примесь характерна для всех типов пластики (особенно часто встречается у статуэток типа в), а также и для группы мужских фигурок³. Если возможна примесь зерна целого и дробленого в глиняной массе, легко предположить и примесь мелкодробленого зерна, т. е. муки. Очевидно, пористость теста статуэток можно объяснить присутствием муки в нем.

¹ J. Neustupny. Studie o eneolitické plastice. Sbornik narodního musea u Praze. «Acta musei nationalis Pragae». Praha, 1956.

² С. Н. Бибилов. Поселение Лука Врублевцевкая. МИА, № 38, 1953, стр. 206—210.

³ О типах пластики см.: А. П. Кусургашева. Антропоморфная пластика из поселения Новые Русешты. КСИА, вып. 123, 1970, стр. 69—76.

Как правило, для всех типов пластики одного памятника использовался одинаковый состав глиняной массы.

В качестве примесей к тесту статуэток из Поднестровья использовали чаще всего песок (однако, возможно, что это — естественная примесь), дресву, мелкий шамот. В тесте статуэток из Побужья часто в качестве примеси использовались песок и мелкий шамот. Дресва встречается реже.

Обжиг статуэток раннего Триполья характеризовать трудно. Для большинства обычна неглубокая и неравномерная прокаленность. Как правило, верхняя более плоская часть статуэток прокалена лучше, чем массивная нижняя часть. Трудно сказать, производился обжиг на костре или в печи, так как большинство фигурок пребывали во втором пламени и иногда местами сильно ошлакованы⁴. Эта неравномерность обжига статуэток является причиной пятен на туловище статуэток от кирпично-красных до черных. Пятнистость статуэток, кроме того, дополняется частичной осыпью обычного светлого ангоба, покрывавшего большинство статуэток всех типов на всех памятниках.

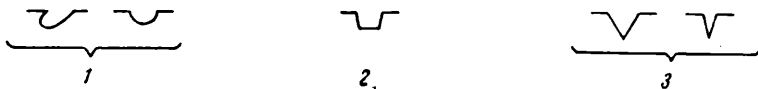
В изломах статуэток, особенно нижних их частей, четко выделяется довольно толстый поверхностный слой глины (0,3—0,6 см). Это слой той же глины, но более тонкой, мелкоструктурной. Из нее выбирались крупные примеси и комочки глины, так как именно она служила поверхностным слоем, по которому производилось более тонкое моделирование деталей фигурки.

Поверхность статуэток, за редким исключением, тщательно заглаживалась и всегда вертикально. Изредка встречаются статуэтки с вертикальным полосчатым лощением всей поверхности.

Неровный обжиг, наличие толстого слоя обмазки, покрытие поверхности светло-серым или светло-желтым ангобом, лощение поверхности присуще в одинаковой степени всем типам пластики.

Для типов орнаментированной пластики технология изготовления усложняется нанесением орнамента.

На статуэтках типа *в* прочерчивался одной или двумя линиями пояс, низ живота также подчеркивался углубленной линией. Основным элементом орнамента служат оттиски зерен, иногда настолько четкие, что видна продольная полоска на зерне, отпечатавшаяся в глине. Возможно, статуэтки украшались не оттисками, а самими зёрнами, что создавало на фоне глины эффектную декорацию. Помимо оттисков зерен, на фигурках этого типа довольно часто встречаются короткие овалы углубленные штрихи, расположенные по тому же принципу на теле фигурки, что и оттиски зерна. Это очевидная имитация оттисков зерен. Иногда такие штрихи нанесены небрежно, более длинные, но основные узоры, создаваемые ими, идентичны узорам, нанесенным оттисками зерен. Значительно сложнее орнаментация статуэток типа *а*. На 9% статуэток этого типа линейный орнамент сочетается с ямками, имитирующими оттиски зерна, эти ямки располагаются между линиями орнамента на разных частях тела фигурки. При помощи бинокулярной лупы удалось проследить сечение наиболее четких линий орнамента:

Эти сечения предполагают орудия для нанесения орнамента трех типов: 1) с округлым рабочим краем для нанесения линий с сечением первого типа. Таким орудием могли работать, держа его прямо или под углом к поверхности статуэтки; 2) с прямоугольным рабочим краем, ско-

⁴ Особенно характерна эта ошлакованность на статуэтках из Александровки.

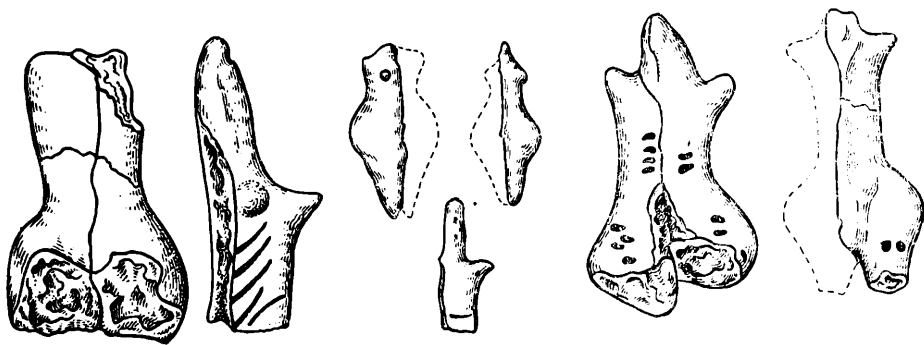

Рис. 5. Примеры вертикальных изломов на статуэтках. Лука Врублевская

рее всего использовалась просто щепка, так как в некоторых случаях на дне линии видны длинные процарапанные борозды, легко оставляемые неровной щепкой; 3) для третьего типа сечений могло служить любое острие.

Очевидно, орудия для нанесения орнамента были случайными. Точная глубокая линия рисует узор очень пластично, такой узор можно создать только на мягкой сырой глине, так что, как правило, орнамент наносился на сырую глину, а затем статуэтка подсушивалась и обжигалась.

На единичных статуэтках в углубленных орнаментальных линиях сохранились следы белой пасты, некогда, очевидно, инкрустировавшей всю фигурку. И хотя находки статуэток с такой инкрустацией единичны, они присутствуют во всех крупных коллекциях; малочисленность их, возможно, связана с плохой сохранностью пасты в орнаментальных углубленных линиях.

Особое внимание следует уделить конструкции статуэток.

Анализ линий излома при большой фрагментарности материала помог выделить основные принципы конструкции женских статуэток. Основные линии излома проходят: 1) в местах соединения торса и бедер — поперечные изломы. Они легко объяснимы, так как здесь наиболее уязвимое тонкое место; 2) но уязвимостью нельзя объяснить огромное количество вертикальных изломов, проходящих по центральной вертикальной оси тела статуэтки. Исследование поверхности вертикальных изломов привело нас к выводу, что статуэтки раннетрипольских памятников Поднепровья в 90% «складывались» из двух вертикальных половинок — правой и левой, т. е. эти половинки формовались вручную отдельно, затем складывались и покрывались толстым слоем (0,3—0,6 см) глины, по которой более детально моделировалась фигурка (рис. 5).

Эта особенность была подмечена еще О. Г. Котовой⁵ и С. Н. Бибиковым, который писал: «Моделировка статуэток происходила ручным способом, причем в одних случаях фигурки целиком лепились из одного комка глины, в других, значительно реже, составлялись как бы из двух продольных половинок. О последнем приеме говорят находки половинок фигурок с ясными следами склеивания одной половины с другой»⁶. Однако склеивание фигурки из двух продольных половинок встречается очень часто. В тех случаях, когда сохраняются только фрагменты нижних частей статуэток, раздельное моделирование ног исчисляется ста процентами.

⁵ О. Котова. Доисторическая культура в Моравии. «Изв. ГАИМК», т. V. Л., 1927, стр. 342.

⁶ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 205.

Только для типа *a* статуэток из Луки Врублевецкой, которыми оперирует С. Н. Бибиков, из 51 фрагмента, сохранившего нижнюю часть статуэток и примыкающего к ней торса, на 32 — явные следы слепливания из двух половин, на остальных — конструкция в силу фрагментарности не прослеживается.

Еще более ярко иллюстрируется конструирование статуэток из двух вертикальных половин в типах *b* и *c* пластики на всех памятниках Поднестровья. Традиция конструирования статуэток из двух вертикальных половин, очевидно, очень прочна в Триполье, так как проходит через все этапы культуры, оставаясь наиболее характерной, а подчас и неизменной в таких поздних памятниках, как Кошиловцы, Траян, Чапаевка. Объяснение такой конструкции, очевидно, кроется в функциональном, несомненно культовом, назначении статуэток. Такая конструкция, создающая дополнительные трудности при моделировании часто маленьких и изящных статуэток, не может быть объяснена технологическими требованиями; остается считать, что она продиктована смысловыми требованиями, устойчивыми и неизменными за все время существования статуэток, т. е. за все время существования трипольской культуры. Традиция конструирования статуэток из двух вертикальных половин подтверждается и в антропоморфных статуэтках, изготовленных из менее пластичных материалов. В них эта традиция идет просто вразрез с технологическими удобствами. Так, костяная антропоморфная пластинка из поселения Сабатиновка II составлена из двух вертикальных половин. Одна антропоморфная медная пластинка из клада в Корбуне сварена методом холодной сварки также из двух вертикальных половин⁷.

Отличаются по конструктивным особенностям наиболее ранние статуэтки типа *c* из поселения Сабатиновка II и часть статуэток того же типа, выполненных в том же стиле из поселения Александровка I. Здесь нет вертикальных изломов вдоль всей фигуры статуэтки. Торс их моделирован из единого куска глины, ноги моделированы отдельно, затем соединены, шов закрыт обмазкой, однако на поверхности прочерчивается вертикальная линия, разделяющая ноги. Таким образом, статуэтки, принадлежащие типу *c* на наиболее ранних памятниках, конструированы из трех частей — отдельно две ноги и торс.

Очевидно, традиция изготовления статуэток из двух вертикальных половин появилась и распространилась в пластике памятников, относящихся ко II фазе этапа А, и стала характерной для всей территории Триполья в последующие этапы культуры. Прочность этой традиции можно объяснить особым дуалистическим смыслом, заложенным в статуэтках. Иногда дуализм проступает и в моделировании фигурки. Как, например, в статуэтке из Голеркан нижняя часть двух фигур сливается в едином торсе и имеет одно моделированное зашипом лицо. Из более поздних можно назвать статуэтку из поселения Стена⁸, изображающую две слитные воедино фигуры.

При исследовании коллекции пластинок из Новых Русешт выявились два экземпляра фрагментов нижних половин статуэток с интереснейшей конструктивной особенностью, отмеченной впервые автором раскопок В. И. Маркевичем⁹. Один из фрагментов принадлежит типу *a*, другой — *c*₁. В обеих статуэтках в живот вставлены овальные глиняные желвачки, изготовленные отдельно от статуэтки и предварительно подсушенные. В теле статуэтки типа *a* помещены два плотно лежащих желвачка, а в теле статуэтки типа *c*₁ — один.

⁷ Н. Рындина. Раннетрипольская обработка меди. СА, 1969, № 3.

⁸ Хранится в Институте археологии АН УССР.

⁹ В. И. Маркевич. Многослойное поселение Новые Русешты I. КСИА, вып. 123, 1970, стр. 65.

Впоследствии на поселениях Александровка и Лука Врублевская были встречены отдельные фрагменты статуэток с полостью в нижней части живота, очевидно, предназначавшейся для подобных желваков (рис. 6, 6, 7). Аналогичный случай отмечен в поздне трипольской коллекции из Кошиловцев, где благодаря «удачному» излому в животе одной из статуэток был отмечен желвак инородной массы крупнопористой глины с большой примесью зерна и половы.

Впервые в пластике ранних земледельцев встречены глиняные желваки, заложённые внутрь живота фигурок и являющие собой недвусмысленное изображение зародыша или, более обобщенно, зерна жизни. То, что это не просто изображение эмбриона человека, а материальное воплощение более общей идеи, связанной с культом плодородия вообще, подсказывает статуэтка с пережженными зёрнами пшеницы в животе из музея в Варне¹⁰.

Характерно, что такие конструктивные особенности, как сочленение статуэток из двух частей или вложенные внутрь живота статуэток желваки и зерна, спрятаны от глаза, закрыты обмазкой. Смысл их как бы зашифрован, он таится внутри образа женской фигуры, понятен и известен только мастеру, изготовлявшему ее. Это подчеркивает не только культовый характер пластических женских изображений, но и указывает на особый магический ритуал, связанный с производством этих статуэток.

Статуэтки всех типов бывают как большие — 15 см, так и маленькие — 3 см.

Особо следует рассмотреть позу статуэток. Этот признак очень часто фигурирует в описании пластики у исследователей трипольской культуры. Различаются три позы — сидящая фигурка, полусидящая и стоящая или выпрямленная. Находка в двух случаях сидящих на стульчиках статуэток *in situ* в Сабатиновке II¹¹, а также сидящие статуэтки в моделях жилищ из Попудни и Чичиркозовки действительно фиксируют первую позу фигурки. Кроме того, наблюдаемый в большинстве случаев наклон туловища в сочетании с подчеркнутой стеатопигией легко предполагает позу сидящей или полусидящей (правильнее — полулежащей) статуэтки. Даже выпрямленные статуэтки при стеатопигии могут быть представлены как полусидящие. Это определение всегда было общепринятым. Однако внимательное изучение статуэток и их изломов выявило интересную деталь, имеющую отношение как к позе, так и к способу крепления статуэток.

В коллекциях из поселений Флорешти, Александровка, Лука Врублевская, Карбуна, Греновка, Новые Русешты встречены отдельные экземпляры фигурок с глубокими, во всю длину ног, вертикальными отверстиями со стороны стопы (рис. 6, 1—5). Эти отверстия указывают на то, что фигурки крепились на стержнях, очевидно, в вертикальном положении, несмотря на наклон туловища. Представляется возможным позу части статуэток трактовать как стоячую, слегка склоненную. В связи с выяснением позы статуэток проведены исследования углов наклона торса по отношению к ногам (в тех случаях, когда сохранность фрагментов допускает это) на всех типах фигурок. В результате выявились амплитуды колебаний углов наклона. Для типа *a* расчет углов наклона, произведенный на 104 экземплярах, выявил амплитуду 120—180°. Наиболее часто встречается угол 140—162°.

Для типа *b* расчет на 23 экземплярах выявил амплитуду 120—154°. Наиболее характерны углы 130—144°;

¹⁰ Об этой статуэтке мне любезно сообщил С. Н. Бибииков. Статуэтка происходит из памятника Селищна Могила Сава-Провадиско Варнинского округа.

¹¹ М. Л. Макаревич. Статуэтки трипольского поселения Сабатиновка-II. КСИА АН УССР, вып. 3, 1954.

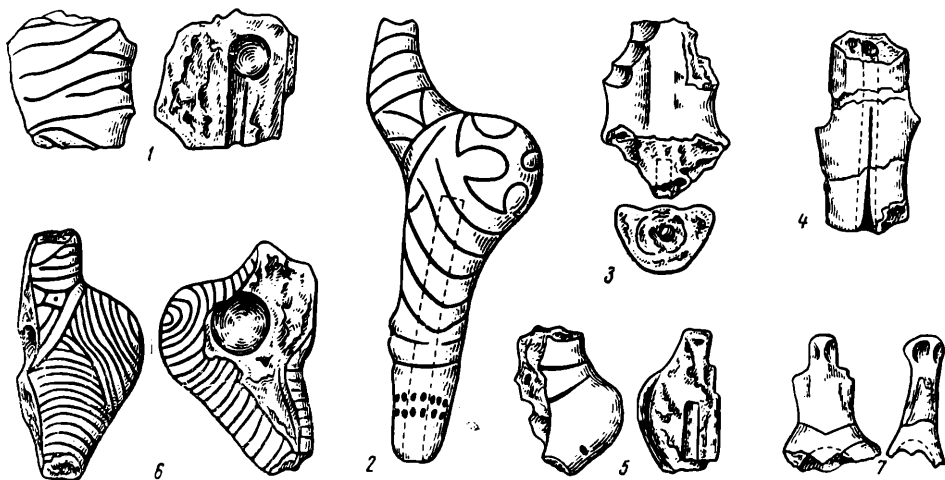

Рис. 6. Полости в статуэтках

1 — Лука Врублевская; 2 — пос. Александровка; 3 — 4 — пос. Флорешты; 5 — пос. Гайворон; 6 — пос. Лука Врублевская; 7 — пос. Александровка

для типа с расчет на 65 экземплярах выявил амплитуду $150-180^\circ$. Наиболее характерные углы $150-170^\circ$;

для типа c_1 расчет на 60 экземплярах выявил амплитуду $120-180^\circ$, характерно $120-150^\circ$;

для типа d расчет на 10 экземплярах выявил амплитуду $130-170^\circ$, наиболее характерный угол $135-146^\circ$.

Таким образом, амплитуда углов наклона типов a и c_1 совпадает, она включает в себя и амплитуды типов b , c и d . Недостаточное количество измерений в типах b и d , естественно, дает меньше углов наклона и более узкие амплитуды. Как видно из таблицы углов наклона, определенной системы сочетаний различных типов статуэток и устойчивых углов нет, т. е. степень наклона статуэток разных типов носит случайный характер и не может быть определяющим признаком. Но вместе с тем наклонное положение статуэток, безусловно, очень характерно для пластики раннего этапа Триполья. Мы пока не можем дать объяснения этой позы, но оно, очевидно, должно стоять в тесной связи с осмыслением сюжета статуэток.

В тесной связи с позой статуэток могут быть рассмотрены модели стульчиков, находимых на некоторых раннетрипольских поселениях¹². Как упоминалось, только в двух случаях в поселении Сабатиновка II фигурки найдены сидящими на стульях *in situ*¹³. Кроме того, на одной фигурке из Ленковцев, представленной в сидячей позе с резко согнутыми в коленях ногами, сзади видны явные следы прикрепления статуэтки к четырехугольному сидению. Количество найденных моделей стульчиков никак не соответствует количеству статуэток на тех же памятниках.

¹² Модели стульев найдены в четырех поселениях: Сабатиновка-II — 12 моделей, Берново Лука — 2 модели, Александровка — 16 моделей, Новые Русешты — 3 модели стульев и 1 фрагмент модели столика на низких ножках. Все модели с круглыми сиденьями; исключение — отпечаток четырехугольного сиденья сзади на статуэтке из Ленковцев.

¹³ В жилище 3 поселения Сабатиновка-II на специальной вымостке размещены 16 статуэток. Судя по реконструкции, только четыре из них сидят на стульчиках, остальные в той же позе сидят прямо на вымостке (М. Л. Макаревич. Об идеологических представлениях у трипольских племен «Записки Одесского археол. об-ва», т. I (34), 1960, стр. 291, рис. 1).

На 12 стульчиков в Сабатиновке II приходится 53 фигурки, на 16 стульчиков в Александровке — 89 фигурок, на 1 из нижнего горизонта Новых Русешт — 64 фигурки, на 2 модели из верхнего горизонта того же памятника — 51 фигурка, на 2 модели из Берново Луки — 64 фигурки. На основании этих сопоставлений можно сделать вывод, что либо не все фигурки должны были помещаться на стульчиках, либо они периодически сменялись на этих почетных местах. Следует упомянуть, что стульчики сохранились довольно полно, сидения их почти всегда целые, изломы отмечены в основном на хрупких спинках и ножках, в то время как большая фрагментарность статуэток неоднократно подчеркивалась всеми исследователями. Такое сопоставление постоянных «тронов» и часто сменяемых на них статуэток может служить подтверждением гипотезы С. Н. Бибикова об одноразовом использовании и преднамеренном разбивании фигурок¹⁴.

¹⁴ С. Н. Бибиков. Указ. соч., стр. 256.

В. И. МАРКОВИН

СОСТАВНЫЕ ДОЛЬМЕНЫ С ЛОЖНЫМ СВОДОМ
НА ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

Среди кавказских мегалитических памятников встречаются так называемые составные дольмены. Они имеют одну или несколько стен, сложенных из мелких плит или камней¹. Сооружения подобного типа довольно разнообразны по конструкциям. Среди них можно видеть дольмены с камерами различной формы: трапециевидной (Дегуакская поляна близ ст. Даховской), круглой (сел. Лазоревское), многогранной (гора Круглик у г. Туапсе). В 1969—1970 гг. обнаружено три составных дольмена, камеры которых, сложенные из крупных блоков, имеют перекрытия, конструктивно близкие ложному своду.

Два подобных дольмена находятся на территории Кавказского государственного заповедника у сел. Гузерипль. Один из них широко известен в туристской литературе², но научно описан не был. Третье сооружение обнаружено среди дольменных групп на р. Кизинке близ ст. Баговской (его порядковый № 528).

Дольмен 1 сел. Гузерипль стоит при въезде на территорию заповедника. Он был окружен каменными тумбами, образующими кромлех диаметром в 12 м. Сооружение довольно точно ориентировано с востока на запад, фасад расположен с запада. Камера дольмена овальной формы, вытянута в длину на 3,7 м, ширина ее в передней части 2,46 м, далее она расширяется до 2,67 м. Фасад дольмена представляет собой массивную плиту трапециевидной формы, края ее закруглены. Нижняя часть плиты заплывла землей, и пяточного камня, на который она опирается, не видно. В высоту она достигает более 2,10 м, длина в нижней части 2,45 м, вверху 2,25 м, толщина 0,57 м. В этой плите проделано округлое отверстие (0,38×0,40 м), расположенное на высоте 1,70 м от ее верхнего края. Описываемая плита зажата крупными боковыми плиточными выступами, в которых для этой цели выбиты специальные пазы. Портальные плиты кверху слегка суживаются, края их также закруглены. Высота их от современной поверхности 2,25 м, длина северной плиты 1,70 м, толщина 0,49—0,45 м, длина южной плиты 1,58 м, толщина 0,65—0,55 м. Верхняя часть северной плиты завершается небольшим уступом (рис. 7, А).

Камера дольмена сложена четырьмя—двумя рядами крупных каменных блоков. Самый нижний ряд почти скрыт земляным заполнением дольмена, средний ряд состоит из шести блоков (их величина варьирует от 1,55×0,85—0,60×0,70 м и до 1,20×0,70×0,66 м). В передней части ка-

¹ Л. И. Лавров. Дольмены Северо-Западного Кавказа. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXXI. Сухуми, 1960, стр. 102.

² А. М. Коломиец. Туристские маршруты Кубани. Краснодар, 1960, стр. 91; И. В. Жерноклев, Е. И. Жерноклева. Юным туристам (туристские маршруты по Адыгейской области). Майкоп, 1964, стр. 78, 79.

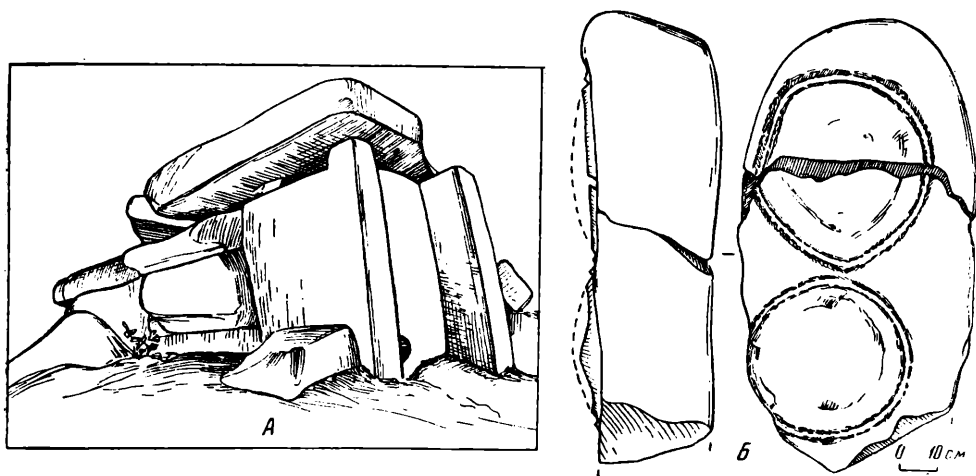

Рис. 7. Западный Кавказ

А — сел. Гузериэль, р. Белая. Внешний вид дольмена 1 (зарисовка автора); Б — станица Баговская, р. Кизинка. Стела из дольмена 528

меры на этот ряд камней положено еще по одному блоку, в силу чего все сооружение понижается к востоку. Каменные блоки боковых сторон скошены и нависают друг над другом, образуя ложный свод. С севера на 0,50 м, с юга на 0,40 м (рис. 8, Б).

Дольмен перекрыт двумя массивными плитами. Передняя, упирающаяся на порталные выступы, раскололась на две части. Длина ее 5,10 м, ширина 3,90 м, толщина 0,50 м. Задняя плита перекрытия снабжена выемками, которыми она должна была упираться в камни кладки. Размеры этой плиты: 3,35×1,60×0,50 м. Содержимое дольмена полностью уничтожено.

Дольмен 2 сел. Гузериэль расположен в саду заповедника, среди зарослей клена и бересклета. От сооружения сохранилась лишь нижняя

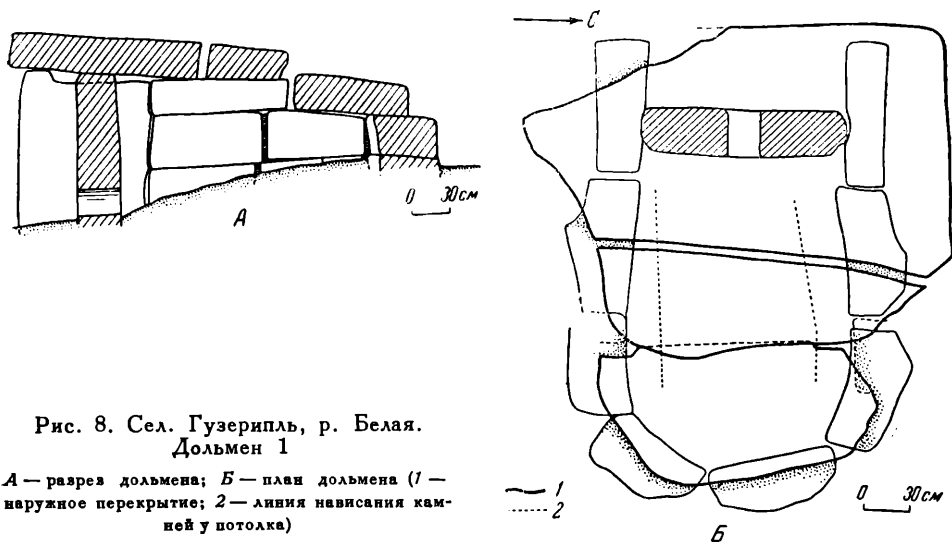
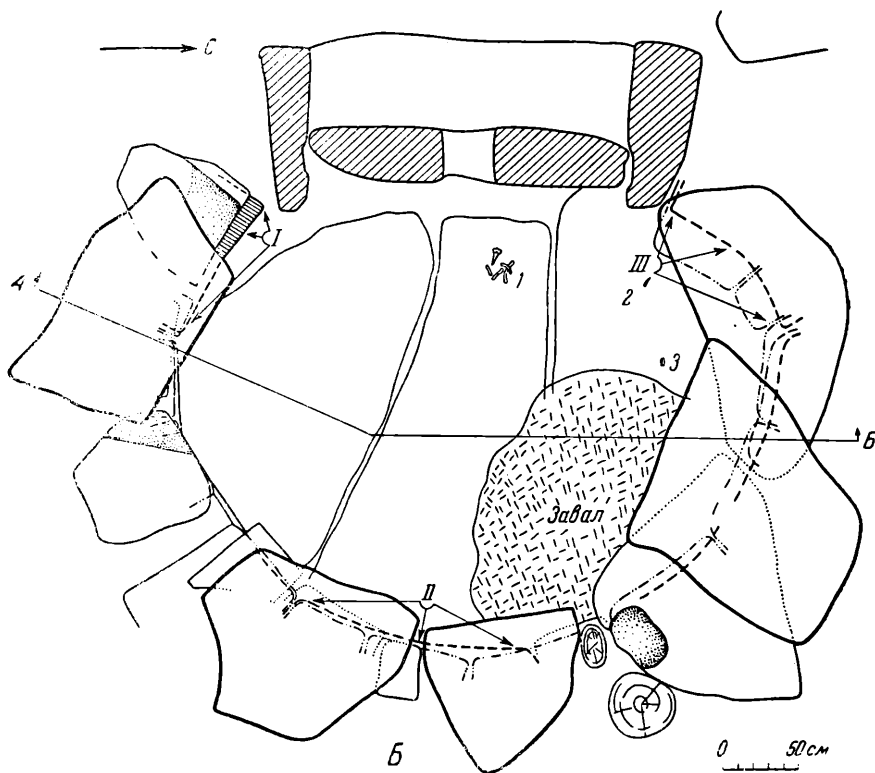
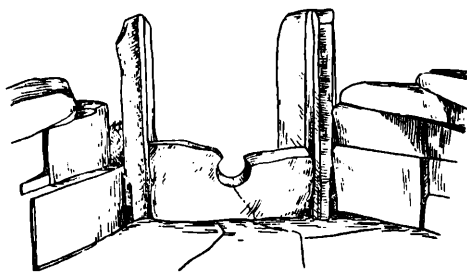

Рис. 8. Сел. Гузериэль, р. Белая.
Дольмен 1

А — разрез дольмена; Б — план дольмена (1 — наружное перекрытие; 2 — линия нависания камней у потолка)

Рис. 9. Сел. Гузерипль, р. Белая. Дольмен 2

А — вид из камеры (на порталную часть дольмена (зарисовка автора);
 Б — план дольмена (I—III — опорные блоки; 1 — кости человека; 2 — зуб лошади; 3 — рог серны; пунктиром обозначены следы подтеки камней)

часть и порталные выступы. Дольмен ориентирован с запада на восток, вход — с запада. В процессе раскопок³ удалось обнажить нижнюю часть камеры дольмена за исключением его северного сектора, где растет крупный клен.

Камера имеет неправильную овальную форму, вытянутую с севера на юг (4×3,10 м). Камни кладки положены неровностями наружу, с внутренней стороны они тщательно оббиты. Зазоры между блоками в древности были максимально малыми, а верхние площадки их, как прослежено на некоторых камнях, иногда специально подшлифовывались для более прочной связи рядов камней. Кладка носит почти регулярный характер. Раскрытая часть дольмена дает три-четыре ряда камней, причем крупные блоки, расположенные у краев портала и прямо напротив входа, являются опорными — они выше и массивнее других блоков (рис. 9, на плане обозначены I—III). Ими зажимались ряды камней. Кверху камера сужи-

³ В. И. Марковин. Исследование памятников дольменной культуры. АО 1970 г. М., 1971, стр. 105, 106.

вается за счет угловой подвески и нависания отдельных камней, образуя подобие ложного свода, хотя очевидно, что «свод» не был доведен до самого верха — дольменная камера была перекрыта плитой, обломки которой лежат среди деревьев (толщина ее 0,35—0,38 м).

Портальная часть дольмена образована двумя плитами — выступами. Их размеры: северной — $2,22 \times 1,11 \times 0,44 \times 0,20$ м; южной — $2,10 \times 1,09 \times 0,30 \times 0,20$ м (в наружной части плиты утолщаются). Оба порталных выступа стоят в поперечных пазах пяточного камня и зажимают обломок передней плиты, которая имеет несколько подушкообразную форму. Она сохранилась на высоту в 0,85 м, но некогда достигала величины до 2 м. Толщина ее 0,38 м. На высоте 0,42 м от ее нижнего края выбито круглое отверстие диаметром в 0,38 м (рис. 9, А). Пяточный камень перед входом в дольмен образует площадку шириной до 0,60 м (толщина камня 0,33 м).

В процессе раскопок дольмена⁴ в разных частях его найдены обломки керамики: днище толстостенного сосуда баночной формы с красной поверхностью, обломки сосуда с тонкими прямыми стенками, днище округлого сосуда с черной поверхностью и т. п. Найдены также черепки с желто-охристой облицовкой (обмазкой) и обломки, покрытые легкой штриховкой. В тесте керамики заметны песок, толченые раковины моллюсков и известь.

Напротив входа, непосредственно на каменном полу дольмена (его образуют три крупные плиты), обнаружены фрагменты человеческих костей, а в северной половине — зуб лошади и рог серны. Среди находок необходимо отметить также абразивный материал — песчаниковые плитки, которыми подшлифовывались камни дольмена.

Дольмен 528 в бассейне р. Кизинки расположен в зарослях фундука на восточном склоне Церковной горы. К моменту исследования он представлял собой развал, состоявший из большого количества камней. Камера дольмена не очень точно ориентирована с севера на юг, вход в нее вел с северной стороны (рис. 10). В настоящее время от обрамления довольно правильной круглой камеры дольмена ($4,15 \times 3,90$ м) сохранился лишь нижний ряд блоков, состоящий из семи камней. Блоки хорошо подтесаны с внутренней стороны камеры и плотно пригнаны друг к другу. Их величина варьирует от $1,15 \times 0,60 \times 0,72$ до $0,76 \times 0,75 \times 0,75$ м.

От второго ряда камней, некогда образывавших свод, сохранилось лишь два блока ($1,07 \times 0,70 \times 0,48$ м и $0,80 \times 0,75 \times 0,43$ м). Они сдвинуты в сторону в западной части камеры.

Пол дольмена был уложен каменными плитами (толщина до 0,30 м). Они лежали на глинисто-гравийном материке, некоторые из них частично уходили под кладку. Портальная (северная) часть дольмена образована двумя огромными плитами. Сейчас они лежат на боку. Западная плита хорошо сохранилась ($2,15 \times 1,42 \times 0,38$ м). С внутренней стороны в ней выбит паз шириной в 0,20 м, который служил для крепления передней плиты. В верхней части этого порталного камня сделана выемка, ею поддерживалась покровная плита. Возможно, портал дольмена имел свое особое перекрытие, которое покоилось на выступах порталных плит. Подобные порталные конструкции известны по отдельным дольменам Богатырской поляны (ст. Новосвободная) и сел. Адигналово у г. Туапсе.

Восточная порталная плита описываемого дольмена сохранилась в обломке. В ней также выбит аналогичный паз. Фрагменты плиты перекрытия позволяют установить ее толщину в 0,32 м. Между порталными выступами найдена часть пяточного камня шириной в 1,50 м и толщиной в 0,32 м. В нем заметны два перпендикулярных паза: в длин-

⁴ Приношу благодарность лесничему Л. И. Шумейко за содействие в раскопках этого дольмена.

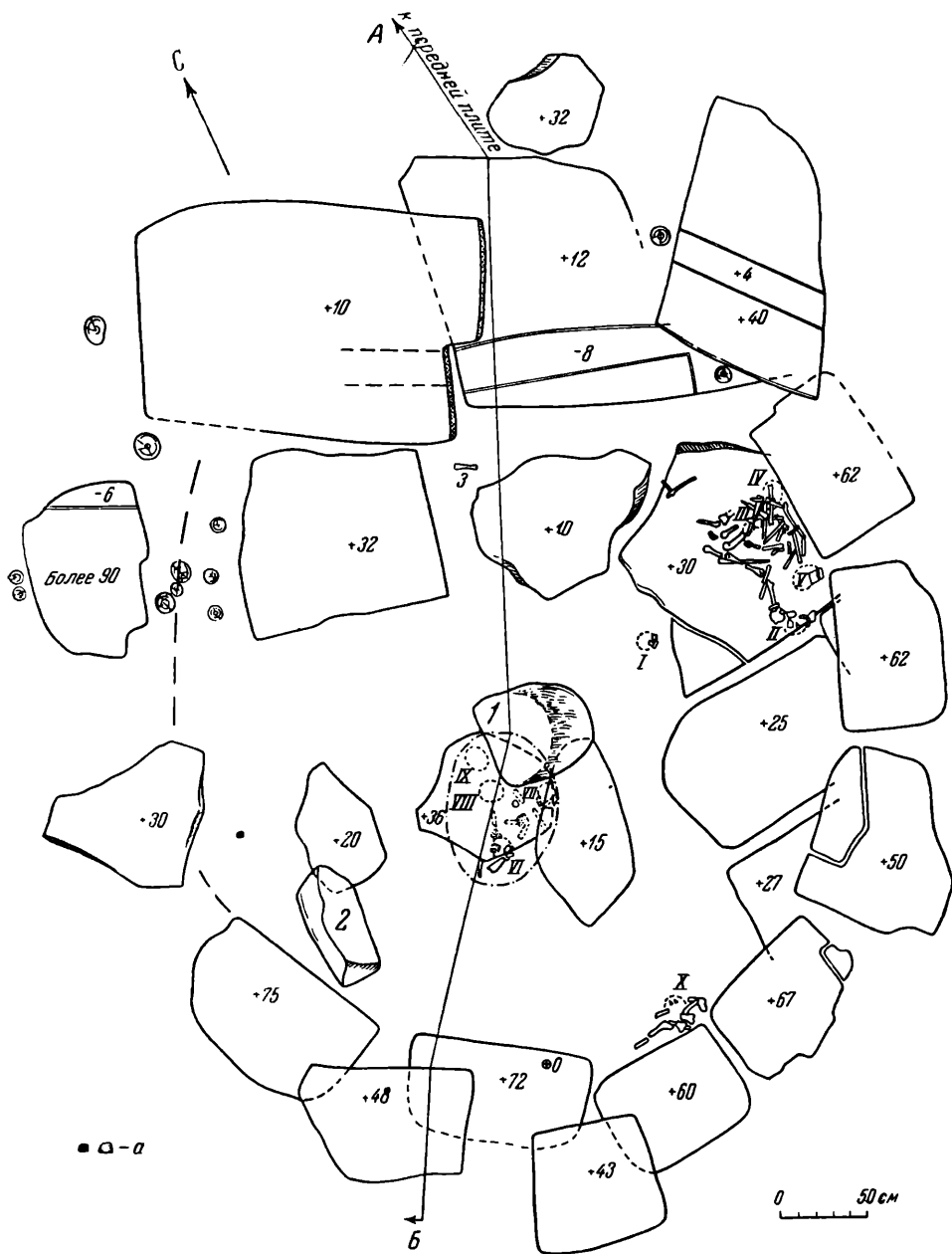

Рис. 10. Станица Баговская, р. Кизинка. План камеры дольмена 528

а — керамика, I—X — черепа; 1, 2 — обломки каменной стелы; 3 — кость животного; О — нулевая точка, +15... — толщина плит, -6... — глубина пазов.

ный входила передняя плита, а в короткий боковой — восточный порталый камень. Прочность портала в этой части дольмена обеспечивалась пазом, выбитым в самом крайнем блоке камеры.

Передняя плита дольмена оказалась разбитой. Она лежит к северу от камеры. Толщина ее 0,30 м, диаметр отверстия устанавливается в пределах 0,40—0,42 м.

Все сооружение в порталой части поддерживалось еще двумя массивными тумбами, в которых выбиты вертикальные и горизонтальные пазы.

В процессе расчистки камеры в ней найдены обломки керамики, покрытой штриховкой (в тесте заметны частицы толченых раковин), фрагменты человеческих костей и кости ног коровы⁵. В восточной части камеры, на плитах пола, в неповрежденном виде обнаружены останки пяти скелетов. Отсутствие ребер, позвонков, тазовых частей позволяет говорить о вторичном обряде захоронений.

В центре камеры расчищена яма овальной формы (0,90×0,70 м при глубине 0,80 м). В ней оказались сброшенными грабителями дольмена части еще четырех скелетов. Среди камней, лежавших над ямой, обнаружена нижняя часть стелы, вторая половина которой была расчищена в западной части камеры. Вероятно, стела возвышалась в центре камеры, будучи вкопанной в яму. Можно думать, что лицевая ее часть была обращена к входу в камеру.

Стела представляет собой тщательно сглаженную и закругленную сверху плиту известняка (1,21×0,60×0,31 м). На лицевой части одинарным бордюром оконтурены две выпуклости — яйцевидная и круглая. Вероятно, первая из них воспроизводила лицо человека. Личина и круглая выпуклость обработаны ударами мелкого пунктира — орудием керна (рис. 7, Б).

При исследовании дольмена найдены также кусок абразива (кварцевый крупнозернистый конгломерат) и обломок известняка со следами работы над ним — в нем сохранились зарубки, сделанные клином шириной в 6 см.

* * *

Описанные дольмены уникальны, аналогии им не известны на территории Кавказа. Найденная в двух раскопанных дольменах керамика позволяет датировать данные сооружения эпохой бронзы — II тысячелетием до н. э. Эта суммарная датировка уточняется некоторыми деталями. В дольмене 528 (бассейн р. Кизинки) обнаружены следы захоронения расчлененных костяков — обряд достаточно четко зафиксированный в целом ряде дольменных построек. Инвентарь, сопровождающий такие погребения, не представляется особенно древним⁶. По нашим наблюдениям, сам обряд вторичных захоронений может служить хронологическим признаком, будучи характерным для поздних групп дольменных погребений⁷. Далее наиболее ранние составные дольмены по пропорциям и форме близки плиточным сооружениям, конструктивные особенности которых служили для них исходными, что также подтверждается нашими полевыми наблюдениями. Суммируя сказанное, можно датировать дольмены сел. Гузерипль и дольмен 528 бассейна р. Кизинки первой четвертью второй половины II тысячелетия до н. э. Эта датировка, несомненно, является ориентировочной, она требует уточнения.

Как уже говорилось, дольмены с ложным сводом (вернее, с перекрытием, близким ложному своду) не обычны для Западного Кавказа. Кроме указанных трех памятников, нам пока не известны другие подобные сооружения. Более всего напоминают они конструктивно купольные гробницы, особенно характерные для Пиринейского полуострова и островов

⁵ Кости животных определены В. П. Данильченко.

⁶ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 269—272; Л. Н. Соловьев. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXXI, 1960, стр. 77; О. М. Джaparидзе. К истории грузинских племен на ранней стадии медно-бронзовой культуры. Тбилиси, 1961, стр. 239, 240 (на груз. яз.).

⁷ В. М. Марковин. Некоторые итоги изучения дольменов Кавказа. «Всесоюзная научная сессия, посвященная итогам полевых исследований в 1970 г. Тезисы докладов». Тбилиси, 1971, стр. 41.

Средиземного моря⁸. В некоторых из них верхний камень, замыкающий свод, «подпирался поставленной в центре всего сооружения деревянной или каменной колонной»⁹. В дольмене 528 (р. Кизинка), как уже говорилось, был найден обломок стелы, которой также, очевидно, подпиралось перекрытие камеры. Купольные гробницы Средиземноморья прикрыты насыпью или впущены в холмы, к ним ведет длинный дромос¹⁰.

Описанные нами сооружения, обнаруженные на Кавказе, стоят вне насыпей, возле них нет следов, указывающих на наличие коридора. Они близки южноевропейским сооружениям, но не аналогичны им. На их местный, кавказский характер указывает наличие фасада в виде огромной плиты с отверстием, которая вместе с боковыми плитами образует портал, очень характерный для огромной серии дольменов плиточного типа, наиболее распространенных среди мегалитических сооружений Западного Кавказа — Абхазии и Прикубанья.

Так как вопрос о происхождении кавказских дольменов только поставлен, но не разрешен, то сейчас преждевременно выдвигать новые гипотезы как дополнение к существующим¹¹, тем более что материала для этого у нас мало. Здесь следует только отметить, что территориально кавказские дольмены занимают промежуточное положение между мегалитами Европы и Южной Азии. Вопрос об их связи, как предположение, может быть поставлен. Его же разрешение — дело будущего.

⁸ G. Wilke. Südwesteuropäische Megalithkultur und ihre Beziehungen zum Orient. Würzburg. 1912, S. 11; Ch. Zervos. La Civilisation de la Sardaigne. Paris, 1954, p. 258—260; A. F. Isidoro. Escavacoes em dolmene do concelho do Crato (Alto Alentejo). Porto, 1966, p. 32—34.

⁹ М. Гернес. Культура доисторического прошлого, ч. II. Бронзовый век. М., 1914, стр. 85.

¹⁰ А. Я. Брюсов. Архитектура доисторической эпохи. Приложение к книге О. Шуази «История архитектуры», т. I. М., 1937, стр. 591.

¹¹ Л. Н. Соловьев. Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху неолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры. «Труды Абхазского ИЯЛИ», т. XXIX, 1958, стр. 151—164; О. М. Джапаридзе. Указ. соч., стр. 215, 216; Л. И. Лавров. Указ. соч., стр. 107, 108.

В. А. САФРОНОВ

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕДКАВКАЗСКИХ
КОСТЯНЫХ МОЛОТОЧКОВИДНЫХ БУЛАВОК

С того времени как В. А. Городцов отнес молоточковидные булавки к донецкой катакомбной культуре, основываясь на находках их в погребениях, раскопанных Ф. А. Брауном у Серогоз и Большой Белозерки и Д. Я. Самоквасовым в «Бессчастной могиле» у Новогригорьевки, к выяснению культурной атрибуции костяных молоточковидных булавок неизменно возвращаются при установлении хронологического соотношения ямной и катакомбной культур, а также происхождения катакомбной культуры¹. Поскольку действительно немногочисленная группа булавок найдена в катакомбных погребениях, следовало допускать их существование в катакомбное время. О. А. Кривцова-Гракова определила погребения в катакомбах с молоточковидными булавками как относящиеся к раннему этапу катакомбной культуры, полагая основным признаком последней катакомбную форму могилы.

Подавляющее большинство булавок обнаружено при погребениях на спине и на боку с подогнутыми ногами в ямах, поэтому возникновение этой формы украшения справедливо связывалось с древнеямной культурой. В противоположность О. А. Кривцовой-Граковой Б. А. Латынин не считал катакомбную форму могилы достаточным условием для отнесения погребения к катакомбной культуре, а высказывался за древнеямную атрибуцию костяных молоточковидных булавок, последовательно подвывая сомнению каждый случай обнаружения булавок в катакомбах². Указанные две точки зрения представляют крайние позиции в определении культурной принадлежности рассматриваемой формы, однако истину следует искать в том факте, что с новыми раскопками продолжают находить костяные молоточковидные булавки и в древнеямных, и в катакомбных погребениях³.

Мы придерживаемся взгляда Б. А. Латынина о том, что катакомба — не единственно руководящий признак для отнесения погребения в ней

¹ О. А. Кривцова-Гракова. Генетическая связь ямной и катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. VIII. М., 1938; Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. «Труды ГИМ», вып. XXIV, 1955; С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Рецензия на книгу Т. Б. Поповой. СА, 1957, № 2; Л. С. Клейн. О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. «Сборник в честь 60-летия проф. М. И. Артамонова». Л., 1961, стр. 76; В. А. Сафронов. Датировка Бородинского клада. «Проблемы археологии», вып. 1, 1968, стр. 103—105.

² Б. А. Латынин. Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. «Археологический сборник ГЭ», вып. 9. Л., 1967, стр. 11.

³ По вопросам происхождения и атрибуции молоточковидных булавок существует ряд работ, критический разбор которых выполнен Б. А. Латыниным. Предпосылать такой историографический очерк настоящей работе нет необходимости, тем более что классификационные схемы в них отсутствуют.

к катакомбной культуре, и именно поэтому считаем, что обнаружение булавок в катакомбных погребениях не свидетельствует только в пользу их катакомбной атрибуции, а значит, нет необходимости отвергать как сомнительные случаи находки булавок в инвентаре погребений в катакомбах.

В предкавказских степях молоточковидные булавки, происходящие из катакомб, всегда находили при погребениях на спине с подогнутыми вверх коленями. Подобные захоронения стратиграфически и хронологически следуют в этих районах за погребениями на спине с подогнутыми ногами в ямах, в которых также обнаруживаются костяные молоточковидные булавки. Попытаемся выяснить, существуют ли типологические различия между экземплярами, встречающимися в этих двух типах могил.

Первым и единственным опытом классификации молоточковидных булавок является работа Б. А. Латынина, который на большом объеме материала выделил пять типов для районов Северного Причерноморья и шесть — для Северного Кавказа⁴. Определяя цель и назначение своей классификации, Б. А. Латынин писал, что она «может дать некоторое обобщенное представление о том, в каких вариациях формы они (булавки. — В. С.) имеются в различных районах, но не отвечает на вопрос об их соотношении во времени. До введения в типологические ряды данных стратиграфии или хронологических показателей они неизбежно будут отвечать на вопрос — какие, но не на вопрос — когда»⁵. Хотя Б. А. Латынин и подчеркнул, что булавки различаются величиной головки относительно длины стержня, это наблюдение не нашло своего выражения в выделенных им типологических группах.

Исходным пунктом наших рассуждений является факт существования разбираемой формы в нескольких вариациях, что следует из результатов работы Б. А. Латынина. Разнообразие форм может быть связано с индивидуальным мастерством изготовителя, и в этом случае ряд, построенный из подобных типологических разновидностей, не имеет хронологического значения. Обнаружение типологически тождественных друг другу изделий в различных памятниках дает представление о стандарте для определенного отрезка времени. Наличие нескольких стандартов является признаками эволюционного развития типа изделия⁶. Для построения искомого эволюционного ряда необходимо найти объективные критерии, характеризующие изменения формы молоточковидных булавок.

Изучая серию предкавказских и северокавказских костяных молоточковидных булавок⁷, можно заметить, что у одних булавок стержень — по всей длине цилиндрической формы, заостряющийся на одном конце, а на втором — переходящий в молоточковидное навершие, в то время как другие экземпляры имеют линзообразный стержень с навершием.

Эта особенность может быть выражена через отношение двух параметров изделия: D/D^1 , где D — наибольший диаметр стержня булавки, а D^1 — наименьший диаметр стержня у основания навершия⁸.

С другой стороны, у булавок с цилиндрическим стержнем навершие имеет большую длину, чем у булавок с линзообразным стержнем. Длину молоточковидной головки можно выразить относительно наибольшего диаметра булавочного стержня — D .

⁴ Б. А. Латынин. Указ. соч., стр. 34, рис. 32; стр. 87, рис. 66.

⁵ Там же, стр. 34.

⁶ В. А. Сафронов. Указ. соч., стр. 99—100.

⁷ Мы намеренно избегаем привлекать северопричерноморские булавки и металлические северокавказские булавки, чтобы обеспечить однородность серии как типологически, так и по материалу.

⁸ Измерение производилось на той предельной позиции стержня, с которой поперечное сечение отлично от круга.

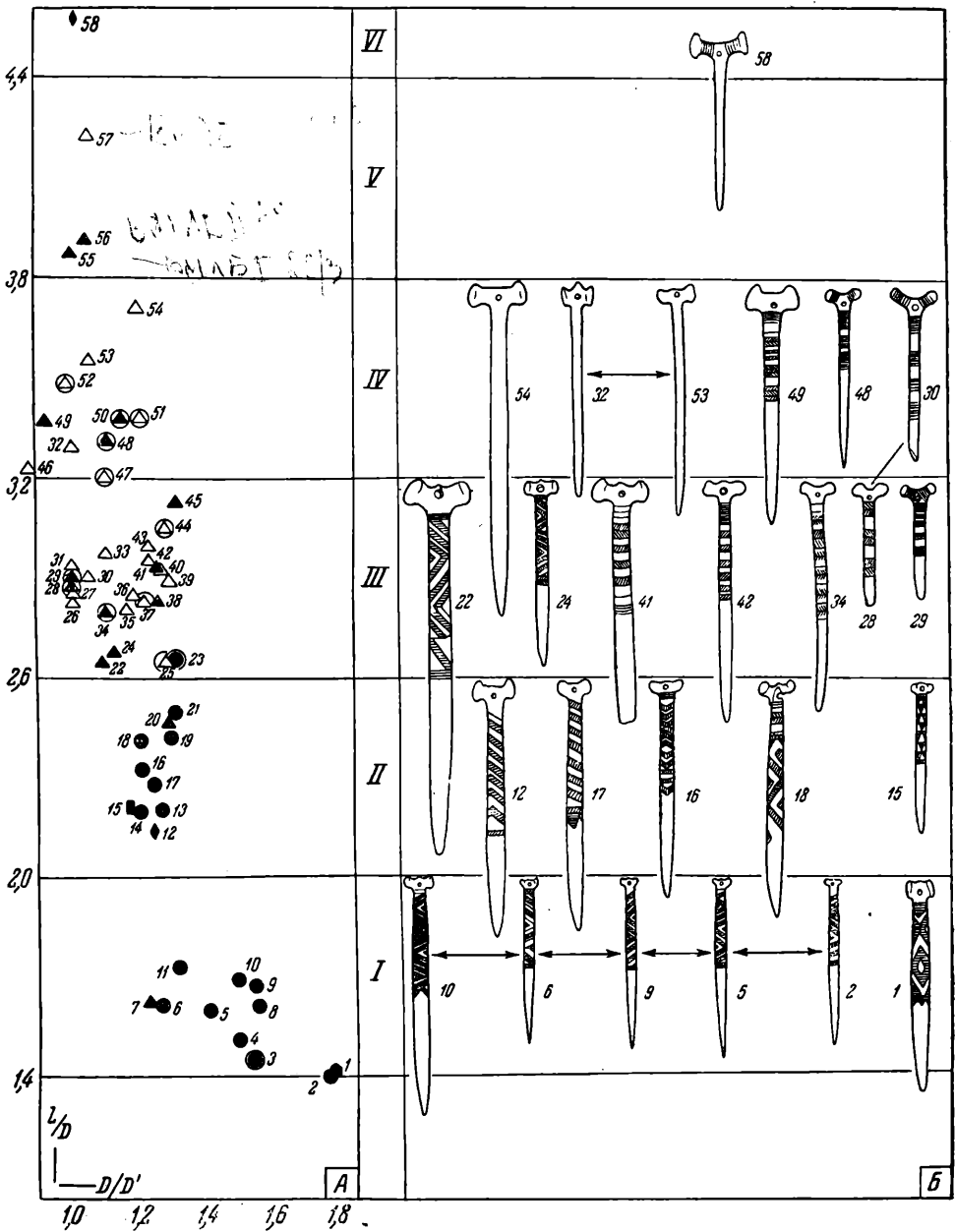

Рис. 11. Классификация костяных предкавказских и северокавказских молоточковидных булавок

А — график корреляции основных характеристик булавок; цифры по оси абсцисс означают отношение наибольшего диаметра стержня к наименьшему; цифры по оси ординат — отношение длины наконечника к наибольшему диаметру. Б — классификация орнамента на булавках. I—VI — стадии. Кругами на графике А обозначены булавки из катакомб; шестигульником — из полтавского погребения; треугольниками — булавки из древнеиных могил; прямоугольником — из каменного ящика; ромбами — случайные находки; зачеркнутыми фигурами — орнаментированные булавки; фигуры, заключенные в круг, — рожковидные булавки. 1 — с. Бородаевка 6/9; 2, 5, 6, 9, 10 — Архаринский могильник 17/3, 54 — Архаринский могильник 38/1; 3, 14 — Чограйский I могильник 49/4; 7—55/4; 19—43/3; 23—49/3; 30, 31, 44—19/4; 27—25/2; 36, 52, 57—54/3; 55—29/3; Чограйский II могильник: 13—39/4; 20—37/5; 35, 39, 47, 51—35/2; 40—18/8, 56—18/7; Чограйский III могильник: 4—4/1; 38—25/7; 45—26/4; Элиста: 11—34/6, 17—15/4; Элиста, юго-западная группа (раскопки Р. С. Рыкова): 32, 53—7/4; 16 — Пятигорск (раскопки В. Р. Апухтина); 18 — хут. Солёный 3/6; 24 — с. Благодарное; 29 — Костромская 1/2; 34 — по-с. Доновой 7/6; 41 — Ремонтное К/ш; Лола II: 42—8/8; 48—1/1. Номер кургана указывается в числителе, а номер погребения — в знаменателе в сокращенной записи. Масштаб ок. 1/5 натуральной величины.

Для булавок с цилиндрическим стержнем отношение D/D^1 будет равно 1.0, а значения L/D , где L — длина молоточковидного навершия, будут находиться в инвентаре от 4.0 до 2.8; для булавок с линзообразным стержнем D/D^1 составляло ряд значений от 1.1 до 1.7, а L/D — от 3.1 до 1.3 (рис. 11).

Ввиду простоты анализируемой формы можно считать, что перечисленные критерии дают исчерпывающие сведения о ее типологии, точнее, о тех направлениях, в которых могло идти развитие формы. В то же время они имеют и временной характер. Действительно, стержень булавок, найденных в катакомбах, — линзообразный, а найденных в ямах — цилиндрический. Следовательно, если построить ряд булавок по возрастанию значений D/D^1 , то полученная последовательность будет представлять стадии в эволюции какой-то части формы, но не всей. Чтобы скорректировать такой ряд, необходимо учесть изменение характеристик других деталей формы. Такой является отношение параметров L/D .

Надо заметить, что эволюцию формы будут отражать те и только те характеристики, которые, изменяясь (т. е. принимая различные значения), остаются связанными между собой. Установление эволюционного ряда и предполагает выявление закона этой связи. Если выбранные параметры принимают произвольные значения, а их отношения не обнаруживают связи между собой, то построение последовательности по изменению этих характеристик еще не означает установления эволюционного ряда развития формы.

Таким образом, необходимо установить, связаны ли предлагаемые нами классификационные критерии (D/D^1 и L/D) и насколько тесно.

Не рассчитывая коэффициент корреляции, можно убедиться в наличии или отсутствии зависимости графически. Перенесем все пары вычисленных значений D/D^1 и L/D на корреляционное поле. Расположение точек на графике свидетельствует о наличии определенной зависимости, при которой с возрастанием D/D^1 L/D убывает по линейному закону (отрицательная корреляция). Причем в разных частях графика эта тенденция к линейной зависимости выражена разным образом: в средней части зависимость наиболее тесная, в верхнем конце графика возрастают отклонения от линейности, что объясняется малым числом находок булавок с подобными параметрами.

Каждый экземпляр отмечается на корреляционном поле цифрой и значком (символом) — кружком, квадратом, ромбом и треугольником. Принятый здесь способ обозначения объекта разными геометрическими фигурами имеет своей целью отметить обстоятельство обнаружения булавки. Так, треугольником обозначены булавки⁹, найденные при погребениях в ямах на спине с подогнутыми в коленях ногами; кружком — экземпляры, происходящие из памятников катакомбного времени (погребения в катакомбах на спине в скорченном и вытянутом положении); ромбом — случайные находки; квадратом — единственная булавка из погребения полтавской культуры; прямоугольником — также единственный экземпляр, найденный в каменном ящике.

Рожковидные булавки, которые имеют линию происхождения, несколько отличную от линии булавок с прямой перекладной навершия, также условно отмечены на корреляционном поле заключением значка в круг (рис. 11, № 39, 51, 56, 59 и др.). Зачерненные значки фиксируют наличие орнамента на булавке. Все эти приемы своей конечной целью имеют наивозможнейший учет всех характерных признаков анализируемого материала, поскольку двух признаков для выражения формы не всегда бывает

⁹ В работе употреблены все известные по 1965 г. находки костяных молоточковидных булавок в Предкавказье. Благодарю И. В. Синицына за любезное разрешение использовать их для обмеров.

достаточно. Коррелирование же нескольких признаков в многомерном пространстве требует громоздкого аппарата и поэтому затруднительно. Практически изучить их взаимосвязь можно, коррелируя в двумерном пространстве каждый новый признак предмета с одним из двух предыдущих, зависимость которых между собой уже установлена, и получая n последовательностей на n числе графиков.

Если порядок следования в таких распределениях анализируемых объектов в основном не меняется, то можно быть уверенным, что классификационные признаки выбраны верно, а ряд типологического развития построен правильно. Применение такого приема продемонстрировано на классификации кабардино-пятигорских топоров¹⁰.

Однако порой трудно найти большое число характеристик, изменение которых вызвано объективными причинами и происходило во времени, хотя нередко имеются такие, которые нельзя выразить численным образом (как в данном случае: орнамент, обстоятельства находки, генетическую неоднородность). Введение в корреляционное поле условным образом обозначенных признаков равносильно коррелированию в многомерном пространстве.

Опираясь на все сказанное, последовательность, полученную на графике, можно считать эволюционным развитием костяных молоточковидных булавок предкавказских и северокавказских), начальная стадия которого находится в верхней части графика, а конечная — в нижней части. Последнее заключение правомерно, поскольку эта последовательность скорректирована стратиграфическими данными.

Для удобства терминологии и описания выделим в развитии формы стадии. Как и при классификации кабардино-пятигорских топоров, проведем деление через равные интервалы значений классификационных отношений параметров, но при определении значения этого интервала будем следовать величине интервала, заключающего естественно образующиеся группировки¹¹.

¹⁰ В. А. Сафронов. Указ. соч., стр. 99.

¹¹ Естественно образующимися группировками мы называем такие, крайние символы которых (члены группировки) находятся от ближайшего «соседа» по группировке на расстоянии, значительно меньшем, чем от ближайшего символа за границами группировки. Для определения естественных границ группировок необходимо решить, каково должно быть это расстояние, чтобы считать символ принадлежащим группировке. Для решения этого вопроса обратимся к аппарату математической статистики, из которой известен способ оценки диапазона возможных значений случайной величины — «правило трех сигм», которое позволяет указать интервал практически возможных значений $M \pm 3\sigma$, зная среднее квадратичное отклонение

$$\sigma = \sqrt{\frac{\sum_{i=0}^n (X_i - M)^2}{n-1}}$$

и математическое ожидание (при небольшой выборке оно отождествляется со средним арифметическим значением случайной величины), которое подсчитывается по формуле $M = \frac{M_1 + M_2 + M_3 + \dots + M_n}{n}$, если распределение

случайной величины подчиняется закону нормального распределения (что выясняется при построении гистограмм, если они заполняют площадь под кривой Гаусса), на основе которого выведено это правило. Символы распределены на графике с различной степенью близости. Если уподобить расстояние между ближайшими символами возможным значением некоей случайной величины (M), то можно убедиться, что они распределены по нормальному закону, а следовательно, определять и интервал значений $M \pm 3\sigma$, который включает все отклонения от средней величины M . Если ближайшее расстояние между какими-нибудь символами оказывается больше $M \pm 3\sigma$, то это значит, что вероятность попадания в этот промежуток объекта (новых экземпляров булавок) близка или равна нулю. Экземпляры, обозначенные этими символами, мы должны считать связанными между собой в меньшей степени, чем с соседними, что адекватно дроблению по этой границе на группировки. Однако употребление в качестве критерия связанности расстояния между двумя символами не совсем верно, поскольку расстояния между символами (т. е. распределение)

Как показали вычисления, величина горизонтального интервала равна 0,6 и разграничение производилось между значками, занимающими крайнее положение в интервалах, равных 0,6, значений L/D .

Справа на рис. 11 в границах стадии помещались опубликованные экземпляры с соответствующими значениями классификационных признаков. Стрелками показано нахождение булавок в одном комплексе.

Наряду с изменением формы со временем менялась и композиция орнаментов, украшающих булавку. На самых ранних экземплярах орнаментировалась и молоточковидная булавка (рис. 11, № 29, 48, 50, 58); на стержень наносились врезанными линиями полосы, состоящие из двух и более (до шести) линий. Иногда они заштриховывались наискось. Композиции из горизонтальных полосок исчезают на более поздних булавках (II и I стадии), встреченных в катакомбах при погребениях на спине в вытянутом и скорченном положении. Полоски из нарезных линий теперь наносятся под углом к линии навершия, образуя узор из ромбов, и заштриховываются линиями, параллельными навершию.

Исходя из полученных результатов классификации, самыми древними булавками следует считать экземпляры с большим навершием и цилиндрическим стержнем. Подобным экземпляром можно назвать находку из разрушенного курганного погребения у железнодорожной ст. Минутка на левом берегу реки Подкумок (рис. 11, 58), приближающуюся по относительной длине молоточковидного навершия к экземпляру из разрушенного кургана у с. Ардон и занимающую промежуточное положение между костяными молоточковидными булавками VI стадии и нальчикскими Т-образными булавками типа Сачхере, значения отношения длины навершия к наибольшей ширине стержня колеблются в пределах от 8,0 до 10,0.

Таким образом, данная классификация позволяет перейти к вопросам происхождения и датировки важнейшей составной части погребального инвентаря древнейших погребений в курганах Предкавказья.

являются функциями как D/D^1 , так и L^1/D , которые влияют на величину этого расстояния разным образом (скорость убывания L/D больше в три раза, чем скорость нарастания признака D/D^1), тогда как при выделении группировок и определении $M \pm 3\sigma$ учитывается обобщенное значение среднего квадратического σ . Кроме того, возникает вопрос, какой из символов, входящих в окружение, следует считать ближайшим. Если вместо расстояния между ближайшими значками взять разность между рядом стоящими значениями D/D^1 и L^1/D , которые графически соответствуют проекциям отрезка (расстояния) между ближайшими значками в распределении, то не придется решать вопроса о степени влияния классификационных признаков на величину расстояния, тем самым на величину «сигма», а вторых, без дополнительных условий становится ясным, какой «сосед» ближайший. Значение разностей D/D^1 и L^1/D подчиняются нормальному закону и характеризуются M_x и σ_x (для D/D^1) и M_y и σ_y (для L^1/D). Вычисления показали, что разность между двумя ближайшими значениями D/D^1 оказывается для каждого значения меньше усредненного значения разности $M_x \pm \sigma_x$, и вертикального деления на группировки провести не удается. С другой стороны, разность между значениями L^1/D для № 11 и 12, 56 и 57, 57 и 58 (рис. 11) больше усредненной величины разности M_y и утроенного среднего квадратического отклонения. Наметьте линии между значками, соединяемыми отрезком, проекция которого на ось больше соответствующих $M_y \pm 3\sigma_y$. Полученные горизонтальные интервалы имеют величину около 0,6. Назовем их стадиями. Элемент условности такого деления остается даже после статистической обработки результатов. Действительно, обнаружение новых экземпляров, возможно, заполнит промежутки, которые для настоящей выборки материала больше, чем $M_y \pm 3\sigma_y$ и выделенные стадии исчезнут. Впрочем, может произойти и обратное, новые поступления встанут в выделенные стадии, «уплотнят» их, интервал (σ) возможных отклонений от среднего значения уменьшится, т. е. возрастет вероятность проведенного деления на стадии. Неслучайность такого дробления могла обеспечить большая выборка, однако и сейчас несомненно направление развития и относительно более поздний хронологический возраст булавок I, II стадий, и они не могут измениться даже при сильно возросшей выборке.

II. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. К. ЧЕРНЫШ

ТРИПОЛЬСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ РАКОВЕЦ

В 1967—1969 гг. Молдавская экспедиция, организованная Институтом археологии АН СССР и Институтом истории АН МССР с участием Сорокского историко-краеведческого музея, проводила исследование трипольского поселения у с. Раковец Сорокского р-на МССР¹.

Поселение расположено на пологом склоне плато у небольшой реки, впадающей в Днестр. Западная часть поселения перерезана шоссеиной дорогой Сороки—Флорешты. С северной стороны поселения проходит дорога на Раковец. Судя по распространению находок на поверхности земли, площадь поселения достигала примерно 1000×600 м. Местами на поверхность выходят крупные куски разрушенных плугом мощных трипольских площадок. На месте отдельных жилищ найдены фрагменты керамики, изделия из кремня, зернотерки. По этим находкам зафиксировано местонахождение 42 жилищ.

В 1967 г. на поселении вблизи шоссе была заложена траншея величиной 40×1 м. На глубине 0,35—0,4 м появились площадки хорошей сохранности. По керамике поселение было датировано переходным временем от этапа В_I к этапу В_{II} по периодизации Т. С. Пассек. В 1968—1969 гг. было заложено два раскопа, в каждом из которых вскрыто по две площадки.

Остатки глинобитных жилищ в с. Раковец настолько своеобразны по сравнению с ранее известными, что вызвали большие дебаты в процессе раскопок среди всех участников экспедиции. В итоге удалось прийти к единому мнению по поводу реконструкции жилищ в целом, расхождения остались в интерпретации отдельных участков площадок².

В 1968 г. для изучения было выбрано жилище За. В работах принимал участие археомагнитный отряд под руководством ведущего инженера отдела постоянного магнитного поля Института геофизики АН УССР Г. Ф. Загния. С помощью магнитометра М-23 была определена предварительная граница распространения глиняной обожженной обмазки пло-

¹ В Молдавской экспедиции участвовали: Е. К. Черныш — начальник экспедиции, В. И. Маркевич — начальник отряда, Т. А. Попова, Г. Ф. Коробкова, Г. П. Смирнова, Г. В. Григорьева — научные сотрудники, К. В. Зиньковский, Н. Н. Скакун, Н. М. Гамаюнова, А. П. Кусургашева — лаборанты.

² К. В. Зиньковский. Новые данные к реконструкции трипольских жилищ. СА, 1972 (в печати).

щадки. По данным прибора длина дома составляла 14 м, а ширина 7,5 м, что почти полностью совпало с действительными контурами жилища — расхождение было в несколько сантиметров.

Глиняные напластования лучше всего сохранились в юго-западной части жилища. После того как была снята керамика с поверхности площадки, обнажился участок 4,5×3 м, выложенный крупными вальками глины, смешанной с соломой. Сверху от него залежала мелкая беспорядочно расположенная обмазка, обожженная довольно слабо. Толщина кусков верхнего слоя обмазки — около 6—8 см. Залегавший под ней мощный пласт глины распался на куски размером 50×40×10 см, 30×35×8 см. Этот пласт обмазки был гладким с обеих сторон. Под ним обнаружались целые сосуды (небольшие горшочки и биноклевидные изделия), стоявшие на таком же мощном напластовании глины. Этот третий слой хорошо прокаленной глины был гладким с верхней стороны и имел четкие отпечатки колотых досок с нижней стороны; толщина глины в среднем 5 см. Четвертый нижний слой представлял собой слабо обожженную обмазку бледно-желтого цвета толщиной 3 см. Находки керамики продолжались и на этом горизонте.

Именно это залегание пластов обмазки и привлекло внимание к поселению в Раковце. Обычно при разборке глиняной обожженной обмазки жилищ расцвета трипольской культуры под нижним пластом глины находится материк (суглинок или лесс). Кроме того, нижний пласт глины мощный и обязательно имеет с нижней стороны отпечатки плах, на нем стоит посуда, присыпанная кусками обмазки с отпечатками прутьев, кольев, но не досок. При первой же разборке раковецкой площадки коллектив экспедиции столкнулся с явлением, которое нельзя было объяснить с точки зрения старой установившейся схемы реконструкции трипольского жилища, созданной в результате изучения площадок в междуречье Днестра и Южного Буга³. В. И. Маркевич настаивал на новой интерпретации сооружения трипольского жилища, к которой он пришел в результате раскопок поздне трипольского поселения у с. Варваровка⁴, в нескольких десятках километров от Раковца. В результате дальнейших работ в Раковце мнение В. И. Маркевича оказалось наиболее приемлемым при реконструкции жилищ рассматриваемого поселения.

Если до последнего времени считалось, что трипольский дом имел мощный заранее хорошо обожженный глинобитный пол, вымощенный на ровной деревянной основе, лежащей на земле, то это мнение в какой-то мере оправдывалось отсутствием значительных находок вещей под такой площадкой. В Варваровке и в Раковце при разборке жилищ между пластами глины и под площадкой найдены крупные скопления керамики, статуэтки, изделия из кремня, кости животных, т. е. обычный культурный слой с вещами, совершенно идентичными найденным на площадке. Одно это позволило В. И. Маркевичу еще в 1964 г. поставить вопрос о наличии второго этажа или чердачного помещения, в котором находилась основная масса керамики. Такая постановка вопроса заставила пересмотреть мнение о приемах постройки трипольского жилища. Огромная глинобитная платформа, представляющая в наше время мощную площадку обожженной глины, сооруженная на уровне второго этажа, вряд ли могла быть обожжена при сооружении жилища, а если бы и была обожжена, то, не имея никакой опоры, кроме стен, все равно не смогла служить

³ Т. С. Пассек, Е. Ю. Кричевский. Трипольское поселение Коломийщина (опыт реконструкции). КСИИМК, вып. XII, 1946; Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949.

⁴ В. И. Маркевич. Трипольское поселение Варваровка VIII. «Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии Юго-Запада СССР». Кишинев, 1964.

полом и рухнула бы. Поэтому более вероятным кажется предположение, неоднократно высказывавшееся в литературе, о том, что трипольские дома гибли от пожаров, которые обожгли глину, законсервировав ее таким образом.

Современное строительство сельских построек на Украине и в Молдавии имеет много общего со строительством трипольских и гумельницких жилищ. Наблюдения над современными постройками помогают во многом понять, как строился трипольский дом.

Как и в современном селе, жилище, видимо, строили большим коллективом из заранее приготовленного материала. Удивляет стандартность размеров досок, плах, жердей, использовавшихся при строительстве. В Раковце, судя по отпечаткам дерева на глине, использовались горбыли и доски шириной в 10 см, длиной 3,5 м для наката поперек жилища. Между двумя горбылями укладывались жерди толщиной в 4 см. Этот настил обмазывался глиной с верхней и нижней стороны. Жерди, заполняя пространство между горбылями, облегчали вес глинобитной площадки, опирающейся на стены. Толщина стен с достоверностью до сих пор не установлена. Но, судя по трипольским глиняным моделям жилищ, площадка покоилась именно на стенах. Особенно много для понимания трипольского домостроительства дает находка модели, сделанная в 1970 г. Е. В. Цвек в с. Розсоховатка Черкасской обл.⁵

Модель передает дом в два этажа. Нижняя часть модели, первый этаж, меньше верхней части. Стены несколько уже, чем в помещении второго этажа. С торцовой стороны дома в нижнее и в верхнее помещение ведут двери, расположенные друг над другом. Модель стоит на четырех ножках — так принято было лепить модели у трипольских племен. На стенах первого этажа покоится пол второго этажа — площадка, которая в Раковце представлена наиболее мощным пластом глины с отпечатками дерева, уложенного поперек жилища. На модели ясно видно, что площадка, служащая основанием второго этажа, сильно выдается за пределы стен нижнего помещения. Это позволяет найти объяснение тому, почему нижний пласт глины на раковецких площадках несколько меньше, чем верхний. Используя все имеющиеся данные, можно думать, что площадки в Раковце представляют собой следы жилищ в два этажа. На первом этаже, имевшем земляной пол, находились сосуды, наиболее крупные из которых концентрировались возле очага. На глинобитных стенах (возможно, имевших каркас из прутьев) были уложены доски. На них уложен деревянный накат из горбылей и жердей. Потолок и пол обмазывались глиной. Потолок имел тонкий слой глины, а пол — толстый, так как горбыли укладывались плоской стороной вниз. Пол второго этажа примазывался к готовым стенам, что видно из формы его, слегка загибающейся вверх по стене.

Моделька позволяет судить и о сооружении стен. Судя по модели, на выдающуюся над первым этажом площадку вертикально устанавливались столбы, между которыми, очевидно, крепился плетень. Плетень обмазывался глиной, возможно, глиной обмазывались и столбы, в результате чего получалась ровная стена с выступающими из нее полуколоннами. В Раковце несколько раз можно было наблюдать, что площадка второго этажа сбоку упиралась в бревно. Вертикальные столбы могли крепиться в такое продольное бревно с помощью пазов и окончательно закрепляться глиной. Перед дверью второго этажа имеется своего рода балкон. Это того же рода порог, который отмечали исследователи у трипольских моделей. Благодаря ступенчатым стенам, выдающимся по обеим сторонам двери, второй этаж имеет план, напоминающий мегарон.

⁵ «Археологія Української РСР», т. I. Київ, 1971, стр. 192, фото.

В Раковце с площадкой, являвшейся полом второго этажа, связано наибольшее количество находок.

Реконструкция крыши весьма спорная. Можно предположить, что в разных районах трипольской культуры ее крыли различным материалом: соломой, камышом, досками, обмазанными глиной. Благодаря хорошей сохранности модели из Розсоховатки видны пять продольных лаг, концы которых выдаются с задней торцовой стороны дома. С этой стороны под крышей сделано круглое окно. С передней стороны конек крыши венчают два выступа, напоминаящие рога. (Подобный прием сооружения крыши наблюдался нами в современном с. Раковец.)

Двухэтажность некоторых жилищ трипольской культуры кажется теперь не столь удивительной и неожиданной, как это могло показаться несколько лет тому назад. В синхронной Триполью культуре Гумельнице, в поселении Кэсчуареле найдена удивительная модель храма⁶. Вряд ли можно будет найти другое значение этой находке. На длинных прямоугольных стенах, исчерченных горизонтальными полосами (подобно доскам), с окошками, расположенными в два яруса, стоят четыре небольших домика с овальными дверями с торцовой стороны. Домики стоят рядом друг с другом, соприкасаясь лишь основаниями. Они одинаковой формы и размера. Крыши скорее можно назвать овальными (как на розсоховатской модели), чем двускатными. Венчают их выступы в виде рогов. В целом создается впечатление монументальной постройки с четырьмя храмовыми помещениями, вознесенными на большую высоту.

Кроме двухэтажности, особенностью раковецких жилищ является их планировка. Площадки располагаются парами. Площадка 1 (17×3,5 м) на расстоянии около двух метров от площадки 1а (10×3,5 м). Площадка 3 (14×3,5 м) на расстоянии 1 м от площадки 3а (11,6×3,2 м). Такая парность встречается впервые. Вначале и комплекс жилищ 1—1а и комплекс 3—3а были приняты за остатки единого развала крупного жилища. Неестественной казалась только ширина предполагаемой площадки. Но когда была собрана керамика и устранены разрозненные куски обмазки, прикрывавшие ее, то обнаружили полы второго этажа. Именно они заставили сразу же разделить жилища и дать им добавочную нумерацию. Однако находок вокруг этих комплексов почти не было. Значит, в хозяйственном отношении их надо рассматривать как единое целое. Керамика сплошным массивом закрывала поверхность площадок и пространство между ними. Вполне допустимо, что конструкция жилищ была значительно сложнее, чем мы сейчас предполагаем, и включала в себя помещения, не обмазывавшиеся глиной. Они должны были находиться между такими сдвоенными площадками. В них хранилось огромное количество керамики, которую при иной реконструкции некуда поместить из-за ее непомерно большого количества. В современных крестьянских дворах строят специальные плетеные хорошо проветриваемые помещения для хранения продуктов, возможно, такие помещения в Раковце сооружались между площадками на втором этаже. Разрешению этого вопроса будут способствовать дальнейшие раскопки и результаты обработки керамики, которые ведутся Т. А. Поповой.

Обгоревшие во время пожара полы второго этажа рухнули вниз, переломились горящие доски, горбыли, плахи, жерди.

Второй раз мне удалось видеть четкие отпечатки их на земле и получить хорошие фотографии. Первый раз с этим явлением мне пришлось столкнуться при раскопках трипольского поселения в Незвиско (Станиславская обл. УССР). О. А. Артамонова сообщила мне, что подобную картину ей пришлось наблюдать при раскопках трипольской площадки

⁶ H. Dumitrescu. Un modele de sanctuaire decouvert dans la station éneolithique de Cascioarele. «Dacia», XII, 1968.

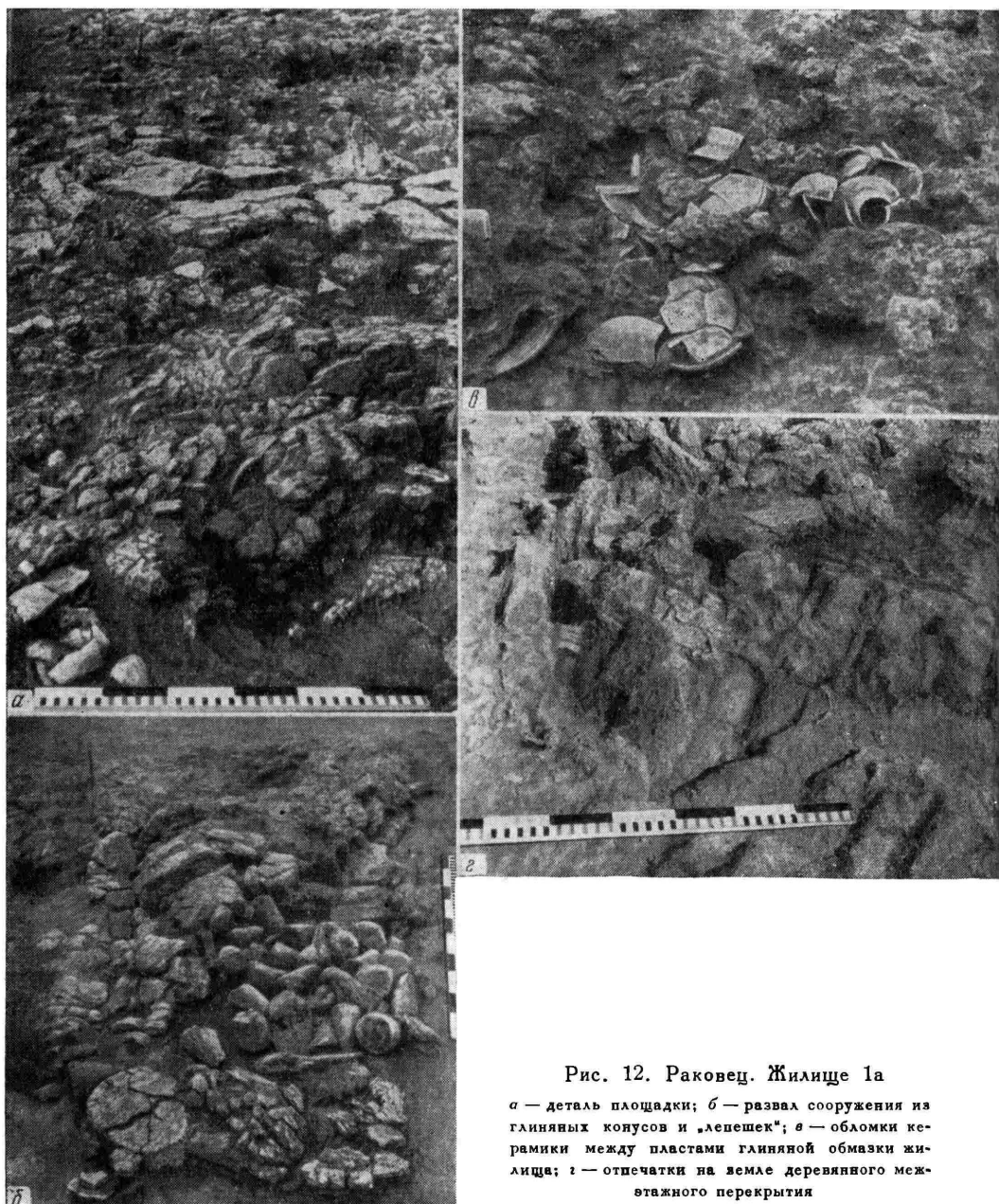

Рис. 12. Раковец. Жилище 1а

а — деталь площадки; б — развал сооружения из глиняных конусов и «лешешек»; в — обломки керамики между пластинами глиняной обмазки жилища; г — отпечатки на земле деревянного межэтажного перекрытия

в Немирово (Винницкая обл. УССР). Но в Раковце четкость и объемность следов горбылей превзошла все ожидания (рис. 12). В результате по отпечаткам дерева на глине, контролируемым следами дерева на земле, удалось получить схематичный чертеж расположения горбылей через площадку 1а (рис. 13). По ним хорошо видны смещения, произошедшие при разрушении дома. Однако общая направленность горбылей — поперек жилища хорошо видна (рис. 14). При падении горбыли переломились на куски длиной около 35 см. Изломы указывают, что горбыли лежали не только концами на стенах, но и на продольных лагах, в местах соприкосновения с которыми они и обломались при падении.

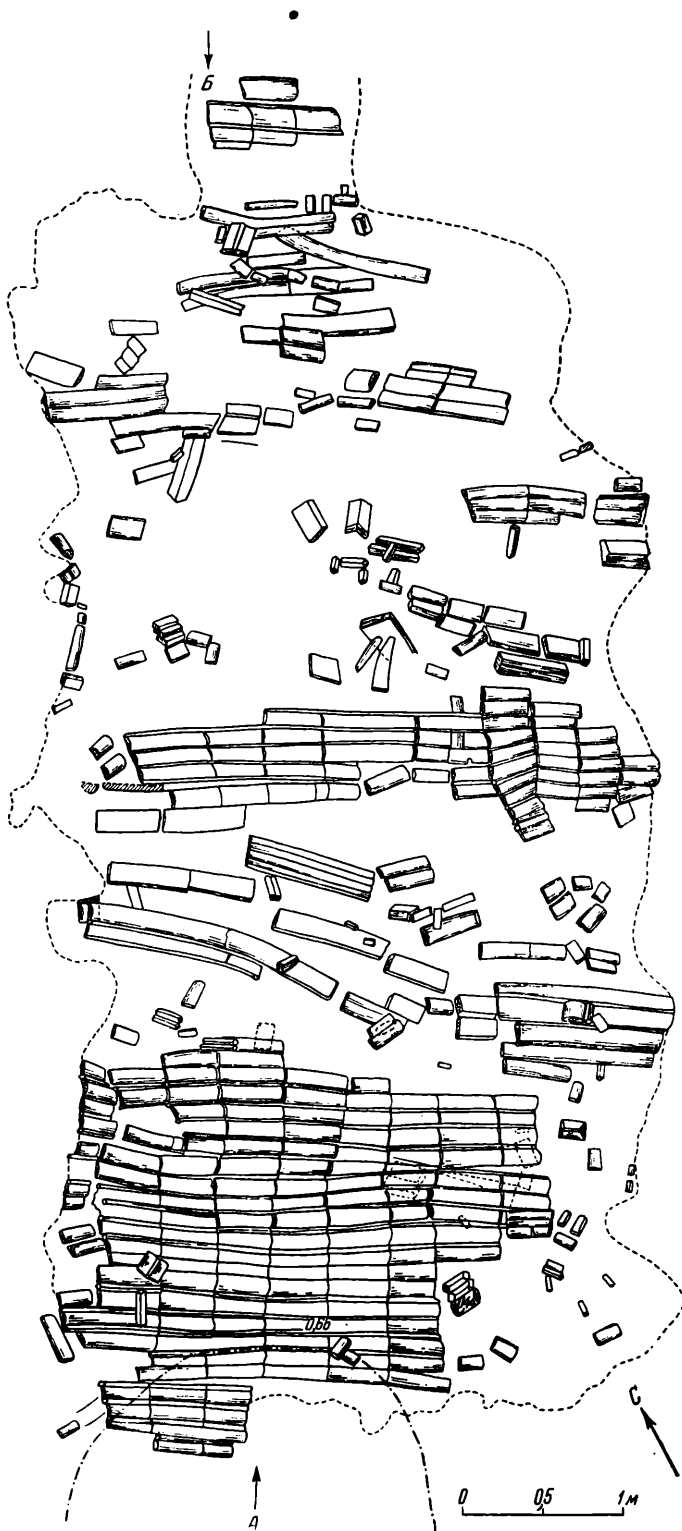

Рис. 13. Раковец. Жилище 1а

Схематичный план расположения горбылей, жердей и досок, зафиксированных по отпечаткам на глине и на земле

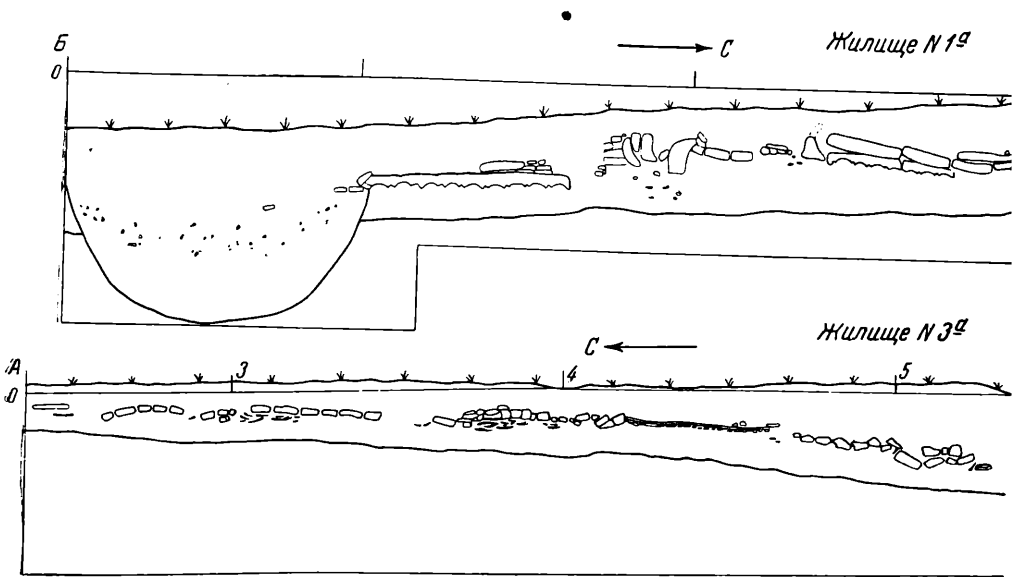

Рис. 14. Раковец. Профили жилищ 1а и 3а

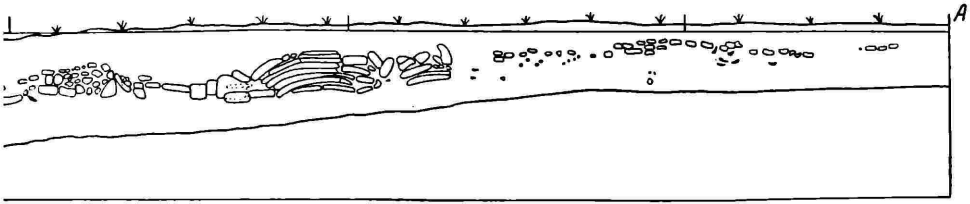
Северо-восточный конец жилища 1а содержал совершенно необыкновенные глиняные изделия, использовавшиеся для сооружения какой-то конструкции внутри жилища (рис. 15). Вдоль северо-восточной стены жилища (ныне не существующей, но четко обозначенной линией упавших предметов) были расчищены рухнувшие с высоты глиняные конусы. Они сглажены со всех сторон, включая основание, и, хотя внешне напоминают конусы из гончарных печей (например, в раннетрипольской Александровке и, видимо, в позднетрипольском Жванце), представляют собой самостоятельный законченный предмет с гладким основанием. Их использовали для какого-то сооружения, выложенного из плоских округлых пластов глины, имеющих вид лепешек, слегка выпуклых кверху. Поверхность их сглажена пальцами, но иногда бороздками, проведенными пальцами, сделана спираль, а на одном обломке узор в виде «птичек» (или «елочек»). В других жилищах встречались отдельные лепешки, но назначение их пока выяснить не удалось. Служили ли они алтариками или переносными столиками, неясно. Диаметр «лепешек» при толщине 2—4 см в среднем 40 см. Высота конусов колеблется от 14 до 20 см, а диаметр основания 9—13 см. Сооружение из конусов и «лепешек» было обрамлено досками и вытянуто вдоль стены. При пожаре сверху упали еще балки, следы которых хорошо отпечатались на глине. Аналогии в трипольской культуре отсутствуют. Возможно, они найдутся в этнографии.

С северо-востока к этому дому примыкала пристройка в один этаж.

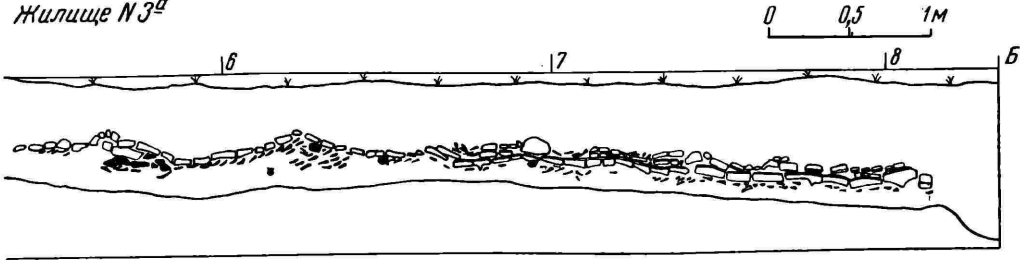
Открытие площадок в Раковце не отрицает существование в трипольских поселениях одноэтажных домов. Возможно, что в районе между Днепром и Южным Бугом жилища строились в основном так, как их реконструировали исследователи. Но в отличие от площадок, открытых во Владимировке или Коломыйшине, где ровное основание площадки представляло собой деревянный настил, сделанный прямо на земле, раковецкие площадки удивительно неровны. Пол волнистый не только с поверхности, но и в основании. Обжиг его неровный, пол покрыт пятнами от оранжевого цвета до синевато-зеленоватого. Как и пол, часть керамики носит следы вторичного обжига.

К особенностям раковецких жилищ следует отнести и то, что с юго-западной стороны каждой из площадок находилась большая хозяйствен-

Жилище №1^а

Жилище №3^а

ная яма. В связи с этим следует пересмотреть случаи, когда яма, именуемая землянкой, вплотную примыкала к жилищу и в нее даже (как в Раковце) попали куски обмазки с площадки. До сих пор они трактовались как землянки, сооруженные ранее площадок. То, что их могли соорудить ранее площадки, трудно оспаривать, но они, бесспорно, продолжали функционировать одновременно с жилищем в качестве погребов.

В яме жилища 1^а было найдено небольшое количество антропоморфных статуэток, много керамики, изделия из кремня и кости, зернотерки (рис. 16).

Керамика в большинстве своем расписная монохромная, по стилю соответствующая этапу В_{II} периодизации Т. С. Пассек или Кукутенам В, согласно периодизации румынских археологов. Небольшое количество керамики покрыто углубленным узором. Еще меньше посуды из глины с примесью раковины, покрытой расчесами. Многие орнаменты сохранились хорошо и при полной систематизации позволят более точно сопоставить время поселения в Раковце с трипольскими поселениями Румы-

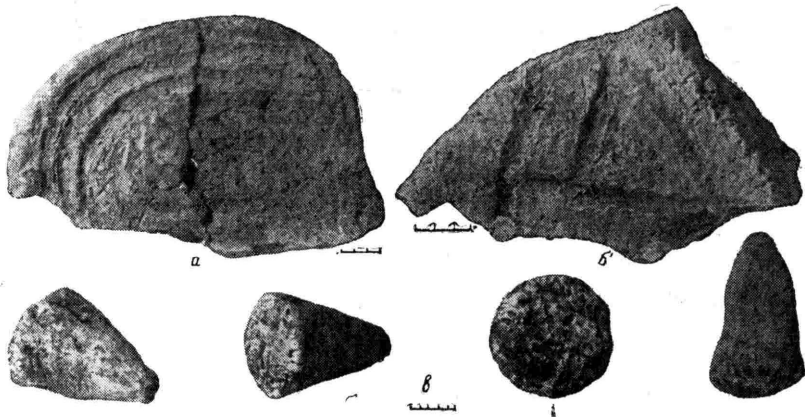

Рис. 15. Раковец. Жилище 1^а

а — глиняная «лешка» с узором; б — глиняный карниз с узором; в — глиняные конусы

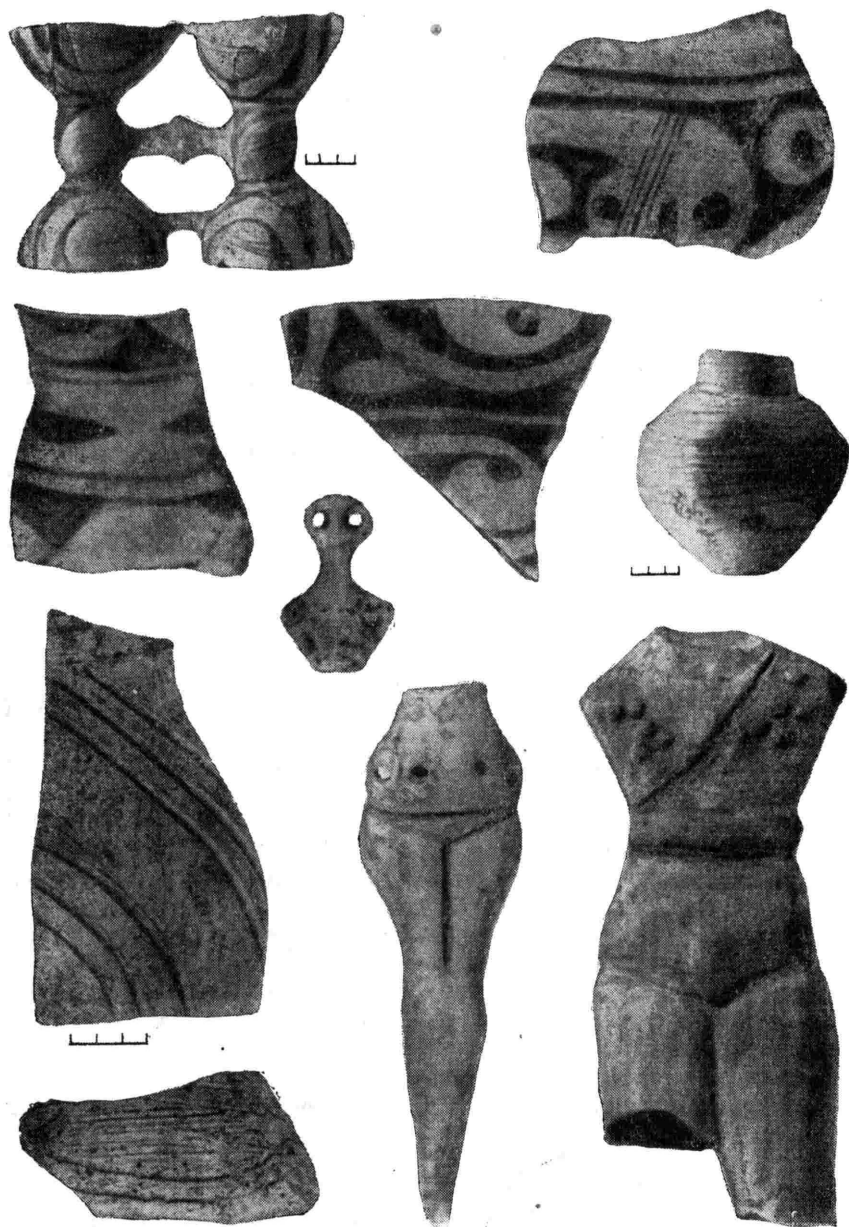

Рис. 16. Раковец. Образцы керамики и пластики

нии. Пока можно сказать, что раковецкое поселение входит в группу памятников Сорокско-Петренского местного варианта трипольской культуры.

Среди находок обращают на себя внимание статуэтки. Имеется несколько оригинальных экземпляров с прической в виде пучка волос, собранных на затылке. Преобладают женские фигурки. Мужские отличаются некоторым своеобразием. У двух лучше сохранившихся мужских фигурок изображен широкий пояс и перевязи через плечо. На двух статуэтках небольшими налепами переданы или несколько пар груди, или украшения, нам еще неизвестные.

Среди орудий труда Г. Ф. Коробковой обнаружены интересные экземпляры, на которые раньше обращали мало внимания. Ею выделены каменные шлифованные мотыги, внешне напоминающие топоры и тесла. Это важно, так как вопрос уровня развития земледелия в трипольской культуре остается все еще спорным. Недавно для синхронных памятников культуры гумельницы В. Думитреску отметил находку рогового плуга и ставит вопрос о существовании деревянных плугов. Я видела в натуре рог, который В. Думитреску считает плугом, однако я не могу согласиться с ним. Это обычный небольшой отросток рога, которым, может быть, и ковыряли землю, но не использовали для пахоты. Г. Ф. Коробковой были просмотрены рабочие концы орудий, найденных в трипольском поселении Новые Русешты. Они действительно несут следы сработанности от соприкосновения с землей. Эти изделия из рогов оленя внешне имеют вид сохи. Однако даже в этом случае Г. Ф. Коробкова воздерживается от утверждения, что орудие использовалось для пахоты. Скорее всего оно могло играть роль бороны. Линейные следы на концах каждого из рассмотренных под увеличением инструментов свидетельствуют, что они все одновременно двигались в земле в одном направлении на очень небольшой глубине (едва превосходящей 10 см). Находка каменных мотыг может свидетельствовать скорее в пользу мотыжного земледелия.

Для индустрии поселения у с. Раковец характерен высокий процент орудий — около 30%. Техника оформления некоторых кремневых изделий оригинальна. Заготовкой раковецкой индустрии можно назвать пластину в виде концевое скребка со скошенным круглым затупленным верхним краем. Край служил не рабочим лезвием, а площадкой для упора пальца при работе. Рабочие лезвия у них, как правило, располагались на боковых необработанных краях пластины. В коллекции обнаружены: отбойники, скребки, ножи, скобели, пилки, единичные сверла, развертки, ретушеры, резцы, строгальный нож, мотыги и другие орудия, характеризующие типичный инвентарь трипольского поселения.

Заключая краткую характеристику поселения у с. Раковец, следует отметить, что оно находится в Сорокском р-не на среднем течении Днестра, в единственном районе, который не был обследован Молдавской экспедицией, возглавлявшейся в течение многих лет Т. С. Пассек. Очевидно, дальнейшее изучение этого микрорайона позволит установить более четкую хронологию развития трипольских памятников этого района и выявить их особенности в более раннее время.

Н. А. ОНАЙКО

НОВЫЙ ПАМЯТНИК МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Одним из ярких и важных этапов в истории народов Северного Кавказа является эпоха энеолита, представленная памятниками майкопской культуры¹. В последние годы ареал этой культуры несколько расширился в сторону прибрежной части Северо-Западного Кавказа². Недавно в этом районе в пригороде Новороссийска (Мысхако) открыто новое поселение майкопской культуры. Сведения о нем были получены в результате наших раскопок античного поселения, которое простирается по берегу моря на расстоянии около 700 м от левого берега р. Мысхако, занимающая небольшую возвышенность и холм через ложбину от нее³. В 1969 г. на поверхности этого холма и при пробных раскопках на нем (квадрат 5×5 м) были обнаружены обломки керамики майкопской культуры⁴. Они представлены венчиками и стенками открытых и закрытых лепных сосудов (рис. 17, 1—2, 5—11). Все обломки орнаментированы. Большой интерес представляют обломки сосудов с так называемым жемчужным орнаментом⁵. Имеется отогнутый наружу высокий венчик сосуда, украшенный «жемчужинами» с внешней и с внутренней стороны (рис. 17, 5—6). Глина обломков оранжево- или серовато-желтая, в изломе черная с включением мелких частиц кварца белого цвета. Описанная керамика найдена в сильно перекопанном слое римского времени.

Встречались также единичные находки кремневых отщепов, которые хорошо согласуются с ранее найденным на поселении кремневым вкладышем деревянного или костяного серпа (рис. 17, 3). Он был обнаружен в зерновой яме, заполненной керамикой античного времени⁶. Круглая в плане яма (диаметр устья—0,75 м, дна—0,85 м), вырубленная в скальном грунте, имела форму срезанного конуса с тщательно обтесанными стенками. Глубина ямы—до 0,85 м. Кроме подобных, ярко выраженных по назначению ям, нами зафиксированы небольшие ямы, которые по своим размерам и форме напоминают основы для деревянных стоек в легких турлучных постройках на поселениях майкопской культуры Северо-Западного Кавказа⁷. Правда, ямы, открытые нами, не указывают на план жилища, т. к. расположены бессистемно. Турлучная же обмазка встречается здесь часто. Может быть, какие-то обломки обмазки относятся еще к первобытной эпохе?

Того же происхождения случайно найденный в 1970 г. на поселении

¹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 52, рис. 9.

² А. А. Формозов. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 67, рис. 29.

³ Н. А. Онайко. Раскопки поселения на Малой земле. КСИА, вып. 124, 1970, стр. 73.

⁴ Определение Р. М. Мунчаева.

⁵ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 73, рис. 34 и др.

⁶ Н. А. Онайко. Указ. соч., стр. 74.

⁷ А. А. Формозов. Указ. соч., стр. 103, рис. 49.

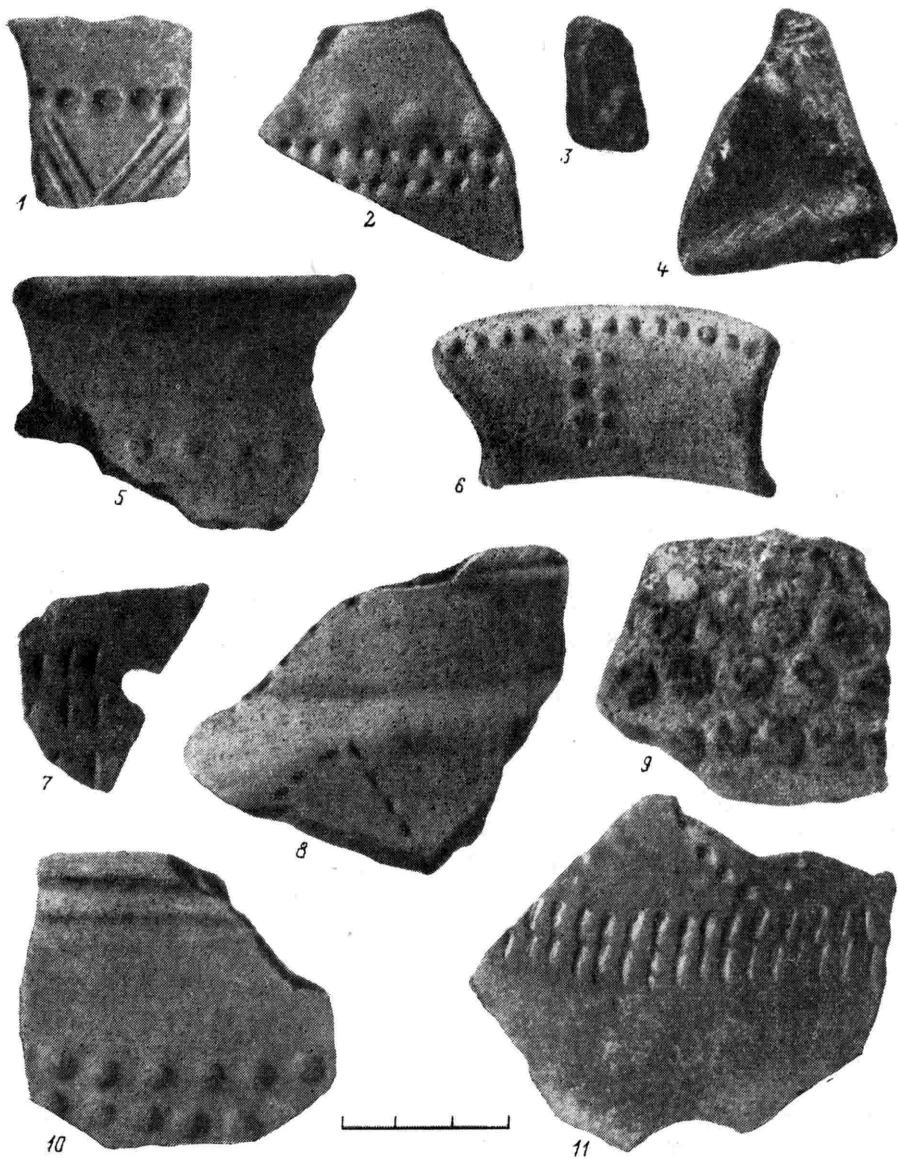

Рис. 17.

1, 2, 5—11 — керамика майкопской культуры; 3 — кремневый вкладыш; 4 — каменный топорик.
Малая земля

каменный клиновидный топорик (рис. 17, 4). Такие плоские шлифованные топорики, вставленные в костяные и роговые муфты, могли служить каменными лезвиями комбинированных орудий⁸.

Находки с Малой земли, наиболее ярко представленные керамикой майкопской культуры, свидетельствуют об освоении этой прибрежной территории еще в глубокой древности и, надо полагать, обратят на себя внимание специалистов. Тем более, что поселений майкопской культуры известно крайне мало, а поселений, расположенных на самом берегу моря, как будто вообще до сих пор не было известно.

⁸ Там же, стр. 109, рис. 53, 1—3 и др.

В. И. КОЗЕНКОВА

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО БРОНЗОВОМУ ВЕКУ
В ЗАПАДНОМ ПРЕДКАВКАЗЬЕ

Летом 1970 г. нами была обследована группа из 14 курганов около станицы Ново-Титаровской Краснодарского края. Курганы небольшие, за исключением одного, имели диаметр 25—45 м при высоте от 0,7 до 2 м. Насыпи земляные, из плотного коричневого или темного гумусированного суглинка. Погребения в курганах разновременные: эпохи ранней бронзы и меото-сарматского периода. Как правило, последние были впушены в насыпи курганов более древнего периода. Исключительный интерес представляли именно эти ранние захоронения, обнаруженные в курганах 1, 2 и 10. Все они чрезвычайно близки деталям погребального обряда и формой могильных сооружений. Наиболее выразительно черты погребального ритуала представлены в погребениях кургана 1. Он самый большой из обследованных (рис. 18). Его высота 8 м, диаметр по подошве — около 90 м. Раскопки показали, что насыпь кургана неоднократно подсыпалась. Все 12 обнаруженных там погребений располагались на разной высоте по центру кургана. Два погребения относились к самым последним векам до н. э., датировка одного не ясна (погребение 1). Остальные девять погребений (4—12) относились к одному культурно-историческому этапу, незначительно отличаясь по времени. Погребения располагались в насыпи кургана на разной глубине, не нарушая друг друга. Основное погребение (12) было совершено в большой прямоугольной яме, вырытой на уровне погребенной почвы (рис. 19). Длина ямы 2,3 м, ширина 1,3 м, глубина 0,85 м. Яма была перекрыта большим овальным покрывалом из кожи или войлока. След от него четко оконтуривался и легко зачищался в виде интенсивно темного гладкого пятна. Поверх покрывала яму перекрывали поперечные тонкие деревянные планки шириной 9—10 см, положенные вплотную друг к другу. Удалось насчитать не менее 30 штук. Не исключено, что планки и покров составляли какое-то надмогильное сооружение, которое позднее постепенно осело вовнутрь ямы. Об этом свидетельствует след плавного прогиба планок, которые не обломались, а просто прогнулись внутрь ямы. В пользу этого говорят также ямки от круглых деревянных стоек диаметром 5 см, обнаруженные на краю ямы и по углам внутри нее. Стенки ямы плохо зачищались. В отдельных местах прослеживался отпечаток грубой ткани в «рубчик», которая, видимо, обтягивала стенки. Дно ровное со следами плотной подстилки, коричневатого цвета (войлок?). На подстилке остатки орнаментальной раскраски в виде ярко-красных полос и спиралей. Скелет лежал на левом боку, слегка завалившись на спину. Ноги слегка согнуты и перекрещены. Правая рука лежит на поясе, левая — отброшена в сторону. Головой покойник был ориентирован на восток с небольшим отклонением к северу. Покойник был осыпан охрой, отчего все кости приобрели

ярко-красный цвет. Особенно интенсивно был окрашен череп и кости на груди. За затылком обнаружен большой комок охры. В ногах у южной стенки лежал обломок большого блестящего чернолощеного сосуда, орнаментированного прочерченными заштрихованными треугольниками (рис. 21, 9). Черепок служил курильницей, так как на внутренней поверхности его обнаружено сильно закопченное пятно от тлевших углей. Большое количество угольков обнаружено по всей поверхности дна ямы и в ее засыпи. На восточном краю ямы расчищены остатки четырехколесной повозки, стоявшей *in situ*. Дерево почти не сохранилось, но четкий отпечаток его позволяет полностью реконструировать повозку. Дно ее состояло из прямоугольной рамы, связанной из четырех тонких досок. Центр ямы скреплен дополнительными перекрещивающимися досками. Колеса составлены из четырех отдельных кусков и имели односторонне выпуклую ступицу. Выше дна повозки на разной глубине были раскрыты остальные детали, позволяющие полностью восстановить первоначальную форму кузова. Повозка и деревянное перекрытие ямы были слегка обожжены.

Не менее интересно погребение 8, раскрытое на 1 м выше основного (рис. 20). Вместе с детским захоронением 9, непосредственно примыкавшим к нему с юго-западной стороны, а также вместе с погребением 10, оно представляло второй горизонт захоронений в кургане 1. По погребальному ритуалу оно почти не отличалось от основного. Так же, как и в погребении 12, вокруг прямоугольной ямы сохранился темный отпечаток покрова (размер 2,7×3,90 м). Поверх, поперек ямы, уложены доски шириной 30—35 см. Четко прослеживался отпечаток пяти таких досок, вплотную пригнанных друг к другу. На отпечатках досок, особенно тех, что находились с юго-западного края, прослежен резной орнамент в виде кругов. Поверх досок, в юго-западной и северо-восточной стороне, остатки полосы шириной в 14 см, состоящей из шести более тонких полосок, нанесенных желтой краской. Все перекрытие имело легкий след обжига. Яма имела прямоугольные очертания. В юго-западном и юго-восточном углу круглые отверстия от деревянных стоек диаметром 5 см. Размеры ямы: длина 1,55 м, ширина 0,8 м, глубина 0,65 м. Дно имело густую меловую посыпку. Сохранились следы деревянной доски и коричневатой подстилки. Скелет лежал на правом боку скорченно, головой на юго-запад. Колени подтянуты к груди, правая рука согнута и упирается в колено. Левая рука быта откинута за спину и лежала под тазом. В области груди кострище с угольками, отчего кости оказались слегка обожженными. По всей поверхности дна ямы — следы красной краски. Особенно интенсивны они около головы. Около затылка лежал кусок охры. Перед грудью погребенного сохранился на земле легкий отпечаток рельефного узора, возможно от покрова, с аппликацией. В засыпи ямы встречена деревянная труха — остатки рухнувшего перекрытия. На северо-восточном краю ямы стояла деревянная четырехколесная повозка такой же конструкции, как и в основном погребении. Имелись лишь дополнительные деревянные детали на дне повозки. Колеса диаметром 72 см имели следы раскраски белой краской или мелом. Выше дна повозки в слое расчищены конструкции каркаса кузова. С юго-западной стороны к яме примыкала овальная ямка с захоронением младенца (погребение 9). Ребенок лежал скорченно, на правом боку, головой на юго-запад. Часть скелета в области таза выгорела от разведенного в этом месте кострища. Скелет имел следы посыпки охрой. У колен большой кусок охры, в ногах небольшая глиняная плочка (рис. 21, 4) и каменная плитка-терочник. Около головы ребенка обнаружен лежавший на боку сосуд (рис. 21, 10). Поверхность темная, у венчика две петлевидные ручки.

К третьему горизонту погребений в кургане 1 относились могилы 7 и 11 и расположенная вблизи последней повозка 4. Детали погребального

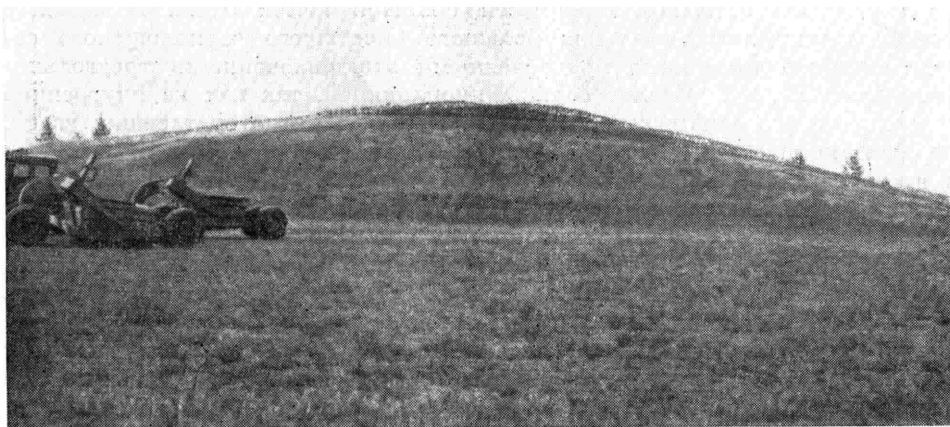

Рис. 18. Курган 1. Общий вид

ритуала оставались прежними. Однако необходимо отметить, что в погребении 11 было совершено парное захоронение. В яме с обильной меловой подсыпкой погребенные были положены на запад головами. Маленький скелет лежал вытянуто на спине, был густо обсыпан охрой и полуобожжен. Большой скелет лежал на спине, с незначительным поворотом на правый бок. Ноги полусогнуты. Правая рука покоилась на маленьком скелете, левая — на поясе.

К четвертому горизонту захоронений относились могила 6 и повозка 1, имевшая более квадратную форму кузова, чем перечисленные выше (рис. 22). Наконец, к пятому горизонту относились два, видимо, одновременных захоронения взрослого и ребенка (погребения 4 и 5) в расположенных рядом могилах. Форма перекрытия не отличалась от более ранних, но вместо труположения в ямах было совершено трупосожжение. Видимо, с этими двумя погребениями связаны обломки двух повозок, обнаруженных далеко от центра, но стратиграфически увязывающихся с насыпью над могилами 4 и 5. От повозок сохранились остатки кузова и по одному колесу, но разного диаметра. Остатки повозок имели след обжига. Раскопанные погребения отличались бедностью погребального инвентаря (рис. 21). За исключением погребений 8, 9 и 12, содержащих керамику, только в погребении 5 обнаружено среди полуобожженных кусков черепа и зубов, в западной стороне, круглое серебряное колечко в полтора оборота диаметром около 1 см. Такие же колечки имелись в погребениях 11 и 12. В погребении 4 имелись скопления астрагалов, плитка — терочник со следами охры на поверхности и глиняный столбик непонятного назначения (рис. 24, 3). Для всех погребений характерно наличие на краю ямы или внутри нее остатков жертвенной пищи в виде скоплений челюстей и ног животного.

В кургане 2, меньшего размера (высота 1,7 м), к древнему периоду относились два погребения. Основное погребение 6 было совершено в грунтовой яме, вырытой под насыпью кургана. Яма была перекрыта тонкими деревянными плахами, причем не только поперечными, но и продольными. В яме глубиной 1,2 м на кожаной или войлочной подстилке лежал костяк в скорченной позе, на правом боку, головой на юго-запад. Подстилка и погребенный были густо осыпаны охрой. Около головы перед лицом лежал кусок охры и бронзовый черешковый нож (рис. 21, 8). Скелет имел следы легкого обжига. В засыпи ямы много деревянной трухи от

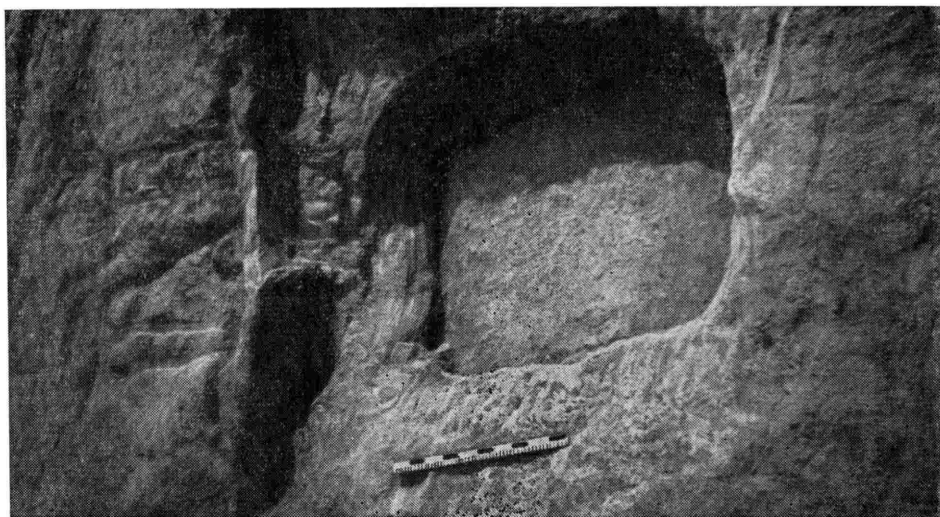

Рис. 19. Курган 4. Погребение 12. Могильная яма и повозка

рухнувшего перекрытия. По углам могильной ямы, на ее краю были положены колеса от повозки. Сохранились отпечатки только трех колес.

На 0,4 м выше погребения 6 и севернее его было раскопано еще одно древнее погребение (5). Овальная грунтовая яма была перекрыта тонкими плашками и поверх них толстым камышовым настилом. В яме на остатках коричневатой подстилки со следами охристой раскраски лежал вытянуто на спине скелет, ориентированный головой на северо-запад. Около ног имелось большое кострище, а поверх него слой охры. Погребальный инвентарь отсутствовал.

К этой же группе погребений относилось и основное погребение в кургане 10. Оно было открыто на глубине 1,68 м от верха кургана, на уровне древнего горизонта, в виде темного овального пятна размером 2,6×1,9 м, ориентированного с запада на восток, с небольшим отклонением на север. В центре пятна имелась грунтовая яма прямоугольной формы, размером 1,7×0,7 м, глубиной 1,2 м. Перекрытие состояло из поперечных деревянных плах, уложенных поверх покрова. Поперечные доски были скреплены продольным куском круглого в сечении дерева диаметром 10 см. Деревянное перекрытие имело орнамент из белых и красных полос. Отпечатки полос шириной 3—4 см сохранились по краям могилы. На краю могилы лежал череп особи крупного рогатого скота и кости ног. Засыпь в яме состояла из плотной коричневатой земли с включением угольков и деревянной трухи. Дно ровное, плотное и покрыто было слоем охры. Погребенный лежал скорченно, на правом боку, головой на северо-запад. Руки согнуты и покоятся на поясе. Погребенный сверху осыпан охрой, поэтому кости имели интенсивно красный цвет. Перед покойником, около груди, стоял, слегка наклонившись на бок, небольшой баночный горшочек с грубо заглаженной поверхностью (высота 5,5 см, диаметр устья 7 см, диаметр дна 4,3 см). Под черепом обнаружена круглая височная подвеска из светлого металла. Колечко диаметром 0,8 см имело заходящие друг за друга, расплющенные концы. Под головой покойника имелись следы кострища. Угольки были вкраплены в охристую поверхность дна ямы на всей ее площади.

Таким образом в равнинной части Прикубанья выявлены новые материалы, характеризующие материальную культуру и погребальный обряд обитавшего здесь в древности населения. Для него были характерны по-

гребения под курганными насыпями. Сооружались не только одиночные могилы под одной насыпью (курган 10), но отмечено постепенное превращение кургана из места одиночного захоронения в родовое кладбище за счет впускных погребений, при устройстве которых насыпь кургана постепенно досыпалась. Захоронения совершались в больших, но не глубоких ямах, перекрытых камышом, деревянными плахами и покрывалами из кожи или войлока, раскрашенных полосами и спиралями. Кроме красной краски, применялась белая и желтая. В одном случае отмечены следы резьбы по дереву. Дно могилы покрывалось мелом и охрой. Большую роль в погребальном ритуале играл огонь, причем со временем значение его возросло, поскольку наблюдается постепенный переход от трупоположений с остатками кострища в могиле к полному трупосожжению. Трупоположения в скорченной позе; имелись лишь два случая погребений в вытянутой позе на спине. Ориентировка погребенных устойчивая, западная, с небольшим отклонением к югу и к северу. Имелся лишь один случай северо-восточной ориентации. Для выявленной группы погребений характерно малое количество погребального инвентаря. Лишь в половине захоронений имелись отдельные предметы (височные колечки, каменные терочники, глиняные поделки, астрагалы, сосуды).

Характерным признаком погребального обряда является оставление жертвенной пищи на краю могильной ямы (череп и ноги животного). В кургане 1 прослежено, кроме этого, семь таких же скоплений костей животных, расположенных по кругу в насыпи и примерно на одной и той же глубине. Характерной чертой погребального обряда для выделенной группы являются деревянные повозки, скорее всего специально изготовленные на случай похорон. Об этом свидетельствуют непрочность деревянных конструкций и в первую очередь форма колес, изготовленных из шести отдельных частей. Повозки прямоугольные, четырехколесные. Колеса диаметром 70—75 см имели односторонне выпуклую ступицу. Каркас кузова сооружался из четырех рам, скрепленных по продольным сторонам вертикально поставленными круглыми деревянными стержнями. Размер кузова повозки 1,2 м × 2 м. О тягловой силе трудно что-либо сказать. Скорее всего речь может идти о быках.

Для определения культурно-исторического места новых памятников и выяснения их хронологии могут быть привлечены материалы трех культур: северокавказской, ямной и катакомбной. С каждой из них по ряду признаков имеется определенное совпадение. С памятниками прикубанского варианта северокавказской культуры новотитаровскую группу сближает обычай сооружения грунтовых ям, перекрытых деревом, западная ориентировка покойников, находки керамики северокавказского облика (блестящее черное лощение, наличие двух ручек, орнамент в виде заштрихованных треугольников, опущенных вершинами вниз)¹. Наконец, территориально исследуемая группа находится в ареале северокавказской культуры. Но в то же время у новотитаровских погребальных сооружений отсутствует такой характерный для северокавказской культуры признак, как камни в насыпи, наброски камня поверх деревянного перекрытия, кромлехи.

На широкой территории распространения памятников ямной общности также находятся некоторые параллели новым прикубанским памятникам. Прямоугольная форма могил, перекрытия из плах и хвороста или из дерева и камыша, подстилки на дне могилы из коры, травы, дерева, засыпка дна могилы мелом и поверх него охрой, следы огня и угли в погребениях, захоронение на спине с поворотом на правый бок, скорченно,

¹ В. И. Марковин. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. МИА, № 93, 1960, стр. 122—123; Т. М. Минаева. Курган эпохи бронзы близ с. Смари-Михайловки. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 97—98.

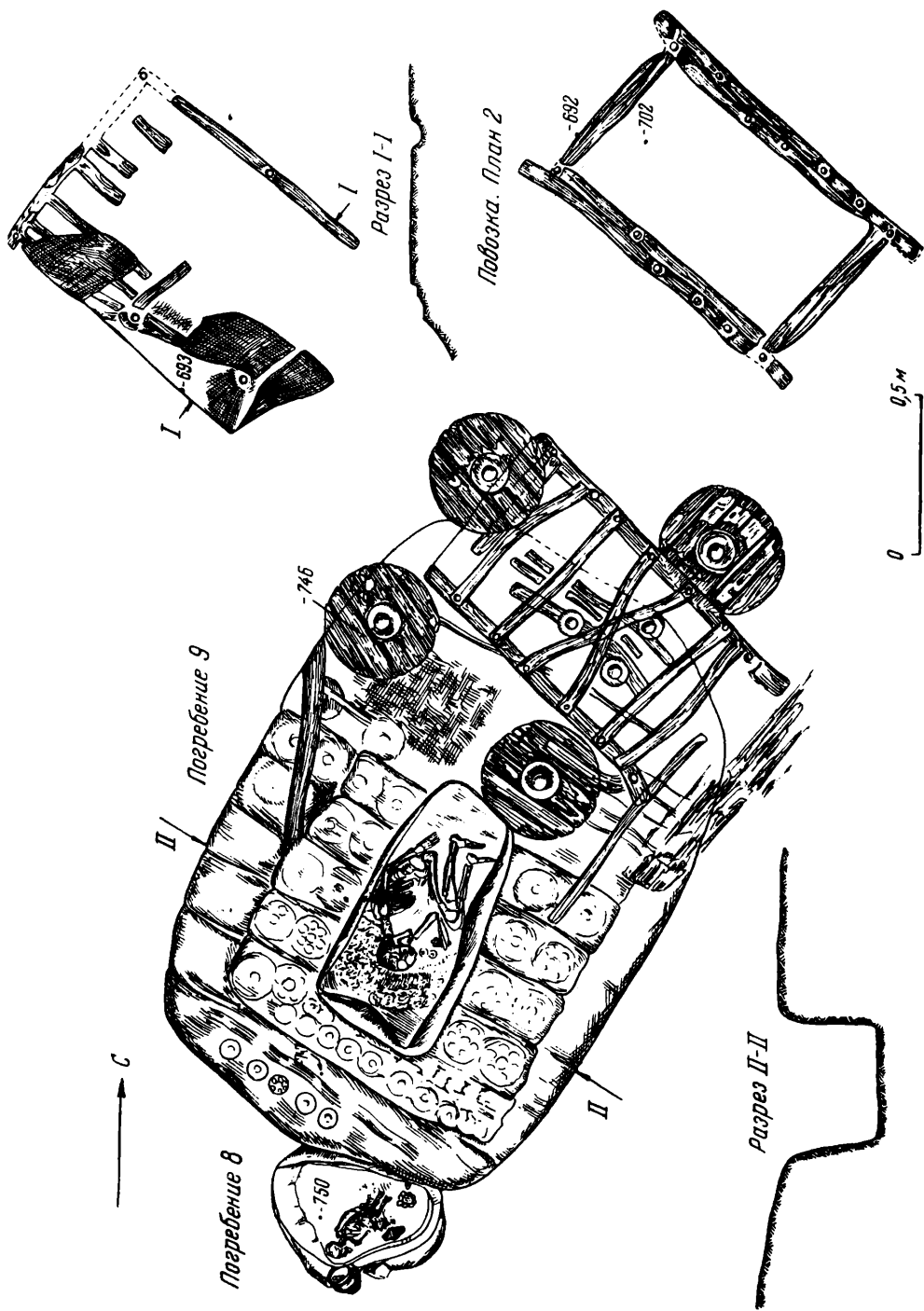

Рис. 20. Курган 1. Погребения 8 и 9

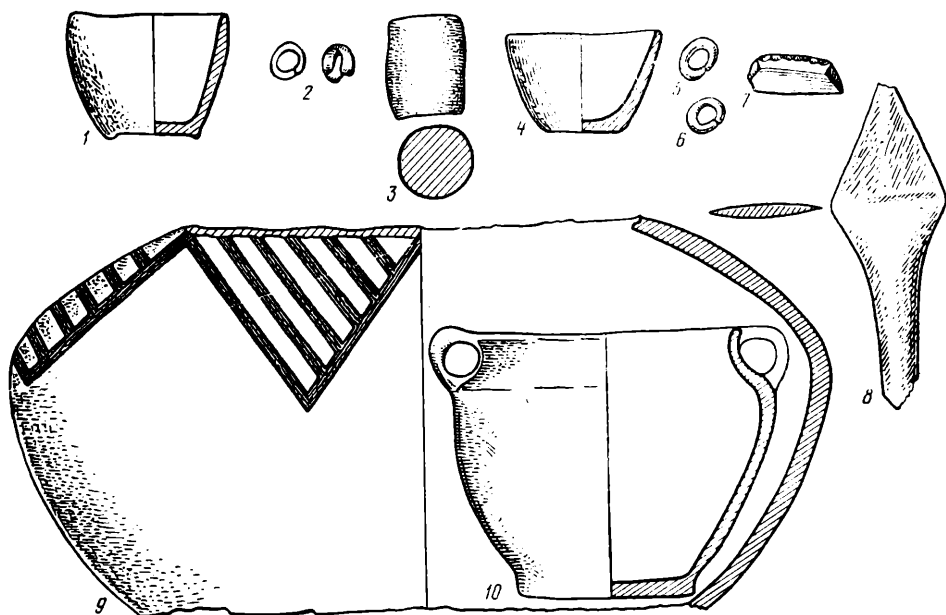

Рис. 21. Погребальный инвентарь из древних курганов у станицы Ново-Титаровской 1—2— сосуд и височное кольцо. Курган 10, погребение 1; 3— глиняный цилиндрик. Курган 1, погребение 4; 4— плочка. Курган 1, погребение 8; 5— бронзовое кольцо. Курган 1, погребение 11; 6— бронзовое кольцо. Курган 1, погребение 2; 7— кремневый отщеп с ретушью. Курган 1, повозка № 1; 8— бронзовый нож. Курган 2, погребение 6; 9— часть сосуда. Курган 1, погребение, 12; 10— сосуд. Курган 1, погребение 8; 1, 4, 9, 10— 11/2 в. в.

оставление комка у ног и головы покойника — все эти детали погребального ритуала известны у племен ямной культуры в Оренбургских степях², в погребениях на территории Ставрополя (курганы у станицы Суворовской, Зеленокумский курган и т. д.)³. Такие же признаки известны для погребальных памятников Нижнего Дона, причем здесь они сочетаются, так же как и в Ново-Титаровской, с находками сосудов северокавказского происхождения⁴. И в то же время имеются четкие отличия, не позволяющие отнести нашу группу к ямной культуре. В ней отсутствуют характерные для ямной культуры могилы с заплечиками, а также несомненно преобладающие у племен ямной культуры глубокие и обширные прямоугольные могилы, восточная и северо-восточная ориентация покойников; отсутствуют в могилах сосуды ямной культуры.

В меньшей степени черты погребального обряда находят аналогии в катакомбной культуре. Парные захоронения, положение скелета на правом боку, остатки жертвенной пищи, использование обломка большого сосуда в качестве жаровни — все это известно в нижнедонских и ставропольских катакомбах⁵. Следует особо упомянуть близость некоторых черт

² К. Ф. Смирнов. Древняя культура в Оренбургских степях. «Новое в советской археологии», стр. 156—159.

³ А. Л. Нечитайло. Раскопки курганов у ст. Суворовской. АО 1966 г. М., 1967, стр. 69; она же. Зеленокумский курган. АО 1968 г. М., 1969, стр. 100.

⁴ В. Е. Максименко. Исследование курганного могильника в дельте Дона. АО, 1967 г. М., 1968, стр. 79—80; он же. Раскопки курганов в дельте Дона. АО, 1968 г. М., 1969, стр. 84.

⁵ М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко, Э. А. Федорова-Давыдова. Раскопки курганов в р-не Цимлянского водохранилища. АО 1970 г. М., 1971, стр. 64; А. Л. Нечитайло. Зеленокумский курган. АО 1968 г. М., 1969, стр. 100.

Рис. 22. Погребальная повозка 1. Курган 1

погребального обряда изучаемым в памятниках конца III—начала II тысячелетия до н. э. в Восточном Маныче (Лолинский и Архаринский могильники)⁶. Неглубокие грунтовые могилы, обтянутые грубой тканью, закрепленной по углам столбиками, густо посыпанное охрой дно могил, жертвенники из голов и ног животного на краю могилы, погребальный инвентарь, имеют аналогии в северокавказском материале, особенно деревянные повозки в насыпи, указывают на определенную историко-культурную общность памятников Калмыкии и Прикубанья. Не исключено, что новые материалы бронзового периода из Краснодарского края представляют такую же своеобразную локальную группу, в материальной культуре которой органически слились элементы разных культур, контактировавших на протяжении длительного времени на данной территории. Учитывая сочетание более ранних и более поздних элементов, считаем возможным отнести раннюю группу погребений у станицы Ново-Титаровской к началу II тысячелетия до н. э.

⁶ И. В. Сидцын, У. Э. Эрднеев. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР. «Труды Калмыцкого НИИ», вып. 2. Элиста, 1966, стр. 4—13; И. В. Сидцын. Раскопки в долине Восточного Маныча. АО 1967 г. М., 1968, стр. 67—70.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ
МЫШЕЦКАЯ СТОЯНКА

Стоянка расположена в Дмитровском р-не Московской обл., на юго-западном берегу оз. Круглое, в 1,5 км к северо-западу от с. Мышецкое, на участке между ручьем и устьем протоки из оз. Долгое в оз. Круглое. Высота стоянки над уровнем озера около 1 м, протяженность вдоль берега озера, судя по выходам культурного слоя, около 50 м. Поверхность стоянки задернована; ее край, обращенный к озеру, разрушается водой. Мощностъ культурного слоя местами достигает 40 см. Памятник обнаружен и обследован школьниками Е. Маковкиным, К. Поповским — членами археологического кружка Московского городского дворца пионеров и школьников. На приплеске и у берега озера в воде рядом со стоянкой был собран подъемный материал, составивший небольшую, но достаточно характерную коллекцию кремневых орудий и керамики, на основании которой можно сделать некоторые предварительные заключения о памятнике.

Кремень, использованный для изготовления орудий, — валунный серовато-коричневого цвета. Орудия изготовлены на широких отщепках. В собранном материале имеются четыре обломка наконечников стрел, обработанных плоской двусторонней ретушью, листовидной и ромбоидальной формы, с заостренным пером и слегка скругленной, слабо выделенной черешковой частью (рис. 23, 1—4), и одна заготовка целого наконечника стрелы, обработанная крупными сколами с обеих сторон и подправленная плоской ретушью по краю пера (рис. 23, 5). Скрепки представлены двумя экземплярами, с обработкой по краям со спинки. Один из скребков имеет полукруглый рабочий край с высокой крутой ретушью (рис. 23, 6), второй — подпрямоугольный пологий рабочий край, плоско ретушированный, со вторичной подправкой по лезвию (рис. 23, 8); на боковых гранях его со стороны спинки — притупляющая ретушь. Интересно орудие вытянутой формы, изготовленное на толстом кремневом отщепе с коркой, обработанное со спинки по боковым граням скребковой ретушью. Одна грань орудия прямая, с крутой ретушью, вторая — обработана более полой ретушью, имеет небольшую полукруглую выемку, свидетельствующую об употреблении орудия в качестве скобеля (рис. 23, 9). Одно из орудий в виде клиновидного топорика, с обеих сторон обито крупными сколами, более регулярными у лезвия (рис. 23, 10). Оно, по-видимому, переделано из шлифованного изделия, о чем свидетельствуют сохранившиеся участки поверхности на спинке и на одной из боковых граней, не затронутые сколами.

Кроме того, в коллекции имеются кремневые острия (рис. 23, 7) и отщепы с краевой ретушью, а также отходы производства, свидетельствующие об изготовлении орудий на месте стоянки. Техника обработки кремния и формы орудий позволяют относить эти изделия к эпохе поздней бронзы.

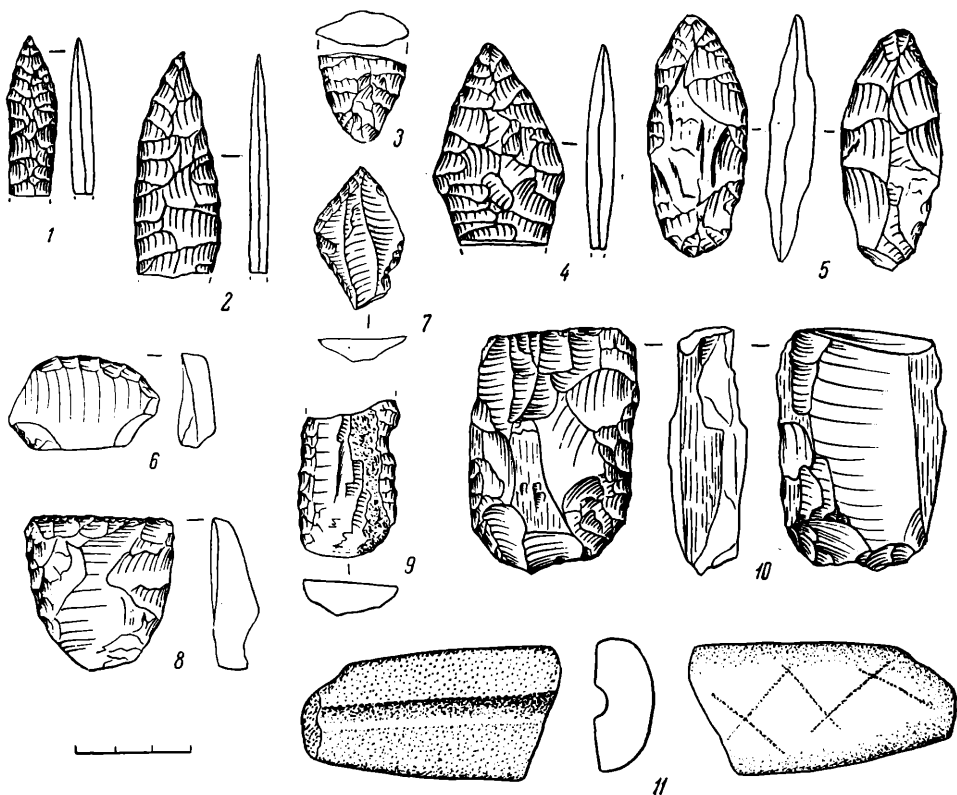

Рис. 23. Каменные орудия с Мыщеккой стоянки

1—10 — кремневые изделия; 11 — выпрямитель древков стрел из песчаника

Среди собранного материала следует отметить обломок изготовленного из песчаника выпрямителя древков стрел с желобком на плоской рабочей стороне, с процарапанным на тыльной стороне орудия узором в виде ломаной линии (рис. 23, 11).

Керамика представлена обломками разнообразных сосудов, изготовленных из глины с примесью песка, реже дресвы; обжиг неравномерный, цвет поверхности желтоватый или серый. Насколько можно судить по обломкам, сосуды были слабопрофилированными, с плоским, слегка выступающим наружу венчиком. Поверхность сосудов замыта, у некоторых из них на внутренней стороне прослеживаются следы штриховки от сглаживания гребенчатым штампом. Среди собранных образцов керамики фрагменты без орнамента единичны. Орнамент разнообразен, часть фрагментов покрыта сплошь круглыми ямками, варьирующими от 0,2 до 0,7 см в диаметре. Они настолько глубоко вдавлены в стенки сосудов, что на внутренней поверхности выступают полушарные выпуклости (рис. 24, 1, 2). Часть керамики орнаментирована мелким гребенчатым штампом, преимущественно расположенным в елочку. Интересен обломок сосуда, сплошь украшенный расположенными вертикально в шахматном порядке оттисками рамчатого штампа типа, известного по памятникам волосовской культуры (рис. 24, 3), однако характерная для волосовской керамики раковинная примесь не прослеживается. Преобладает посуда с чередующимися ямочными и гребенчатыми зонами (рис. 24, 4, 7). Реже ямочные отпечатки сочетаются с оттисками узкого рамчатого штампа (рис. 24, 8).

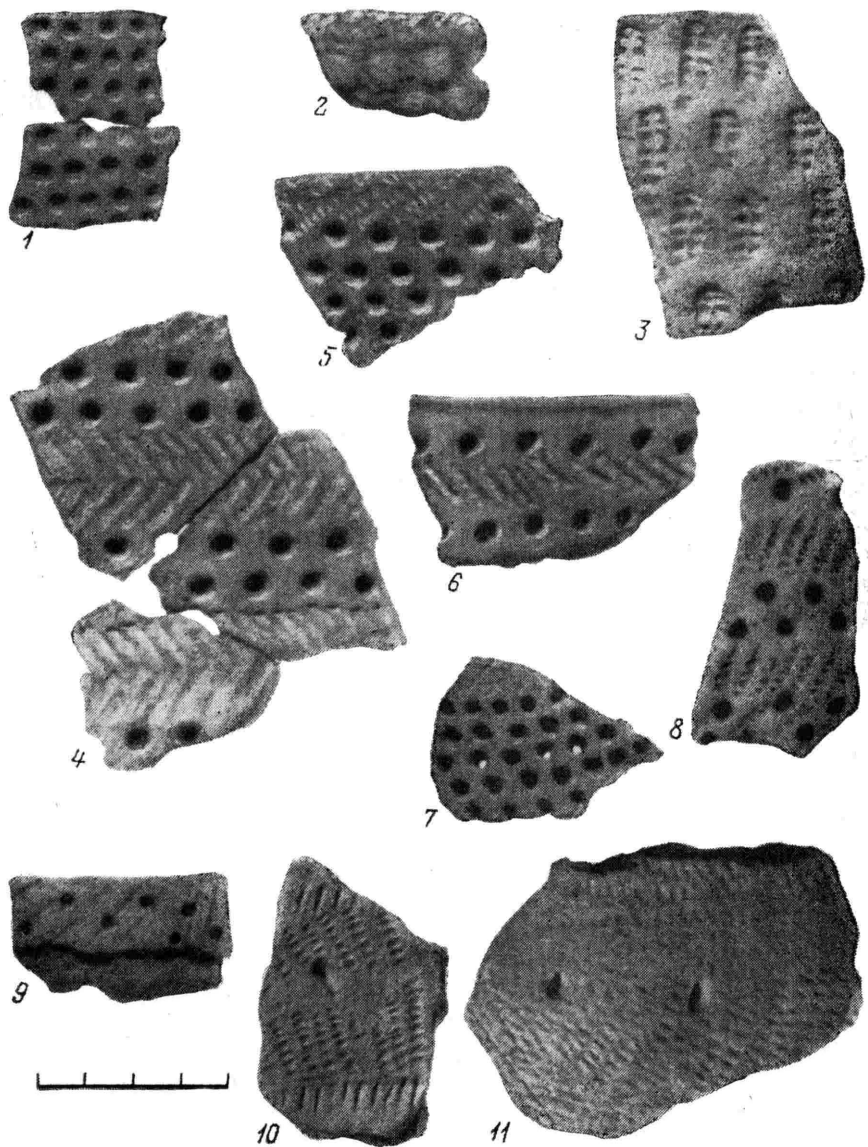

Рис. 24. Керамика с Мышецкой стоянки

Встречаются сосуды с орнаментом из ямок в соединении с тонкими неглубокими прочерченными косыми линиями (рис. 24, 9).

Особую группу представляют фрагменты посуды, поверхность которых покрыта сплошь близко поставленными и очень неглубокими оттисками гребенчатого штампа (рис. 24, 10—11), напоминающая по характеру раннюю текстильную посуду, известную по стоянкам эпохи поздней бронзы в Волго-Окском междуречье. Следует отметить, что такие сосуды не имеют отпечатков ткани — это так называемая ложнотекстильная керамика, особенно хорошо представленная в стоянках костромского Поволжья. Керамика с ложнотекстильным орнаментом часто имеет дополнительный узор в виде ямок неопределенной формы. Это прослеживается и на материалах Мышецкой стоянки. Следует заметить, что ложнотекстильная керамика встречается и в древнейших слоях дьяковских городищ, что по-

зволяет говорить об их генетической связи с эпохой поздней бронзы. Если стоянки эпохи бронзы с керамикой подобного типа хорошо известны в районах Поволжья, то в северо-западной части современной Московской обл. они изучены относительно слабо. Публикуемые материалы свидетельствуют о связи памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Разведочный характер обследования не позволяет говорить о стратиграфии памятника, однако, судя по материалу, здесь имеются напластования начала II тысячелетия до н. э. и более поздние, относящиеся к концу II— началу I тысячелетия до н. э. Раскопки этого памятника могут представить значительный интерес.

Н. А. КИРЬЯНОВА

НАУМОВСКИЙ ФАТЬЯНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Холм, на котором располагался могильник, находится недалеко от дер. Наумовское Ярославского р-на и области. Он вытянут с северо-востока на юго-запад. Северный и западный склоны его круты, заросли лесом, а южный и восточный — более пологие, распаханы. С запада у подножья холма протекает речка Курбица. Высота холма над рекой около 10 м.

К началу археологических раскопок¹ основная часть холма, где располагался могильник, была занята карьером, который начали разрабатывать осенью 1964 г. Зимой 1964/65 г. разработка карьера продолжалась. Карьер, вытянутый с запада на восток, занимал почти всю вершину холма и имел размеры 50—36 м. По краям карьера бульдозером был снят слой земли на 0,2—0,3 м. Могильник был разрушен почти целиком. По словам рабочих карьера, было уничтожено несколько десятков погребений. От них сохранились только два сверленных топора-молотка, два клиновидных кремневых топора, два костяных орудия, два целых и обломки восьми сосудов, взятые директором Курбской школы В. И. Воиновым.

Экспедицией была проведена зачистка всех стенок карьера, а по краям вскрыта площадь около 700 кв. м. При этом были найдены остатки одного погребения (1) и одно целое погребение (2).

Остатки погребения 1 обнаружены в западной стороне карьера. Сохранилась только часть могильной ямы. В засыпке найдено несколько угольков и птичья кость, а рядом в выбросе обломки сосуда, ребро и кость человека. Местные жители сообщают о находке здесь большого количества черепков. По словам В. И. Воинова, в этой части карьера, около обнаруженного могильного пятна, был найден топор-молоток, относящийся к типу длиннолопастных хордовых с грибовидным обушком² (рис. 25, 3). Длина топора 18,8 см, ширина 6,8 см, длина лопасти 5 см.

Погребение 2 (рис. 25, 1). Найдено при зачистке южной стенки карьера. Пятно могильной ямы выявилось на глубине 0,2—0,3 м от современной поверхности и было ориентировано с юго-запада на северо-восток. Контуры его не очень четки, приблизительные размеры 2,3—1,7 м. На глубине 0,5 м появилось погребальное сооружение прямоугольной формы в виде темных полосок тлена. Ориентировано оно так же, как и яма. Длина сооружения 1,82 м. Длинные стороны его не параллельны, они немного сближаются в середине так, что ширина сооружения колеблется от 0,81 до 0,95 см. Верх стенок сооружения сильно загнут внутрь, нависая

¹ Раскопки могильника проводились Верхневолжской экспедицией под руководством Д. А. Крайнова летом 1965 г.

² При рассмотрении инвентаря использована типология Д. А. Крайнова (см.: Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, вып. В 1-19, 1963; САИ, вып. В 1-20, 1964).

Рис. 25. Наумовский фатьяновский могильник

1 — погребение 2; 2 — топор из погребения 2; 3—9, 11 — 17, 19 — вещи из фатьяновских погребений, найденные в карьере; 10 — медное колечко из погребения 2; 18 — сосуд из погребения 2

над погребением. На углах заметны «отростки» длиной от 0,05 до 0,25 м. По мере углубления они несколько меняли свои очертания. На дне погребального сооружения на глубине 0,8 м лежал скелет в скорченном положении, на левом боку, головой на северо-восток, лицом на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти рук лежали, очевидно, перед лицом. Часть костей ног не сохранилась, но, судя по остаткам, они были сильно подогнуты. В юго-восточном углу сооружения перед лицом погребенного лежал лез-

вием в угол короткообушковый топор-молоток (рис. 25, 2), лобная сторона его уплощена, лезвие скошено к тыльной стороне (длина 12,3 см, ширина 6,1 см). В области поясничных позвонков погребенного найден медвежий клык-подвеска. Рядом с ним обнаружено медное колечко в два с половиной оборота. Около бедренной кости найден кремневый нож на пластине с ретушью по краю. В юго-западном углу сооружения стоял вверх горлом высокошейный сосуд (рис. 25, 18) светло-коричневого цвета. Тулово шаровидной формы, шейка слегка раструбом, край венчика немного отогнут наружу (диаметр горла 16,2 см, высота сосуда 19,2 см, наибольшая ширина 22 см, высота шейки 3 см). На дне сосуда овальное вдавление диаметром 3,4—4 см. Сосуд орнаментирован тремя рядами вертикальных или слегка наклонных оттисков зубчатого штампа. На шейке два ряда орнамента, верхний ряд из сдвоенных оттисков. К северо-западу от сосуда лежала костяная проколка острием внутрь погребения. Рядом с ней лежало костяное долото. Около них найден еще один кремневый нож на пластине с ретушью по краю.

Все предметы, найденные на Наумовском могильнике как в погребениях, так и из разрушенных могил, являются типичными для фатьяновских погребений.

Третий топор из Наумовского могильника (рис. 25, 4), найденный в карьере, относится к типу обушковых грибовидных. Он асимметричен, лобная часть уплощена, обушок длинный, четко выраженный (длина 14,2 см, ширина 5,8 см).

Найденные в карьере кремневые клиновидные топоры относятся к типу трапециевидных. Один из них (рис. 25, 5) тонкообушковый, линзовидный в сечении. Его поверхность почти вся оббита сколами, округлое лезвие хорошо заполировано. Второй клин (рис. 25, 6) узкообушковый, подпрямоугольный в сечении, поверхность заполирована.

Вся керамика, найденная в Наумовском могильнике, относится к нескольким определенным типам. Наибольшим числом экземпляров представлен тип высокошейных шаровидных сосудов. Один из таких сосудов найден в погребении 2 (рис. 25, 18). К этому типу относится также сосуд без орнамента (рис. 25, 19), обломки которого найдены в карьере (диаметр горла 13,6—14 см, высота шейки 5 см). Шейка сосуда слегка раструбом, отделена от четко выраженных плечиков прочерченной линией. Край венчика слегка отогнут наружу и примазан. Третий сосуд этого типа представлен тоже в обломках (рис. 25, 17). От него сохранились часть шейки (высота 3,3 см) и часть плечиков. Шейка почти прямая, край немного отогнут наружу. Орнамент нанесен зубчатым штампом: по краю венчика прямые насечки, по шейке ряд перекрещивающихся оттисков штампа и два ряда ромбов, оконтуренных и заполненных такими же оттисками. Ряды орнамента отделены друг от друга горизонтальными линиями из оттисков того же штампа. На плечиках — ряд горизонтальной елочкой. К тому же типу высокошейных сосудов принадлежит и обломок прямого венчика (высота 3,7 см) с сильно отогнутым краем и вертикальными полосками из оттисков зубчатого штампа (рис. 25, 14). Орнамент не очень четок, возможно, он сделан несколькими очень близкими отпечатками штампа. Еще два сосуда из найденных можно отнести к типу высокошейных шаровидных сосудов, но размер шейки у них значительно меньше. Один из этих сосудов (рис. 25, 16) имеет небольшую шейку (диаметр 10,5 см, высота 11,5 см, высота шейки 1,5 см) с четко оформленным выступающим краем, переходящую в довольно крутые плечики. На дне сосуда небольшое вдавление. Орнамент нанесен незубчатым штампом в виде горизонтальных рядов оттисков штампа, поставленного вертикально (на шейке и плечиках) или же слегка наклонно (на линии соединения шейки с плечиками). Закончен орнамент рядом зигзага того же штампа. Второй сосуд (рис. 25, 15) несколько отличается от предыдущих

более приземистым туловом (диаметр 7,6 см, высота 5,8 см, высота шейки 1,4 см, наибольшая ширина 8,2 см). Этим он близок к типу шаровидных уплощенных сосудов. Венчик сосуда довольно прямой, край выражен четко и отогнут наружу, плечики крутые, на дне ямка неправильной формы. Орнаментирован сосуд по краю отогнутого венчика небольшими точечными вдавлениями, по шейке — двумя рядами вертикальных оттисков штампа, по плечикам — рядом таких же слегка наклонных оттисков, от которых спускаются лопасти из нескольких рядов глубоких овальных оттисков. Два сосуда из Наумовского могильника относятся к типу высокошейных удлиненных с эсовидным профилем. Шейки этих сосудов высокие, сильно отогнуты наружу, плавно переходят в покатые плечики. На обоих сосудах орнамент нанесен нарезками. На маленьком целом сосудике (рис. 25, 7) по шейке прочерчены шесть-семь горизонтальных линий, на плечиках группы наклонных нарезок, поставленных под углом друг к другу (высота сосуда 10,6 см, диаметр 9,4 см, высота шейки 2,6 см, наибольшая ширина 10,4 см). На дне сосуда вокруг ямки нанесен солярный узор из групп параллельных нарезок. На обломках второго сосуда (диаметр 15 см, высота шейки 2,8 см) той же формы орнамент из перекрещивающихся насечек нанесен по шейке и плечикам (рис. 25, 8).

Тип низкошейных шаровидных сосудов представлен фрагментами одного экземпляра (рис. 25, 9) с сильно отогнутой шейкой, четко выраженным краем венчика и крутыми плечиками (диаметр горла 11 см, высота шейки 1,2 см). Орнаментирован сосуд по краю отогнутого венчика рядом наклонных оттисков штампа, а по шейке и плечикам — пятью рядами вертикального зигзага и двумя рядами горизонтального из оттисков того же штампа. Вероятно, также низкошейному сосуду принадлежит обломок стенки (венчик не сохранился) сосуда с орнаментом из рядов вертикальных оттисков зубчатого штампа, образующих лопасти (рис. 25, 13). Во всяком случае лопастной орнамент в памятниках верхневолжской группы фатьяновской культуры распространен в основном на сосудах низкошейных.

В материалах Наумовского могильника есть еще два обломка сосудов. Один из них орнаментирован по плечикам рядом округлых вдавлений, двумя рядами ромбов из оттисков зубчатого штампа и рядом зигзагов того же штампа (рис. 25, 11). Второй черепок орнаментирован наклонными оттисками двузубчатого штампа (рис. 25, 12).

Костяные орудия из Наумовского могильника (долота и проколки) являются обычными для фатьяновских погребений. Также часто встречаются в погребениях этой культуры и подвески из клыков медведя. Причем чаще всего их находят именно в области таза, как и в Наумовском могильнике, что характерно для мужских погребений. Кремневые ножи на отщепях, найденные в погребении 2, также типичны для фатьяновских могильников верхневолжской группы. Более редкой находкой является медное колечко. Исследование его химического состава показало полное сходство с другими медными вещами из фатьяновских могильников³.

Таким образом, Наумовский могильник по своему расположению, характеру погребений, по материалам как из погребений, так и собраным в карьере, является типичным могильником фатьяновской культуры. По имеющемуся в нашем распоряжении материалу довольно трудно составить полное представление о характере всего могильника. Однако можно попытаться проследить его близость к тем или иным памятникам и место, занимаемое среди памятников фатьяновской культуры.

В материалах Наумовского могильника прослеживаются черты, сближающие его как с памятниками верхневолжской, так и московско-клязьминской групп. Топоры-молотки и клинья, найденные на Наумовском мо-

³ Е. Н. Черных. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 73—77.

гильнике, имеют аналогии на всей территории распространения фатьяновской культуры⁴. Четко видна связь керамического материала могильника с верхневолжской группой памятников. Ориентировка могилы, наличие погребального сооружения, положение вещей в погребении, находка низкошейных и шаровидных сосудов, елочный и ромбический ярославский орнаменты, столь характерные для этой группы памятников, позволяют отнести Наумовский могильник к верхневолжской группе памятников. Много общего в формах и орнаментике керамики этого могильника с сосудами Вауловского и Фатьяновского могильников⁵. Эти последние отличаются, правда, большим количеством ряда элементов орнамента (например, лопастных орнаментов), огромное количество низкошейных сосудов и сосудов с прямой шейкой, т. е. большее количество черт, характерных для более поздних памятников. В Наумовском могильнике указанные элементы уже встречаются, но в незначительном количестве. В форме и орнаментике сосудов из этого могильника встречаются черты, характерные и для памятников московско-клязьминской группы, такие, как, например, сосуды с эсвидным профилем, орнамент из ограниченных ромбов, перекрещивающихся нарезок, поставленных под углом друг к другу, а также орнамент из нарезных линий, как бы имитирующих оттиски веревочки, встречающиеся в орнаментике сосудов московско-клязьминской группы. Близки Наумовскому могильнику также некоторые памятники Ивановской области, такие как Тимофеевский, Карашский, Милославский⁶, Ильинско-Хованский⁷ могильники. Возможно, Наумовский могильник одновременен этим памятникам. Однако наиболее близкие аналогии материалы этого могильника находят в памятниках, расположенных вблизи него. На расстоянии 10—25 км от Наумовского могильника находится группа близких памятников, таких как Никульдинский, Воронковский, Голузиновский⁸ и Халдеевский могильники⁹, которые являются, вероятно, более ранними, чем Наумовский могильник.

Таким образом, можно по имеющимся находкам предположить, что Наумовский могильник занимает как бы промежуточное положение между группой одних из ранних могильников верхневолжской группы (Никульдино, Воронково) и более поздними — типа Фатьяновского, Вауловского и Волосово-Даниловского¹⁰ могильников.

⁴ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, Вып. В 1-19, 1963, стр. 29, 31; САИ, вып. В 1-20, 1964, табл. II—V, IX, XI, XV, XVIII—XXI.

⁵ Там же. САИ, вып. В 1-20, табл. III—IV, X.

⁶ Там же, табл. V—VII.

⁷ Н. А. Кирьянова. Фатьяновский могильник у с. Ильинско-Хованское. КСИА, вып. 101, 1964, стр. 123.

⁸ Д. А. Крайнов. Отчет об археологических раскопках Верхневолжской экспедиции 1965 г. Архив ИА АН СССР, Р—I, д. 3125.

⁹ Д. А. Крайнов. Памятники фатьяновской культуры. САИ, вып. В 1-20, табл. VIII.

¹⁰ Д. А. Крайнов. Отчеты о работах Верхневолжской экспедиции 1964, 1966—1968 гг. Архив ИА АН СССР, Р—I, д. 2918, 3385, 3567, 3706.

И. И. АРТЕМЕНКО

ЮДИНОВСКИЙ МОГИЛЬНИК

Могильник расположен на правом берегу р. Судость (правый приток р. Десны) в пос. колхоза «Первомайский»¹, к югу от дер. Юдиново Погарского р-на Брянской обл. Он занимает площадь нижней надпойменной террасы, поднимающейся над Судостью на 4 м, между рекой и дорогой поселка. Терраса сложена из бурого лессовидного суглинки, покрытого черноземом мощностью около 0,5 м.

Могильник был обнаружен К. М. Поликарповичем в 1947 г. во время раскопок Юдиновской верхнепалеолитической стоянки. В археологической литературе о нем имеется лишь очень краткое сообщение К. М. Поликарповича² и упоминание Ф. М. Заверняева³. В отчете К. М. Поликарповича о раскопках могильника и палеолитической стоянки за 1947 г.⁴ также дано лишь общее описание могильника и приложен план расположения пяти погребений (погребения 7—11). Описание исследованных погребений и найденного в них инвентаря, а также места и условий обнаружения еще шести погребений в отчете отсутствуют. По сохранившимся отдельным эскизам к общему плану раскопов нами восстановлен план могильника, дано описание обнаруженных погребений и найденного в них инвентаря. Следует отметить, что в вопросе о количестве обнаруженных погребений имеются расхождения. Так, К. М. Поликарпович в отчете и в опубликованном сообщении о могильнике писал, что в могильнике было обнаружено 11 погребений, а Ф. М. Заверняев сообщал о 14 погребениях. Судя по эскизам к общему плану раскопов и по коллекционной описи, в которой отмечены некоторые места находок человеческих костей, можно предполагать, что в раскопанной части могильника погребений было значительно больше, но они были без вещей, а от скелетов сохранились лишь отдельные обломки костей. С определенной достоверностью сейчас можно говорить о 12 погребениях, описание которых дано ниже.

Погребение 1 было случайно обнаружено в раскопе 1 (7,85×7,4 м), заложенном в 110 м к северо-западу от реки. В раскопе с юго-западной и северо-восточной сторон были оставлены две широкие ступени. При снятии почвы с северо-восточной ступени (после углубления раскопа), ближе к ее западному углу, на глубине 0,8 м от современной поверхности был обнаружен череп человека, а справа от него — бронзовый наконечник копья, лежавший острием на северо-восток. Остальные кости скелета

¹ Бывший пос. «Селище».

² К. М. Поликарпович. Археологические исследования в БССР в 1945—1953 гг. «Материалы по археологии БССР». Минск, 1957, стр. 14.

³ Ф. М. Заверняев. Археологические памятники. «Памятники истории и культуры Брянщины». Брянск, 1970, стр. 67.

⁴ К. М. Поликарпович. Отчет об исследовании Юдиновской палеолитической стоянки в 1947 г. Архив ИА АН СССР, Р—1, д. 2377.

были, по-видимому, разрушены при углублении раскопа 1. К. М. Поликарпович писал в отчете, что в раскопе 1 встречались отдельные обломки человеческих костей. Могильная яма погребения углублялась в лессовидный суглинок, но при раскопках прослежена лишь северо-восточная ее часть, а остальная часть была разрушена при углублении раскопа 1. Судя по остаткам могильной ямы, положению черепа и наконечника копья, можно предполагать, что умерший положен в могилу головой на северо-восток. Наконечник копья длиной 13,6 см с очень короткой втулкой, узким ромбовидным в сечении пером (рис. 26). На втулке имеется два отверстия для прикрепления наконечника к древку.

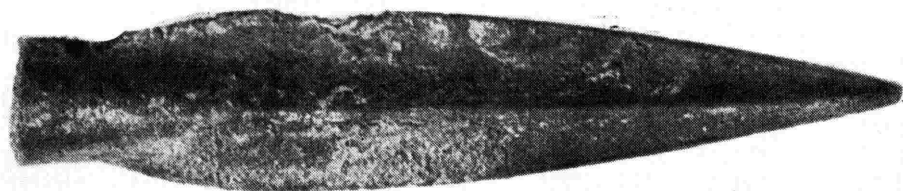

Рис. 26. Юдиповский могильник. Бронзовый наконечник копья из погребения 1

После неожиданного обнаружения погребения К. М. Поликарпович предпринял поиски других погребений. С этой целью было заложено шесть траншей длиной 9,5—19 м и шириной 0,5 м, а затем проведены раскопки более широкими площадями: раскоп 1 был расширен к юго-востоку и северо-востоку общей площадью 165 кв м; с северо-западной стороны раскопа 1 был заложен раскоп 3 площадью 38 кв. м, а к востоку от раскопа 1—раскоп 2 общей площадью 100 кв м, который западным углом соединился с раскопом 1. Погребения были обнаружены главным образом к юго-востоку от раскопа 1.

Погребение 2 обнаружено в траншее 3 в 12,5 м к юго-востоку от погребения 1. На глубине 0,4 м от современной поверхности были найдены остатки костяка, по положению которого можно говорить о том, что умерший был положен в могилу на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. У костей плюсны правой ноги найдены пять кремневых наконечников стрел, три—треугольной формы с черешком и два—треугольной формы с выемкой в основании.

Погребение 4 находилось рядом с погребением 2, с правой стороны его, на глубине 0,35 м от современной поверхности. От костяка сохранился лишь череп и отдельные обломки костей, судя по положению которых умерший был положен головой на северо-восток.

Прослеженная часть могильной ямы позволяет предполагать, что погребения 2 и 4 были парными захоронениями.

Погребение 3 обнаружено в траншее 2, в 10,4 м к востоку от погребения 1. Могила овальной формы, ориентирована по длине с юго-запада на северо-восток. Длина могилы 2,2 м, ширина 1,3 м (глубина неизвестна). В могиле найдены зубы и обломки человеческих костей. Вещей нет.

Погребения 5 и 6 обнаружены в траншее 6. Могильные ямы были овальной формы, ориентированы по длине с юго-запада на северо-восток (погребение 5) и с юго-востока на северо-запад (погребение 6). В могилах как будто бы были найдены обломки человеческих костей. Вещей нет.

Погребение 7 находилось в 3 м к юго-востоку от погребения 1. В могильной яме, ориентированной с юго-запада на северо-восток, на глу-

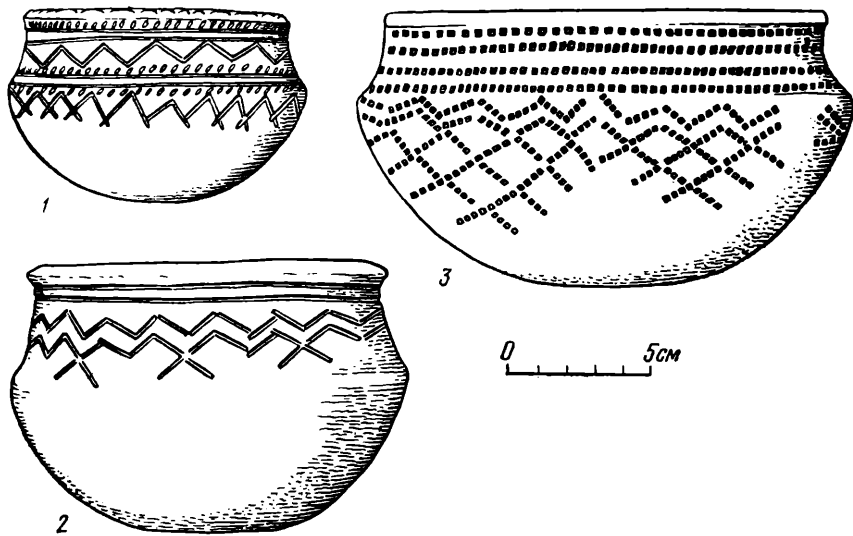

Рис. 27. Юдиновский могильник. Керамика

бине 0,88 м были обнаружены нижняя челюсть и обломки человеческих костей, расположение которых позволяет предполагать, что умерший был положен в могилу головой на юго-запад. Вещей не было. Рядом с могилой (с северо-западной стороны) найдена кость быка.

Погребение 8. В 7 м к ЮЮВ от погребения 1, на глубине 0,17—0,19 м от современной поверхности, были обнаружены остатки скелета (череп не сохранился). Умерший был положен на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток. У ног стоял глиняный круглодонный ребристый сосуд с выпуклым туловом. Поверхность сосуда темно-коричневого цвета со светлыми пятнами, в тесте примесь кварца и мелкой дресвы. Сосуд орнаментирован отпечатками крупнозубчатого штампа. Высота сосуда 9,8 см, диаметр венчика 15,4 см (рис. 27, 3). У берцовой кости правой ноги найден кремневый наконечник стрелы треугольной формы с выемкой в основании, а в 0,75 м к юго-западу от него — второй наконечник стрелы треугольной формы с черешком.

Погребение 9 обнаружено с левой стороны погребения 8 и на той же глубине. Сравнительно хорошо сохранившийся костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой был ориентирован на северо-восток. Вещей не было. На уровне локтя, в 0,24 м к северо-востоку, найдены два куска охры.

Судя по прослеженным остаткам могильной ямы, можно предполагать, что погребения 8 и 9 были парными захоронениями.

Погребение 10. В 0,8 м к северо-западу от правой ступни костяка погребения 8 обнаружены зубы человека и глиняный ребристый сосуд с выпуклым туловом, уплощенным дном и кососрезанным наружу краем венчика. Поверхность сосуда светло-желтого цвета с темно-коричневыми пятнами. В тесте примесь кварца и мелкой дресвы. В верхней части сосуд орнаментирован нарезными линиями и отпечатками линейного штампа. Высота сосуда 8,7 см, диаметр венчика 12,2 см (рис. 27, 2).

Погребение 11. В 1 м к северо-западу от верхней части костяка погребения 8 найден глиняный сосуд с выпуклым туловом и уплощенным дном. Поверхность сосуда желтого цвета с темно-серыми пятнами, в тесте примесь мелкой дресвы. По краю венчика и на две трети высоты сосуд орнаментирован нарезными линиями и мелкими ямочными углублени-

ями. Высота сосуда 6,5 см, диаметр венчика 9,8 см (рис. 27, 1). В 0,6 м к востоку от сосуда обнаружены зубы и обломки человеческих костей, возможно, относящиеся к этому же погребению.

Погребение 12 находилось с северо-восточной стороны погребений 8 и 9. В могиле округлой формы диаметром 1,3 м (глубина неизвестна) обнаружены фрагменты керамики бронзового века, обломки черепа человека и скелет собаки.

Кроме вышеописанных погребений, на площади раскопов было обнаружено около 10 ям, заполненных гумусом (могильные ямы — ?), в некоторых из них найдены обломки человеческих костей. Зубы и обломки человеческих костей (остатки разрушенных погребений — ?) встречались и на площади раскопа к юго-востоку от погребения 1. Представляет также интерес и находка кусочка бронзы в частично вскрытом гумусном пятне, примыкающем к траншее 4.

По сообщению К. М. Поликарповича, житель пос. А. Ф. Свириденко нашел в 1946 г. в обрыве надпойменной террасы, к северу от усадьбы К. Фролова, бронзовый наконечник копья, аналогичный наконечнику из погребения 1, но, к сожалению, он был утерян. Эта находка, возможно, указывает на то, что могильник занимает значительную площадь — от берега реки до раскопа 1, т. е. в длину более 100 м.

Погребальный инвентарь Юдиновского могильника позволяет относить его к бронзовому веку. К. М. Поликарпович датировал могильник второй половиной II — началом I тысячелетия до н. э.⁵, а Ф. М. Заверняев — второй четвертью II тысячелетия до н. э.⁶ Для датировки могильника значительный интерес представляет бронзовый наконечник копья из погребения 1. Аналогии ему мы находим в кладе из с. Стражица близ г. Тырново (Болгария)⁷. Клад состоял из обломка наконечника копья с короткой втулкой и узким ромбовидным в сечении пером, двух безушковых кельтов (один из них с «пещеркой»), позволяющих датировать его XIII—XII вв. до н. э. Этой дате не противоречат и сосуды, найденные в погребениях могильника. К. М. Поликарпович писал, что орнамент на сосудах Юдиновского могильника «близок к орнаменту на сосуде из Волосова на Оке, на сосудах Мало-Окуловского могильника и на сосудах поздняяковской культуры»⁸. Действительно, глиняные сосуды Юдиновского могильника находят себе аналогии среди сосудов поздняяковской культуры. Особенно близок сосуду из погребения 11 сосуд из погребения 1 кургана 5 Борисоглебского могильника, который Т. Б. Попова датирует третьей четвертью II тысячелетия до н. э.⁹ На основании приведенных аналогий Юдиновский могильник, по-видимому, можно датировать концом третьей — началом четвертой четверти II тысячелетия до н. э.

Для определения культурной принадлежности Юдиновского могильника данных еще недостаточно. Однако мы не считаем возможным (несмотря на аналогии в керамике) относить его к поздняяковской культуре и включать в территорию распространения этой культуры Подесенье. По-видимому, заслуживает внимания высказывание К. М. Поликарповича о том, что материалы могильника «дают представление о высокоразвитой культуре местных племен, выросшей, как можно думать, из местной культуры бронзового века»¹⁰.

⁵ К. М. Поликарпович. Археологические исследования... стр. 15.

⁶ Ф. М. Заверняев. Указ. соч., стр. 67.

⁷ Хранится в Тырновском музее (Болгария).

⁸ К. М. Поликарпович. Археологические исследования... стр. 15.

⁹ Т. Б. Попова. Новый памятник поздняяковской культуры. СА, 1967, № 1, стр. 239—246, рис. 3, 1.

¹⁰ К. М. Поликарпович. Археологические исследования... стр. 15.

Ю. А. КРАСНОВ, Н. В. ТРУБНИКОВА, В. М. ЗУБАРЕВА

ПОСЕЛЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЗОВЬЯХ Р. СУРЫ

Вдоль левого берега р. Суры между г. Ядриным и дер. Иваново Ядринского р-на Чувашской АССР протянулась широкая низина, в которой располагаются многочисленные озера старичного происхождения, перемежающиеся с прекрасными заливными лугами. На этой низине у дер. Никитино имеется несколько параллельно расположенных дюн, протянувшихся с северо-запада на юго-восток. В настоящее время дюны либо распахиваются, либо заняты небольшими рощами. Здесь еще в 1927 г. сотрудниками Средневолжской экспедиции ГАИМК производились сборы подъемного материала, который не получил тогда точной хронологической и культурной интерпретации¹.

На одной из этих дюн, которая у местного населения называется «Саушкино», сотрудниками 2-го Чувашского отряда Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР в 1969 г. было открыто и частично исследовано большое поселение эпохи бронзы².

Дюна «Саушкино» с севера, юга и запада окружена пойменными лугами, заливаемыми во время половодий, с востока почти вплотную подходит к пойменному озеру Сомовскому. Здесь часть дюны распахана. Длина дюны около 750 м, ширина достигает 120—130 м, максимальное превышение над уровнем поймы составляет 5—6 м. Во время разливов Суры дюна превращается в остров. На всей ее поверхности, слабо задернованной и недавно засаженной молодыми сосенками, отдельными скоплениями встречаются обломки керамики, каменные орудия и отщепы. Очевидно, поселение занимало всю поверхность дюны, кроме нижних частей склона. На поверхности отмечено несколько крупных западин неправильно овальной формы. Керамика в отдельных скоплениях несколько отличается по характеру. Это наводит на мысль, что на дюне имеются остатки ряда жилых сооружений, относящихся к различным периодам эпохи бронзы и рубежа эпохи бронзы и раннего железа.

Стратиграфия в месте раскопов проста. Культурный слой в виде однородного темно-серого гумусированного песка залегает непосредственно под поверхностью или под тонким (0,05—0,10 м) слабовыраженным дерновым слоем. Мощность культурного слоя вне открытых в раскопах жилищ составляет 0,20—0,40 м. В нем встречено несколько западин, являющихся остатками искусственно вырытых древних ям и жилых построек. Здесь мощность слоя достигает 0,8—1 м. Культурный слой подстилался светло-желтым дюнным песком без культурных остатков.

¹ П. Н. Третьяков. Памятники древнейшей истории чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948, стр. 17.

² Начальник экспедиции Ю. А. Краснов, начальник отряда Н. В. Трубникова. На поселении было заложено два раскопа общей площадью более 500 кв. м.

Целиком исследованы два больших жилища³. Они оказались углубленными в землю и выделены по сохранившимся котлованам, ямам от столбов, поддерживавших кровлю и служивших основой стен, а также по очагам, обнаруженным на полу сооружений.

Жилище 1 (рис. 28, 29) располагалось на северо-восточном склоне центральной части дюны и было ориентировано длинной стороной вдоль нее. На месте жилища с поверхности прослеживалась неглубокая западина неопределенных очертаний. Котлован постройки был вырыт частично в культурном слое, частично — в материке. Поэтому контуры его не везде прослежены с достаточной определенностью. Южная часть котлована жилища еще в древности была разрушена большой ямой, возможно, котлованом другого, более позднего жилища, о чем могут свидетельствовать следы столбов на ее дне. Это предполагаемое жилище практически полностью разрушено небольшим карьером, недавно функционировавшим на дюне. Длина жилища 1 составляла около 18 м, ширина 9—11 м, глубина пола от древней поверхности 0,7—0,8 м. Форма его углубленной части — неправильный прямоугольник со скругленными углами, приближающийся к удлиненому овалу. Края котлована неровные, имеют вид одной-двух ступеней, что в значительной мере обусловлено осыпанием песчаного грунта после разрушения жилища. Можно предположить, что котлован в свое время имел какие-то деревянные крепления краев, следы которых совершенно не сохранились. В средней части западной кромки котлована прослежена широкая (до 2 м), хорошо выраженная ступень, которая могла служить деталью входа в жилище. На это же указывает расположение здесь столбовых ям.

Пол жилища ровный, с небольшим понижением к северу и востоку, следующим за понижением древнего рельефа дюны. При больших размерах сооружения такое понижение было слабо заметно и не создавало затруднений в пользовании жилищем. Культурный слой на полу жилища имел более темную окраску, чем слой заполнения. Здесь прослежены остатки трех очагов. Очаг 1 располагался по осевой линии постройки в ее северной части, очаги 2 и 3 — соответственно у восточной и западной стен. Очаги не имели ни сколько-нибудь заметного углубления в полу, ни обкладки камнями и представляли собой просто линзы угля неправильных очертаний мощностью 0,10—0,15 м. Под ними прослеживалась сильная прокаленность материкового песка, всегда имевшая меньшую площадь, чем угольный слой. К очагам приурочены почти все находки, сделанные на полу жилища.

В пределах котлована постройки и непосредственно у его краев обнаружены следы 38 столбовых ям диаметром 0,20—0,30 м и глубиной от 0,25 до 1,7 м. Иногда в них имелись следы угля. Это позволяет предположить, что нижние концы столбов, по крайней мере иногда, обжигались. Большая глубина отдельных столбовых ям заставляет думать, что столбы основных конструктивных элементов постройки были вкопаны на значительно большую глубину, чем это прослежено в большинстве случаев по заполнению столбовых ям. Действительно, при сгнивании деревянного столба в сыпучем песчаном грунте след его может сохраняться на полную глубину далеко не всегда, а диаметр всегда несколько сужается. Это следует учитывать при реконструкции деревянных частей постройки. Некоторые столбовые ямы расположены парами, очевидно, и соответствующие им столбы заменялись во время функционирования жилища. Столбовые ямы образовывали определенные системы, назначение которых может быть объяснено из предполагаемой реконструкции наземной части постройки. По-видимому, жилище имело двускатную кровлю, опирающуюся на три параллельных ряда вертикальных столбов. Центральный ряд со-

³ Жилище 2 доисследовалось в 1970 г.

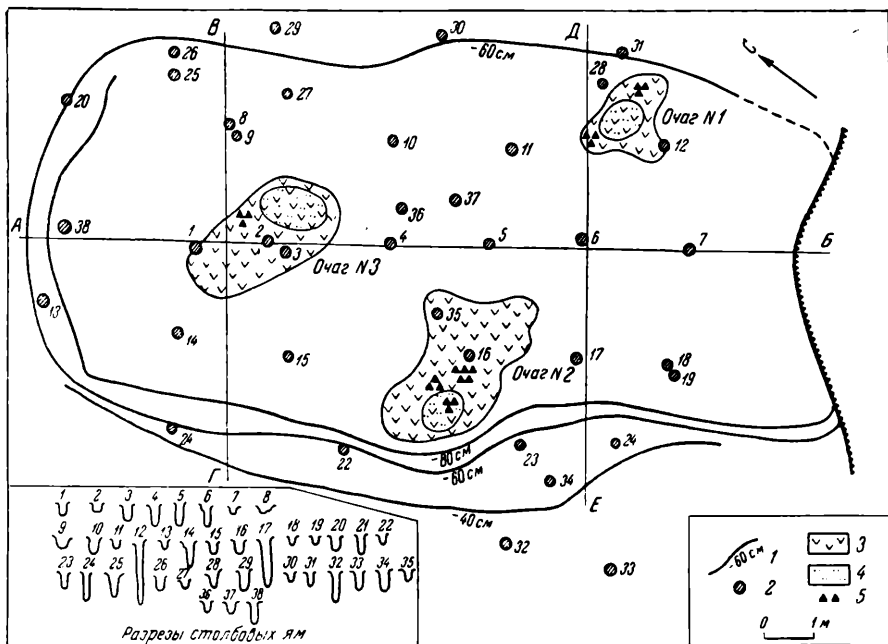

Рис. 28. Поселение в урочище Саушкино. План жилища 1

1 — контуры котлована жилища на различных глубинах; 2 — столбовые ямы; 3 — уголь; 4 — прожженный песок; 5 — скопления фрагментов керамики

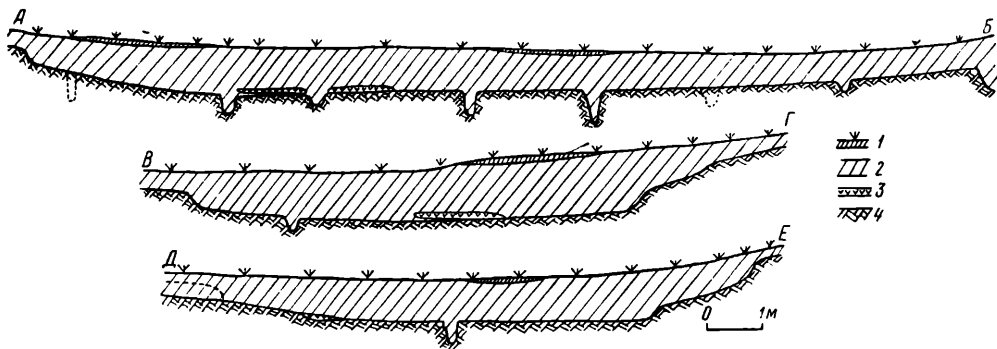

Рис. 29. Поселение в урочище Саушкино. Профили жилища 1

1 — деревянный слой; 2 — культурный слой; 3 — уголь; 4 — материк

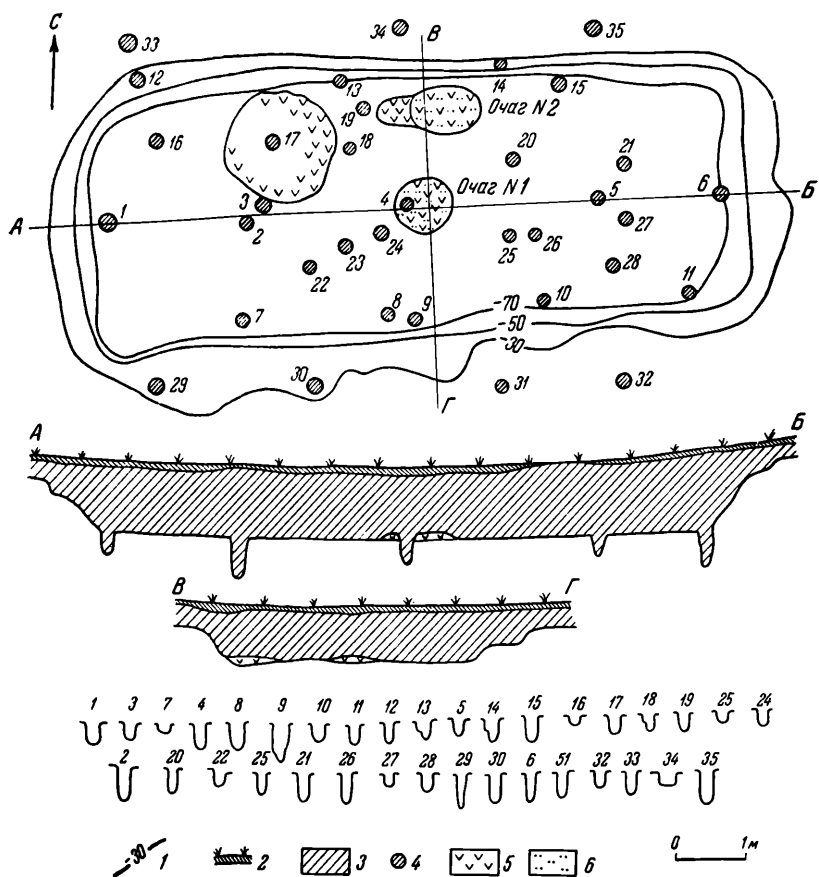

Рис. 30. Поселение в урочище Саушкино. План и профили жилища 2

1 — контуры котлована жилища на различных глубинах; 2 — дерновый слой; 3 — культурный слой; 4 — столбовые ямы; 5 — уголь; 6 — прокаленный песок

ставляли столбы 38, 1—7, два боковых — столбы 13—19 и 20, 8—12. Расстояние между прослеженными столбовыми ямами в ряду значительно колебалось, вероятно, не все столбы в рядах сохранили свои отпечатки в песке и могли быть зафиксированы. В тех случаях, когда большинство столбовых ям ряда хорошо сохранилось, как в центральном ряду, это расстояние составляло от 2 до 3,20 м. Расстояние между рядами столбов было около 1,8 м. Прослеженные вдоль краев котлована столбовые ямы 21—24 и 29—31 могли быть остатками столбов, составлявших основу стен, сооруженных из горизонтально положенных нетолстых бревен, закрепленных в пазах вертикальных столбов. Столбовые ямы 32—34 вместе со столбовыми ямами 23—24, отнесенными к конструкции стены, расположенные у широкой ступени западной кромки котлована, где предполагается вход в жилище, могли составлять основу деревянного тамбура при входе. Назначение столбов 25—28, 36—37 неясно. Часть из них могла быть деталями конструкции нар.

Судя по отсутствию сколько-нибудь ярко выраженных углистых прослоек в заполнении жилища, а также по малому количеству находок на полу его, жилище 1 не было внезапно разрушено, а было покинуто его обитателями, очевидно, ввиду полного обветшания постройки.

Жилище 2 (рис. 30) было вскрыто в 35 м к югу от жилища 1, на юго-западном склоне дюны. Основу его составлял вырытый в материковом

песке котлован глубиной 0,8—1 м, длиной 12,5 м и шириной 5—5,5 м. Он имел подпрямоугольную форму и был ориентирован длинной стороной почти точно с востока на запад. Стенки котлована довольно крутые, хотя и несколько оплывшие. В заполнении котлована встречены многочисленные прослойки угля и золы, которые должны интерпретироваться как остатки сгоревших деревянных конструкций наземной части постройки. На полу жилища, имевшем интенсивно-черную окраску, прослежены следы двух хорошо выраженных очагов: в центре постройки и у средней части северной стены. Очаги представляли собой линзы угля и золы с сильно прокаленным материковым песком под ними. Несколько в стороне располагалось углубление пола округлой формы диаметром около 2 м, по краям заполненное углем. Следов прокала материкового песка здесь нет. Возможно, это очаг, функционировавший короткое время.

При расчистке пола жилища и в непосредственной близости от краев его котлована на уровне материка обнаружены следы 35 столбовых ям диаметром 0,20—0,35 м, в глубину прослеженных на 0,25—0,70 м. Система расположения столбовых ям здесь оказалась далеко не такой четкой, как в жилище 1, поэтому интерпретация назначения ряда столбов может быть спорной, о назначении же других нельзя высказать никакого предположения. Трудность определения назначения столбов усугубляется тем, что часть их могла не сохранить своих отпечатков в песчаном грунте. Представляется вероятным, что столь большое количество столбовых ям, расположенных в кажущемся беспорядке, оказалось на полу жилища потому, что деревянные конструкции его могли перестраиваться. Если такое предположение верно, то можно считать, что жилище 2 имело такую же систему покрытия кровли на трех параллельных рядах столбов, как и жилище 1, но боковые ряды столбов здесь в разное время располагались на разном расстоянии от центральной линии, образованной столбовыми ямами 1—6. При одном варианте покрытия боковые ряды столбов представлены столбовыми ямами 7—11 и 12—15, при втором — столбовыми ямами 16—21 и 24—27. В первом случае расстояние между центральными и боковыми рядами столбов составляло около 1,8—2 м, во втором — всего около 1 м. Возможно, при втором варианте покрытия кровля могла держаться только на двух боковых рядах столбов, без центрального ряда. Расстояние между столбами в ряду составляло 2—3 м. Столбовые ямы 29—32 и 33—35 следует рассматривать как остатки вертикальных столбов стен, имевших такую же конструкцию, что и жилище 1. Назначение других столбов неясно.

На полу жилища, которое, как уже указывалось, погибло в огне пожара, найдено большое количество керамики и других бытовых вещей.

Подобные крупные полуземляночные жилища характерны для поселений эпохи бронзы на территории распространения срубной культуры. Укажем хотя бы на жилище поселения у с. Костенки на Дону, имевшее длину 20 м, ширину 7—9 м и углубленное от современной поверхности на 1,2—1,4 м⁴, жилище 3 на поселении Успенское, имевшее длину 18 м при ширине 8,5 м, углубленное на 0,4—0,6 м от древней поверхности⁵, жилище на поселении у дер. Воскресенское размером 20×8 м с углубленным примерно на 1 м полом⁶. Близкие к рассмотренным размеры и пропорции имели жилища, открытые на 1-м Сусканском поселении⁷. Наибо-

⁴ В. В. Гольмстен. Экспедиция Академии истории материальной культуры в 1932 г. СГАИМК, № 9-10, 1932, стр. 60.

⁵ И. В. Синицын. Поселения эпохи бронзы степных районов Заволжья. СА, т. XI, 1949.

⁶ Н. В. Трубникова. Поселение эпохи бронзы у дер. Воскресенской. КСИИМК, вып. 50, 1953.

⁷ Н. Я. Мерперт. Из древней истории Среднего Поволжья. МИА, № 61, 1958, стр. 106—118.

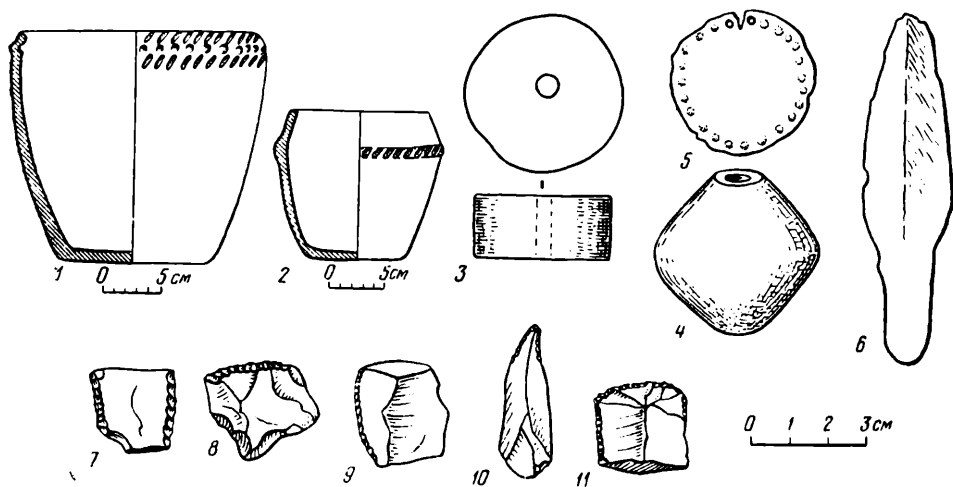

Рис. 31. Поселение в урочище Саушкино. Изделия из глины, камня и металла
1—2 — сосуды; 3—4 — пряслица; 5 — бронзовая подвеска; 6 — бронзовый нож; 7, 9 — обломки кремневых
ножей; 8, 11 — кремневые скребки; 10 — резачик

лее близкие аналогии в конструкции наземной части можно найти в жилище, изученном на поселении срубной культуры у Моечного озера⁸. Здесь наблюдается тот же котлован неправильно прямоугольной формы, углубленный на 0,8—0,9 м от поверхности, три ряда опорных столбов кровли, столбы, являющиеся основой стен вдоль краев котлована, вход в виде тамбура. Различия лишь в месте расположения входа, который у жилища на поселении у Моечного озера располагался в одной из узких стен, а в жилище 1 поселения «Саушкино» — посредине длинной стены. Крепление кровли на двух параллельных рядах столбов, возможное в один из периодов существования жилища 2, прослежено в одной из построек на 1-м Сусканском поселении⁹. Крупные полуземляночные жилища сходной конструкции и размеров известны и на поселениях поздняяковской культуры, где появились, очевидно, под влиянием срубной культуры¹⁰. Жилища приказанских и чирковско-сейменских племен, обитавших в это же время в ближайших районах Среднего Поволжья, имели иную форму и конструкцию, сходную с конструкцией жилищ неолитического населения Среднего Поволжья и Прикамья.

Первое место среди находок на поселении занимает керамика. Преобладают плоскодонные сосуды баночной формы (рис. 31, 1—2) с прямыми (рис. 32, 14—15) или отогнутыми внутрь (рис. 32, 19) венчиками и несколько раздутыми боками. Довольно часто венчики бывают приострены (рис. 32, 16), изредка имеют Г-образную (рис. 32, 20—21) или Т-образную (рис. 32, 22) форму. Встречаются плоскодонные сосуды горшковидной формы с отогнутыми венчиками (рис. 32, 17—18), значительно выпуклыми боками, а также небольшие плоскодонные чашевидные сосуды (рис. 32, 5). Среди примесей в глиняном тесте преобладают шамот и песок, реже встречается дресва, еще реже — небольшое количество

⁸ Н. В. Трубникова. Итоги археологических исследований по р. Усе. МИА, № 61, 1958, стр. 183—187.

⁹ Н. Я. Мерперт. Указ. соч., стр. 110—118.

¹⁰ Т. Б. Попова. Раскопки поселения «Логинов хутор». АО 1968 г. М., 1969, стр. 48—49. Близкие по форме и конструкции жилища были исследованы в 1969—1970 гг. 2-м Горьковским отрядом Чебоксарской экспедиции на поздняяковских поселениях Шава II и Безводненском в Кстовском р-не Горьковской обл., в низовьях рек Кудьмы и Шавы.

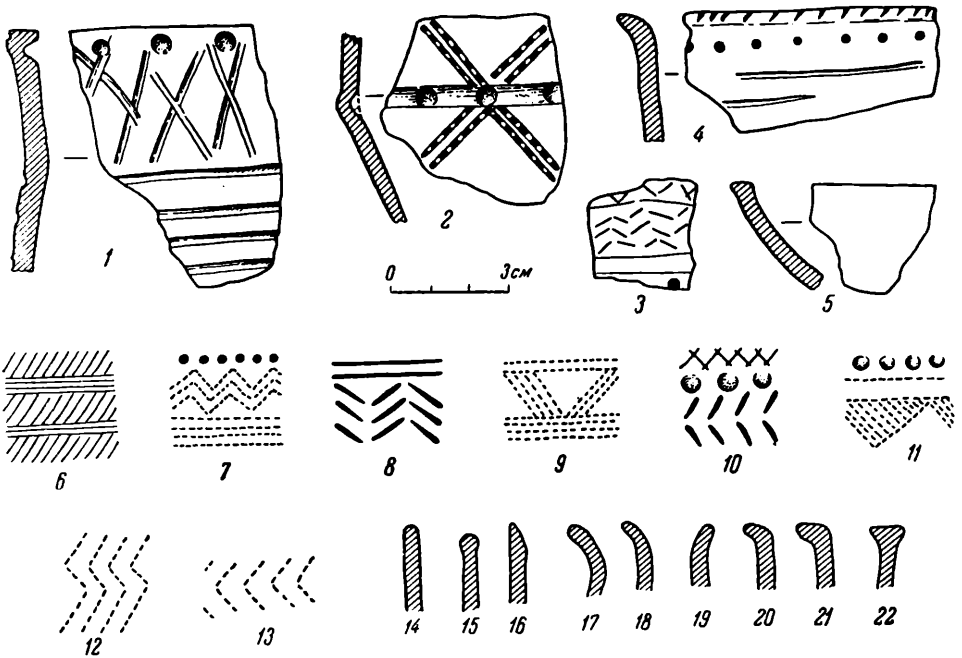

Рис. 32. Поселение в урочище Саушкино. Керамика и ее орнаментация
 1—5 — фрагменты керамики; 6—13 — орнаментальные композиции на керамике; 14—22 — профили венчиков сосудов

растительных примесей, причем обычно вместе с шамотом. У некоторых сосудов зафиксированы налипные валики под горлом или в верхней части, гладкие или орнаментированные (рис. 31, 2; рис. 32, 2).

Значительная часть керамики не орнаментирована. Многие обломки имеют с внешней, а иногда и с внутренней стороны штриховку, в большинстве случаев сделанную зубчатым штампом. Небольшой процент составляет сетчатая керамика (см. табл. 1).

Как видно из таблицы, соотношение основных видов керамики в раскопах несколько отличается, что дает основание говорить о разновременности жилищ 1 и 2, впрочем, вряд ли большой.

Наиболее богато и разнообразно орнаментирована гладкая керамика. Орнамент располагался преимущественно в верхней и средней части со-

Таблица 1

Соотношение основных видов керамики Саушкинского поселения (по раскопам)

Виды керамики	Раскоп 1		Раскоп 2	
	абс.	в %	абс.	в %
Гладкая без орнамента	1433	36,2	3492	77,3
Штрихованная без орнамента	1054	27	485	10,6
Гладкая с орнаментом	1308	33,3	536	11,8
Штрихованная с орнаментом	104	2,8	11	0,25
Сетчатая	30	0,7	3	0,05
Всего:	3929	100	4527	100

судов, нижняя часть оставалась не орнаментированной. Преобладающими элементами орнамента являются отпечатки крупно- и мелкозубчатого штампа и гребенки, ямочные углубления различной формы — округлые, подквадратные, подтреугольные, неправильных очертаний. Широко распространены нарезные линии, часто широкие и глубокие, которые можно назвать каннелированными, и вдавления-«жемчужины», сделанные с внутренней поверхности сосудов. Нередко отпечатками гребенчатого штампа, нарезками или ямками орнаментировался венчик. Элементы орнамента встречаются в различных сочетаниях (табл. 2).

Таблица 2
Соотношение сочетаний элементов орнамента на гладкой керамике
Саушкинского поселения (по раскопам)

Элементы орнамента и их сочетания	Количество фрагментов, %	
	раскоп 1	раскоп 2
Гребенчатый штамп	24,9	31,7
Ямочные углубления округлой, подквадратной и неправильной формы	31,1	22,5
«Жемчужины»	5,4	8,5
Нарезки	14,7	18,7
Гребенчатый штамп в сочетании с ямками	4,9	5,2
Гребенчатый штамп в сочетании с «жемчужинами»	7,0	2,4
Гребенчатый штамп в сочетании с нарезками	4,5	0,8
Нарезки в сочетании с «жемчужинами»	2,39	5,5
Нарезки в сочетании с ямками	2,5	2,9
Ямки треугольной формы	1,5	0,9
«Жемчужины» с ямками	1,1	0,9
Ямки удлиненной формы	0,01	—
Всего:	100,0	100,0

Элементы орнамента образуют довольно сложные узоры, среди которых могут быть выделены многократно встречающиеся устойчивые орнаментальные композиции, одинаковые в обоих раскопах. Наиболее распространенными из них являются горизонтальные пояса, образованные различными элементами орнамента, иногда располагающимися в несколько рядов (рис. 32, 4); горизонтальные пояса, разделенные косыми или перекрещивающимися линиями (рис. 32, 1, 6, 9), зигзагом (рис. 32, 7—8, 10, 13), зигзагом и косыми линиями; заштрихованные ромбы и треугольники, часто в сочетании с горизонтальными поясами (рис. 32, 11); горизонтальные пояса, пересеченные под прямым углом вертикальными линиями; вертикальный и горизонтальный зигзаги (рис. 32, 12); вертикальные линии; пересекающиеся косые линии, образующие незаштрихованные ромбы и треугольники, и др.

Сетчатая керамика орнаментирована бедно, обычно — одним-двумя рядами ямок, гребенчатых отпечатков или «жемчужин» под горлом (рис. 31, 1). Еще беднее орнаментирована штрихованная керамика.

В целом керамический комплекс Саушкинского поселения представляется наиболее близким к керамике 2-го этапа срубной культуры в Среднем Поволжье. Одинаковы формы плоскодонных баночных и горшковидных сосудов, очень типичны приостренные венчики и рельефные украшения в виде наlepных валиков, являющиеся специфическими для срубной керамики 2-го периода, весьма характерна обработка поверхности сосудов крупнозубчатым штампом¹¹. Едва ли не все элементы орнаментации,

¹¹ О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 39, 42.

встреченные на Саушкинском поселении, находят аналогии в срубной культуре. Много общего и в системе орнаментации: в наличии различных вариантов зигзагов и треугольников, рядов косых вдавлений зубчатого штампа, овальных ямок, широких нарезок, часто расположенных под углом¹². Для 2-го периода срубной культуры на Дону в орнаментации керамики известны обращенные вниз вершиной треугольники, составленные из соответственно расположенных небольших ямочных вдавлений, а также вдавления-«жемчужины»¹³, известные и в Саушкине. Нельзя не отметить известных аналогий и с керамикой андроновской культуры, особенно в орнаментах, выполненных мелкозубчатым штампом. Такая орнаментация, известная в срубной культуре, появилась здесь, как полагают, под андроновским влиянием.

Однако полной идентичности срубной керамики и комплекса керамики Саушкинского поселения нет. Их отличает прежде всего наличие сетчатой керамики, формы которой находят полные аналогии в поздняяковской культуре. Для последней характерны также «жемчужины», ямки правильной округлой формы, часто сочетающиеся в одном ряду с «жемчужинами». Для срубной и поздняяковской керамики не характерны Г-образные и Т-образные венчики и растительная примесь в тесте сосудов. Эти элементы могут быть отнесены за счет влияния местных племен, обычно относимых к волосовскому кругу¹⁴. Следует заметить, что те элементы керамического комплекса рассматриваемого поселения, которые отличают его от срубной культуры, являются хоть и небольшой, но органической частью комплекса и не могут быть из него выделены. От поздняяковской керамики рассматриваемый керамический комплекс отличается очень небольшим процентом сетчатой посуды при наличии поздних ее форм, меньшим разнообразием орнаментации, большим количеством неорнаментированной посуды.

Весьма интересны единичные обломки бомбовидных сосудов с прямой шейкой, украшенных орнаментом в виде двойного зигзага, выполненного мелкозубчатым штампом, или широкими вертикальными каннелюрами под обрезом венчика, иногда с налипным валиком. Обломки таких сосудов приурочены к верхнему слою поселения, перекрывавшему остатки обоих жилищ. Такая керамика полностью аналогична хуласюческой¹⁵. Поселения типа Хула-Сюче известны в непосредственной близости от Саушкинского поселения, на противоположном правом берегу р. Суры¹⁶.

Из других керамических изделий следует отметить многочисленные пряслица в виде более или менее толстых кружков с отверстиями в центре (рис. 31, 3) и биконические (рис. 31, 4), обломок грибообразного предмета, напоминающего грузики «дьякова типа», льячку в виде маленького глиняного черпачка, грузила от сетей.

Каменный инвентарь сравнительно невелик и представлен главным образом скребками различных форм (рис. 31, 8, 11), обломками крупных

¹² Там же, стр. 42.

¹³ Там же, стр. 94—95.

¹⁴ Один из памятников этого типа исследован в 1970 г. 1-м Чувашским отрядом Чебоксарской экспедиции на левом берегу р. Суры, всего в 20 км ниже по течению от Саушкинского поселения (стоянка в урочище «Живодериха»). Здесь, в частности, найдено небольшое количество керамики, аналогичной саушкинской. Это позволяет в известной мере синхронизировать оба памятника. В то же время в керамике стоянки «Живодерихи», в целом резко отличной от саушкинской, можно найти определенное влияние этой последней, выражающееся в наличии сосудов с отогнутым венчиком и раздутыми боками, в плоскостности сосудов, в отдельных элементах орнамента (нарезки под венчиком и др.).

¹⁵ П. Д. Степанов. О фатьяновских поселениях. СА, 1952, № 2, рис. 11; он же. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954, рис. 28, 5; О. Н. Бадер. Чебаковское поселение эпохи бронзы на р. Суре. «Ученые записки Чувашского НИИ», вып. XIX. Чебоксары, 1960, стр. 140, рис. 9—10.

¹⁶ О. Н. Бадер. Указ. соч.

пластин с ретушью, выполнявших функции ножей (рис. 31, 7, 9), резчиками (рис. 31, 10), различного рода острями. Имеются два обломка черешковых наконечников стрел. Большинство орудий изготовлено из кремня, но встречаются и кварцитовые. В заполнении жилища 2 найден обломок нижнего камня крупной зернотерки. Все типы каменных орудий, найденные в Саушкине, маловыразительны и находят аналогии в различных культурах эпохи бронзы Среднего Поволжья, в том числе и в срубной.

На поселении найдено три бронзовых предмета: небольшой нож с листовидным лезвием, едва намеченным утолщением посередине клинка и широким черешком (рис. 31, 6), круглая, выбитая из тонкого металлического листа бляшка-подвеска с двумя отверстиями и узором из выпуклых точек, расположенных по краю предмета (рис. 31, 5), и обломок подвески в виде небольшой овальной пластины с двумя округлыми выпуклинками посередине и отверстием у края. Ножи рассмотренного типа весьма типичны для срубной культуры, особенно для ее позднего этапа, но встречаются и далеко за ее пределами — на памятниках, в большей или меньшей степени испытавших влияние срубной культуры¹⁷. Бронзовые подвески, найденные в Саушкине, принадлежат к типам, широко распространенным в эпоху поздней бронзы. Аналогичные им были найдены, например, в поздняяковских¹⁸ и андроновских¹⁹ памятниках.

Дата поселения на дюне в урочище «Саушкино» хорошо определяется последней четвертью II тысячелетия до н. э. по многочисленным аналогиям в керамике срубной культуры 2-го периода, аналогиям сетчатой посуды в поздних памятниках поздняяковской культуры, бронзовым предметам. Каменный инвентарь и другие находки не противоречат этой дате. На верхнюю дату — рубеж II—I тысячелетий до н. э. — могут указывать единичные фрагменты хуласючской керамики.

Что касается культурной принадлежности поселения, то, несмотря на широкие параллели его комплекса в срубной и поздняяковской культурах, безоговорочно отнести памятник к одной из них вряд ли возможно. Можно предположить, что поселение оставлено потомками группы срубных племен, продвинувшихся далеко на север по течению р. Суры и смешавшихся здесь с местным населением. При этом в материальной культуре возобладали срубные элементы. Нельзя не отметить значительного влияния более западных поздняяковских племен. Рассматриваемый памятник, таким образом, в известной мере отражает взаимную ассимиляцию разнокультурных и, вероятно, разноэтнических элементов, столь характерную для эпохи поздней бронзы в Среднем Поволжье. Прослеживаются определенные контакты с хуласючскими племенами правобережья р. Суры.

Следует указать, что формы гладкостенной баночной и горшковидной посуды Саушкинского поселения, типы керамических пряслиц и грузил находят позднее аналогии в памятниках городищной культуры Чувашии. Это может являться еще одним аргументом в пользу определенного вклада, который внесли срубные племена в сложение культуры раннего железного века чувашского Поволжья²⁰.

¹⁷ Нож подобного типа найден, например, на 1-й Атабаевской стоянке (см.: А. Х. Халиков. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, рис. 55, 123).

¹⁸ Т. Б. Попова. Погребение поздняяковской культуры в Борисоглебском могильнике. «Новое в советской археологии». М., 1965, стр. 132—137.

¹⁹ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак II в Западном Казахстане. МИА, № 120, 1962, стр. 161—163, табл. XXXIX.

²⁰ А. П. Смирнов. Железный век чувашского Поволжья. МИА, № 95, 1961, стр. 73—74.

О. Н. ЕВТЮХОВА

ДЕУКОВСКАЯ I СТОЯНКА

(раскопки 1969 г.)

Деуковская I стоянка была обнаружена А. Х. Халиковым¹ разведками 1958 г. Стоянка расположена в Мензелинском р-не Татарской АССР у с. Деуково, на левом берегу р. Ик, у подножья высокого коренного берега второй надпойменной террасы. Она вытянута с севера на юг, восточная ее часть обрывается в пойменную низину, западная подходит к подножью коренного берега; с юга стоянка ограничена оврагом, к северу идет пологий спуск к пойме.

В 1968 г. стоянку копали А. Х. Халиков и Р. С. Габяшев². Ими была раскопана восточная часть стоянки, выходящая обрывом в пойменную низину р. Ик. Всего раскопками 1968 г. была вскрыта площадь в 420 кв. м. При раскопках основную массу находок составили фрагменты лепной керамики с примесями дресвы, песка, шамота, иногда ракушки. Плоскостные сосуды имели, по-видимому, горшковидную, реже баночную форму с прямым или отогнутым наружу венчиком. Характерна орнаментация сосудов оттисками мелкозубчатого штампа или гребенки и прочерченными линиями. Приемы орнаментации сосудов разнообразны. Здесь и косые, и равнобедренные треугольники, заштрихованные ромбы, ряды параллельных каннелюр и зигзагообразных линий, вертикальная и горизонтальная елочка, меандровые полосы и пр. Помимо керамики, найдены заготовки пряслиц, керамические «блоки» и кружки. По мнению авторов раскопок, «основная часть керамики Деуковской стоянки находит широкие параллели в материалах местных памятников Приуралья. Другая часть керамики аналогична посуде срубной культуры»³.

Нашими работами 1969 г. были продолжены раскопки селища. Раскоп был вплотную (с оставлением тонкой бровки в 30 см) прирезан к раскопу 1968 г. Было взято новое буквенное обозначение квадратов, так как из-за прошлогодних отвалов было трудно установить четкие границы раскопа. Площадь раскопа была разбита параллельными линиями через 2 м по длинной оси поселения с севера на юг, получившими буквенное обозначение от А до Д — к западной его границе, и соответственно на квадраты 2×2 м с цифровым обозначением (от 1 до 14). Для снятия профилей было оставлено пять контрольных бровок по линиям А, Б, В, Г, Д и три перпендикулярных в квадратах 4, 8 и 12. Всего раскопками этого года было вскрыто 260 кв. м, что с предыдущими раскопками составляет 680 кв. м

¹ А. Х. Халиков. Отчет об археологических работах на левом берегу рек Камы и Белой в пределах Набережно-Челнинского, Мензелинского и Актанышского районов Татарской АССР в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, д. 1771.

² А. Х. Халиков, Р. С. Габяшев, Е. П. Казаков, М. Г. Косменко, П. Н. Старостин. Работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции. АО 1968 г. М., 1969.

³ Там же, стр. 136.

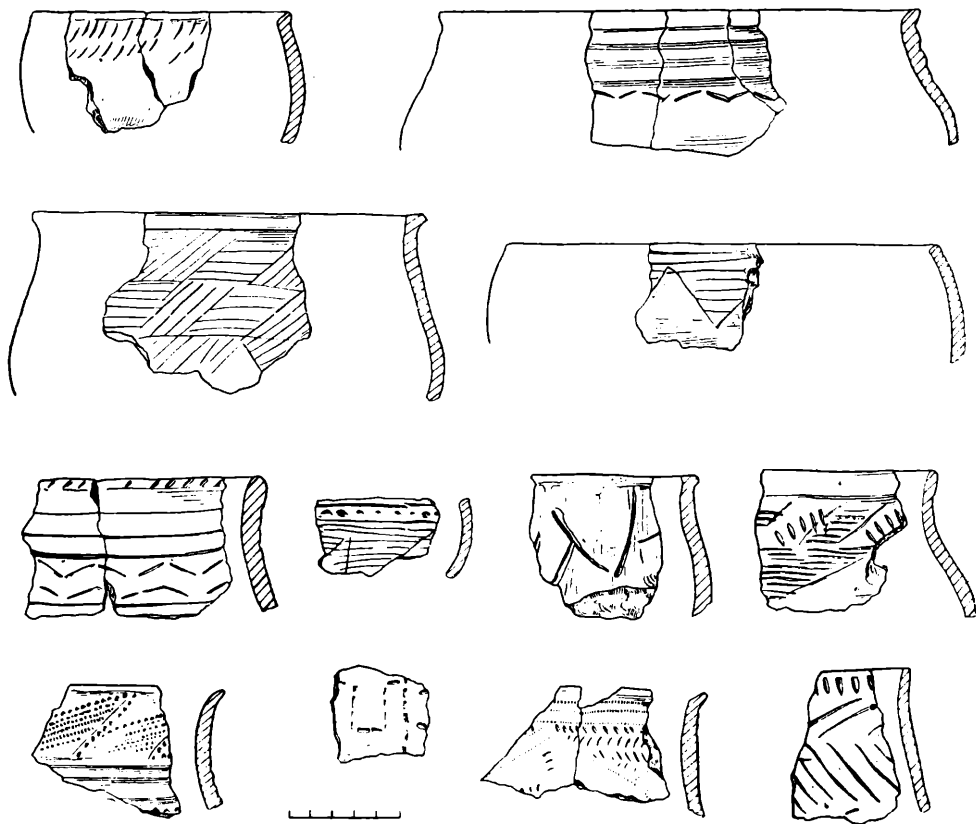

Рис. 33. Керамика Деуковской I стоянки

и в основном исчерпывает доступную площадь поселения. Так, наиболее западные кварталы, ближе всего подходящие к подножью коренного берега (линия Д), дают значительно меньшее число находок. Очевидно, основная часть поселения приходилась на его напольную сторону.

Вся площадь стоянки задернована. Под дерном идет наносный супесный и глинистый слой, смытый, очевидно, с коренного берега. По поверхности селища этот слой распределен неравномерно. Наибольшая его мощность наблюдается в южной части селища до двух штыков, т. е. около 40—50 см. Здесь он состоит из двух слоев — глинистый и под ним белосупесный намыв. В северной части нанос имеет мощность от одного до половины штыка и представлен только верхним глинистым намывом. Под слоем наносов в южной части раскопа на границе второго-третьего штыка, а в северной внизу первого штыка начинается темно-серый зернистый по структуре «ореховатый» луговой чернозем. В нем и содержится культурный слой, состоящий в основном из фрагментов лепной керамики эпохи бронзы, расколотых и обожженных костей домашних животных, изредка кремневых отщепов, обожженных камней и пр. Мощность культурного слоя не превышает 40 см. Для разных участков селища можно отметить неравномерность насыщенности культурного слоя находками. Так, в северной части раскопа отмечается большая насыщенность слоя костями домашних животных. В этих же квадратах отмечены отдельные скопления керамики и обожженных камней. Здесь же были найдены и отдельные куски железистого песчаника.

К сожалению, из-за особенности почвенного слоя, представленного,

как уже говорилось, зернистыми, рыхлыми по структуре темно-серыми пойменными болотистыми отложениями, которые при сильном увлажнении становятся рыхлыми и текучими, содержащийся в нем культурный слой подвержен как бы естественному процессу перемешивания. Более тяжелые предметы с поверхности как бы «тонут» в нем. Это прослеживается на северных участках с более тонким наносным слоем, который играет здесь роль «защитного» слоя. Здесь без всяких видимых следов перекопов на ряде участков на третьем штыке, уже в предматериковом слое, были найдены гвозди современного типа и хорошей сохранности.

Очевидно, благодаря такой структуре культурного слоя в нем не видны следы жилищ и каких-либо ям. Только в нескольких случаях, когда ямы доходили до материковой желтой глины, удавалось проследить их контуры. Но это были неопределенной формы пятна без находок. По ним нельзя судить, были ли это хозяйственные ямы или котлованы жилищ.

Так, в квадрате А—10 на четвертом штыке, при зачистке по материк, обнаружено гумусное пятно неправильной овальной формы 80×60 см. Пятно углублено в материк всего на 5—8 см, и при зачистке в нем найден один фрагмент кости домашнего животного. Возможно, это остатки какой-то хозяйственной ямы, верхняя часть которой не прослеживалась.

На границе квадратов Б6—Б7 и В6—В7, также при зачистке материка, обнаружено пятно овальной формы размером с запада на восток 150×100 см. В южной его части прослежена полоса желтого материкового выкида длиной с востока на запад 80 см и шириной около 40 см. В этом пятне не было никаких находок. В профильной стенке раскопа над этим местом также отмечено пятно желтого материкового выкида. К сожалению, определить назначение этой ямы не представляется возможным.

Надо отметить, однако, что авторы предыдущих раскопок прослеживают границы трех пятен, два из которых могут быть определены как следы жилищ. Прослежены ими также небольшие, округлой формы ямки, которые определены как ямки от столбов. Однако связать их с границами жилищ не представляется возможным. Нами при зачистке по материк также неоднократно отмечались небольшие ямки округлой формы, но ввиду бессистемности расположения, нечеткости формы их трудно с уверенностью отличить от остатков нор грызунов.

Вскрытая в 1968 г. часть площади поселения, возможно, представляла основную его часть, и, может быть, здесь остатки жилищ сохранились лучше. Возможно, однако, что жилища на поселении не имели достаточно глубоких котлованов, т. е. не доходили до материка, и поэтому в однородном ореховатом черноземе их границы не могут быть прослежены.

В юго-западной части селища, в квадратах Г, Д—13, прослежены остатки позднего очага. Здесь в северной части квадратов сразу под слоем намывной супеси в золотистом слое на площади 80×60 см прослеживаются находки кусков железного шлака разной величины и отдельные обломки железных предметов неопределенной формы. Среди последних найден небольшой обломанный ножичек или наконечник стрелы. В этом золотом слое, помимо железных шлаков, найден кусок железной крицы, а также куски керамического шлака и просто ошлакованные фрагменты лепной керамики эпохи бронзы. Остатки этого очага прослеживаются до глубины 60 см. Ниже идет обычный слой ореховатого чернозема, содержащий культурный слой. Проследить конструкцию очага не представляется возможным. Здесь не найдено камней и не прослеживаются очертания очажной ямы. В культурном слое «очаг» прослеживается просто как достаточно насыщенное зольное пятно с перечисленными выше находками.

Основную массу находок на селище, как и при раскопках прошлого года, составляет лепная керамика эпохи бронзы (рис. 33). На селище найдено, не считая мелких фрагментов, около двух тысяч определимых черепков сосудов. В основном это орнаментированные стенки и венчики сосудов,

а также плоские днища и их фрагменты. Примерно треть всех отобранных фрагментов орнаментирована. Вся керамика лепная, кострового обжига. В тесте — примеси обычно тонкотолченого шамота, ракушки или растительная примесь. Реже встречаются черепки более толстые с более грубыми примесями. Из общей массы керамики можно выделить сосуды горшковидной формы с прямой или отогнутой наружу шейкой, в ряде случаев с более или менее четко выраженным ребром на тулове. Определяются также и сосуды баночной формы. Все сосуды плоскодонные. Сосуды баночной формы часто вылеплены из более грубого теста и имеют толстые стенки и массивное дно. Орнаментированы эти сосуды довольно скромно — обычно оттисками крупного гребчатого штампа, составляющими отдельные параллельные косо поставленные короткие линии или зигзагообразные свободные линии, а также елочные узоры. В других случаях орнамент может быть нанесен под венчиком оттисками треугольного штампа, а ниже состоит из зигзагообразной линии, нанесенной средним зубчатым штампом. Поверхность этих сосудов часто грубо затерта или заштрихована. Цвет ее желтовато-серый или темно-серый.

Сосуды горшковидной формы более тонкостенны, и поверхность их, как правило, хорошо заглажена, иногда как бы подложена. Цвет сосудов серовато-коричневый или желтый, иногда красный. Обычно сосуды эти орнаментированы по венчику и по верхней части тулова оттисками мелкозубчатого штампа или гребенки, нарезными линиями или неглубокими каннелюрами, проходящими по шейке сосуда в несколько параллельных рядов. Приемы орнаментации этих сосудов довольно разнообразны, что уже отмечалось авторами предыдущих раскопок. В свою очередь отметим следующие приемы их орнаментации.

Елочный орнамент расположен вертикально и горизонтально и состоит из оттисков зубчатого штампа, нарезок и насечек. Ромбы — прямые и косые, часто обрамленные насечками, простые или заполненные оттисками зубчатого штампа или нарезными линиями. Ромбы могут быть образованы также пересечением тройных линий оттисков зубчатого штампа. Треугольники и зигзаги, выполненные зубчатым штампом или нарезкой, тоже бывают обрамленными бахромой насечек. Отметим также «лесенки» — в данном случае косо расположенные отрезки, заштрихованные перпендикулярными линиями.

В некоторых случаях прослежены элементы меандрового орнамента. На отдельных фрагментах сосудов под шейкой идет налепной треугольный в профиле валик, иногда орнаментированный насечкой и елочкой. На некоторых сосудах под венчиком проходит орнаментальный пояс из зубчатых линий, вдавленных небольшим треугольным штампом.

Общий обзор керамики оставляет двоякое впечатление. Здесь, помимо сосудов, которые могут быть сопоставлены с керамикой срубных памятников ближайших районов, например Башкирии, преобладающими являются все-таки фрагменты сосудов других типов. Эти сосуды по форме и орнаменту могут быть сопоставлены с керамикой позднеандроновских памятников Приуралья. Возможно, аналогии им найдутся в тех памятниках, что отнесены К. В. Сальниковым⁴ к позднеалакульскому или замараевскому этапам андроновской культуры. Во всяком случае ряд элементов в орнаменте этой группы керамики селища позволяет сопоставить ее непосредственно с материалами с самого Замараевского селища. Речь идет о зигзагообразных линиях из оттисков треугольного штампа под венчиком, орнаментальных поясах из косой насечки и елочек и др. Другая часть сосудов, представленных фрагментами с простым нарезным орнаментом, из грубого теста с крупным шамотом, сопоставляется с сосудами срубной культуры Приуралья. Однако какие-либо конечные выводы

⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

пока преждевременны. На селище были найдены и другие керамические изделия. В квадрате 6 была обнаружена небольшая глиняная льячка с обломанным краем. Фрагмент такой же льячки найден в другом квадрате, Г-1. Как и в прошлом году, был выявлен непонятного назначения предмет, больше всего напоминающий по форме колесико блока, который так и назвали керамическим блоком. Назначение его мне неизвестно. Обнаружено также глиняное орнаментированное пряслице усеченно-конусовидной формы и обломок другого, тоже орнаментированного, но меньшего размера.

Среди прочих находок можно отметить отбойник из крупной гальки, несколько курантов из алеврита, обломки терочных плит, кремневые отщеп и ножевидную пластинку. Все эти находки в достаточной степени характерны как для памятников срубной, так и андроновской культуры.

Как уже отмечалось выше, значительную часть находок на селище составляют кости и зубы домашних животных. На ряде участков, особенно в северной части селища, они составляют основную массу находок. Однако сохранность костей в большинстве случаев очень плохая. Прежде всего кости раздроблены еще в древности и поэтому часто встречаются в виде мелких обломков. В результате из всего большого количества было отобрано 383 фрагмента костей, определение которых и было произведено А. Г. Петренко. Результаты этого анализа приводятся в табл. 1.

Таблица 1

Результаты анализа костных остатков животных, полученных при раскопках I Деуковской стоянки в 1969 г.

Вид животного	Кости		Особи	
	кол-во	%	кол-во	%
Крупный рогатый скот	101	49,8	9	56,3
Мелкий рогатый скот	12	5,9	3	18,7
Свинья	2	1,0	1	6,3
Лошадь	88	43,3	3	18,7
Итого:	203	100	16	100
Не определено	180			
Всего просмотрено	383			

Согласно определению А. Г. Петренко, в стаде селища преобладал крупный рогатый скот. На его долю приходится 56,3% всех определимых костей. Второе место поровну занимают мелкий рогатый скот и лошадь. Очень незначительное число костей принадлежит свинье. Приведенные в таблице данные позволяют сделать некоторые выводы о хозяйстве обитателей Деуковской I стоянки. Видно, что среди костей, собранных на стоянке, как, кстати, в большинстве срубных и андроновских поселений вообще, отсутствуют кости диких животных. Соотношение же костей домашних животных с перевесом в сторону крупного рогатого скота говорит об оседлом пастушеском скотоводстве, при котором земледелие было подсобным занятием. В эпоху перехода к железному веку меняется состав стада и характер хозяйства. Оно становится полукочевым, и конина заняла первое место в мясном питании. Характер же хозяйства, а также весь комплекс материала с Деуковского I селища позволяют отнести его к поздним этапам эпохи бронзы, но не к самому ее концу.

Ю. В. ДЕРЕВЯГИН

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ
В САРАТОВСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

В 1968 г. школьники целинного совхоза «Дергачевский» в бассейне р. Алтаты (левый приток р. Большая Узень) выявили 18 селищ эпохи бронзы и одну неолитическую стоянку. До этих находок в Дергачевском р-не Саратовской обл. не было известно археологических памятников. Ближайшее селище срубной культуры, раскопанное И. В. Силиным в 1958 г. близ с. Осин-Гай на правом берегу р. Большая Узень, находится в соседнем Ершовском р-не.

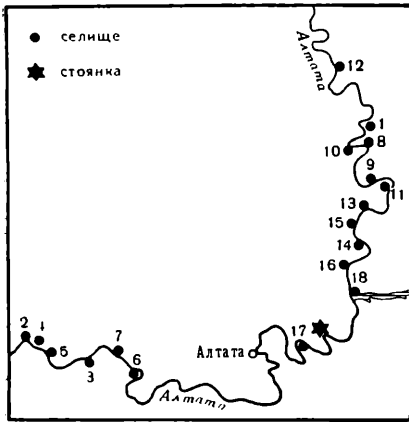

Рис. 34. Схема расположения древних памятников в бассейне реки Алтата

Все селища расположены на верхней террасе на расстоянии от 0,5 до 1 км друг от друга, что указывает на большую плотность населения в бассейне р. Алтаты в эпоху бронзы (рис. 34).

На селище 1, расположенном в 3 км к югу от пос. Советский, произведены разведочные раскопки. Выявлена часть древней землянки, на дне которой найдены обломки глиняной корчаги (рис. 35, 1), костяное ложило (рис. 35, 2), костяная прокладка, кварцитовые скребки. На селище собрано большое количество обломков глиняных плоскодонных сосудов ручной лепки. Большая часть их имеет прямой венчик. Несколько фрагментов с отогнутыми наружу венчиками, и лишь один венчик загнут внутрь. В глине примесь шамота. Лишь несколько черепков в ниж-

нем слое селища имеют в глине примесь толченой ракушки. Большая часть фрагментов орнаментирована овальными ямками. Значительно реже встречаются оттиски зубчатого штампа, крестовидные вдавления, параллельные нарезки, образующие треугольники. Часть фрагментов имеет следы сглаживания зубчатым или мелкозубчатым штампом.

Селище 2, расположенное в 4 км к северо-востоку от устья р. Алтаты, имеет аналогичную керамику. Здесь, так же как и на селище 1, найдены кварцитовые отщепы.

Селища 3—7 расположены на берегу р. Алтаты к западу от с. Алтата. Керамика их аналогична сосудам известного Покровского селища¹. На се-

¹ Т. М. Минаева. Керамика Покровского селища. ТСАРАНИОН, т. 4, 1928, стр. 316—322.

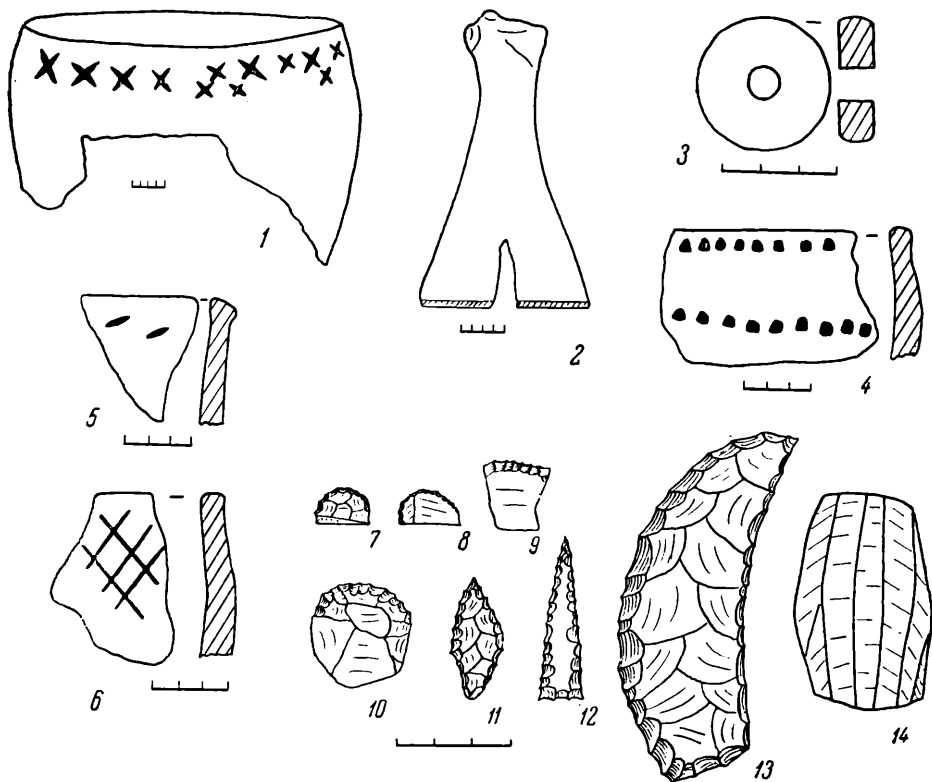

Рис. 35. Находки на поселениях

1 — часть корчаги; 2 — костяное лощило; 3 — глиняное пряслице; 4—6—керамика (селище 10); 7—14 — кварцитовые орудия

лице 6 найдены обломки бронзовых изделий и глиняное плоское пряслице (рис. 35, 3). На селище 4 обнаружен бронзовый обломок с изображением человеческого лица. Аналогия нам неизвестна. На селищах 11, 17, 18, расположенных северо-восточнее с. Алтата, и на селище 12, расположенном на южной окраине пос. Советский, собраны обломки глиняной посуды ручной лепки баночной формы, орнаментированной овальными ямками, зубчатым штампом, бороздками, проведенными зубчатым штампом, параллельными нарезками. Подобный орнамент известен на Покровском селище.

Селища 8—10, 13—16 расположены на берегу р. Алтаты, между пос. Советским и с. Алтата. На поверхности и в обрывах собраны обломки глиняной посуды эпохи бронзы, орнаментированной зубчатым и мелкозубчатым штампом, овальными ямками, бороздками, проведенными мелкозубчатым штампом, оттисками отступающей лопаточки. По срезу венчика имеются нарезки или оттиск мелкозубчатого штампа. На всех этих селищах найдены кварцитовые скребки и отщепы.

Все селища эпохи бронзы в бассейне р. Алтаты принадлежат племенам срубной культуры. Наиболее ранние из них 1, 2, 8—10, 13—16 датируются серединой II тысячелетия до н. э. Для них характерна посуда, орнаментированная мелкозубчатым штампом, оттиском отступающей лопаточки, овальными ямками, бороздками, проведенными мелкозубчатым штампом. В глине посуды встречается толченая ракушка. Валиковая керамика отсутствует. На всех этих селищах найдены кремневые и кварцитовые орудия и отщепы. Селища 3—7, 11, 12, 17, 18 датируются второй половиной II тысячелетия до н. э. Для них характерна посуда баночной формы, орна-

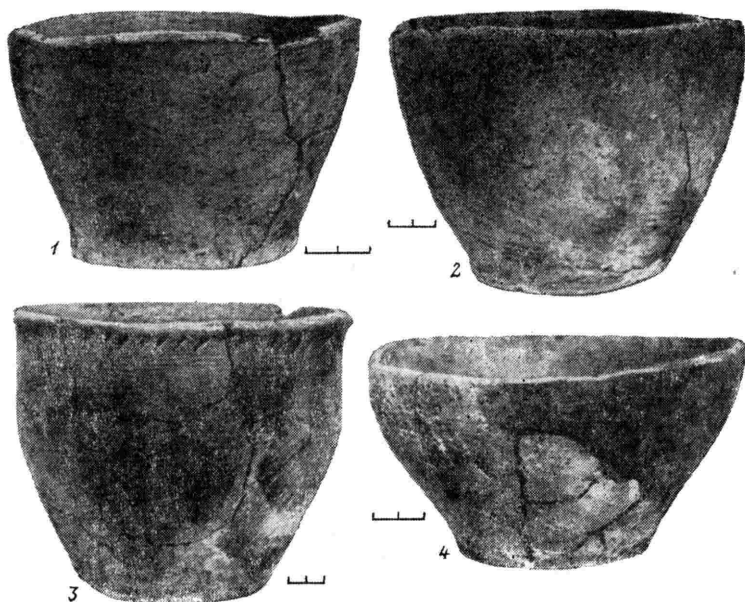

Рис. 36. Керамика из кургана 27

ментированная крестовидными вдавлениями, параллельными нарезками, образующими треугольник, оттисками зубчатого штампа, бороздами, проведенными зубчатым штампом, овальными вдавлениями. Дно плоское, с выраженной пяткой. Посуда устойчива к плоскости. Венчик прямой или отогнут наружу. В глине примесь шамота. На селище 6 найдены бронзовые обломки. На этих селищах отсутствуют кремневые орудия и отщепы. Валиковая керамика, как один из признаков позднесрубных памятников, также отсутствует.

На правом берегу р. Алтаты, северо-восточнее с. Алтата, на расстоянии 2,3 км школьники совместно с автором статьи обнаружили неолитическую стоянку. Поверхность ее ровная. Культурные остатки в виде кварцитовых орудий и отщепов, костей животных и небольшого количества керамики найдены как на поверхности, так и в обрывах. В обнажении виден культурный слой глубиной до 1 м. На стоянке собрано более 400 кварцитовых орудий и отщепов. К ним относятся скребки (рис. 35, 7—10), наконечники стрел (рис. 35, 11, 12), ножевидные пластинки, кварцитовый изогнутый нож (рис. 35, 13). Здесь же найден нуклеус призматической формы (рис. 35, 14). Кроме каменных орудий, на стоянке найдено несколько обломков глиняной посуды ручной лепки, орнаментированных мелкозубчатым чеканом. В глине керамики большая примесь толченой ракушки. Подобная неолитическая стоянка в устойчивом грунте, имеющая мощный культурный слой, найдена в Саратовской обл. впервые. Памятник датируется IV тысячелетием до н. э.

В бассейне р. Большой Караман близ с. Новолиповка Советского р-на Саратовской обл. школьники совместно с сотрудниками областного музея краеведения раскопали четыре кургана. В кургане 26², диаметр которого 14 м и высота 0,20 м, обнаружено два погребения. Погребение 1 полностью разрушено. Погребение 2 (основное) расположено под центром насыпи в широкой прямоугольной яме, ориентированной длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Длина ямы 1,50 м, ширина 0,95 м, глу-

² Курганы 1—25 раскопаны Е. К. Максимовым.

Рис. 37. Бронзовый нож и керамика из курганов 26 и 29

бина 1,10 м. В засыпке могилы — обильная примесь мела. На дне могилы, покрытом растительной подстилкой, лежал костяк взрослого человека в скорченном положении, на груди, спиной вверх. Ориентирован костяк головой на северо-восток. У юго-восточной стенки могилы, против лица, стоял глиняный остроресберный сосуд с орнаментом в виде заштрихованных треугольников в верхней части сосуда. Высота сосуда 10 см, диаметр горла 15,5 см, диаметр дна 7 см. Поверхность сосуда желтая, в изломе глина черная. В глине примесь шамота (рис. 37, 1). Вторым глиняным сосудом баночной формы без орнамента стоял против локтевого сустава. Поверхность горшка желтая. Высота 13 см, диаметр горла 16 см, диаметр дна 16 см (рис. 37, 2). Около сосудов прослеживались следы красной краски. Аналогичный сосуд остроресберной формы и сосуд баночной формы известны в срубном погребении 3 из кургана 3 близ с. Чербаево Волгоградской обл.³

Исследованное нами погребение 2 из кургана 26 относится к срубной культуре.

В кургане 27, диаметр которого 20 м, высота 0,30 м, также выявлено два погребения. Погребение 1 расположено восточнее центра кургана в грунтовой яме прямоугольной формы. Длина ямы 1,30 м, ширина 0,70 м и глубина 0,80 м. На дне ямы лежали остатки человеческого костяка очень плохой сохранности. Судя по остаткам скелета, погребенный лежал на левом боку, в скорченном положении, головой на юго-запад. У западной стенки стояли два глиняных сосуда баночной формы без орнамента. Высота первого горшка 7 см, диаметр горла 11,5 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 36, 1). В этом сосуде найден обломок бронзовой выпукло-вогнутой серьги. Высота второго горшка 11 см, диаметр горла 15,5 см, диаметр 9 см (рис. 36, 2).

Погребение 2 расположено в 2,5 м к юго-западу от погребения 1, в широкой прямоугольной грунтовой яме длиной 1,30 м, шириной 1 м и

³ И. В. Синицын. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 45, рис. 4, 6.

глубиной 1,10 м. Ориентирована могила длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. Погребение разрушено. Сохранился обломок большой берцовой кости, лежавшей в положении, обычном при скорченном костяке. В восточном углу могилы стоял глиняный горшок ручной лепки баночной формы. Высота его 14 см, диаметр горла 17,5 см, диаметр дна 9 см. Орнамент в виде вертикальных нарезок у края венчика и линии треугольных вдавлений вокруг горшка (рис. 36, 3). Второй горшок ручной лепки без орнамента лежал рядом с первым сосудом. Высота его 8 см, диаметр горла 14 см, диаметр дна 8 см (рис. 36, 4).

Оба погребения из кургана 27 относятся к срубной культуре и датируются второй половиной II тысячелетия до н. э.

В кургане 28 все три погребения оказались разрушенными. Частично сохранилось впускное погребение 1, расположенное в центральной части насыпи кургана. На глубине 0,30 м лежал костяк мужчины в скорченном положении на правом боку, головой на юго-запад. За черепом погребенного стоял глиняный горшок без орнамента. В глине примесь толченой ракушки. Высота горшка 12 см, диаметр горла 16 см, диаметр дна 10 см. Погребение относится к срубной культуре.

В кургане 29, диаметр которого 20 м, высота 0,20 м, обнаружено одно погребение, которое находилось в центральной части кургана в большой яме длиной 1,70 м, шириной 1,40 м и глубиной 1,20 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. У юго-восточной стенки лежал на левом боку в скорченном положении костяк, ориентированный головой на северо-восток. За спиной костяка, против тазовых костей, обнаружен бронзовый однолезвийный прогнутый нож (сerp?) в деревянном футляре (длина ножа 15,5 см, ширина 2,5 см) (рис. 37, 3). У северо-западной стенки, ближе к западному углу, лежал на боку глиняный, слегка колоколовидный горшок с плоским дном. Высота горшка 14 см, диаметр горла 16,5 см, диаметр дна 9 см. Поверхность горшка сглажена зубчатым штампом. В глине большая примесь ракушки (рис. 37, 4). В середине длины этой стенки найдена кучка коровьих и бараньих альчиков, а в северном углу ямы находились две косточки овцы.

Касаясь вопроса аналогии находкам этого погребения, необходимо отметить, что подобные бронзовые ножи в Нижнем Поволжье ранее не встречались. Аналогичный прогнутый нож (или серп) известен из находок у станицы Павловской близ Оренбурга⁴. Ближайшей аналогией глиняного горшка является сосуд из кургана 7 (погребение 2), раскопанного П. С. Рыковым в 1924 г. близ Покровска⁵ (ныне г. Энгельс).

Исследованное погребение относится к срубной культуре. Датировка его синхронна датировке Покровского могильника, т. е. XIV—XIII вв. до н. э.

Наличие срубных погребений в бассейне р. Большой Караман свидетельствует о пребывании здесь срубных племен, однако необходимо отметить, что памятники срубной культуры в бассейне р. Большой Караман встречаются гораздо реже, чем в бассейнах Иргизов, Узеней и Медведицы.

⁴ К. В. Сальников. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 193.

⁵ Саратовский краеведческий музей, инв. № 589.

Э. С. ШАРАФУТДИНОВА

НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ ПОСЕЛЕНИЙ КОБЯКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

Во время работ Северо-Кавказской (1923—1928 гг.), Кобяковской (1956—1962 гг.) и Нижне-Гниловской (1970 г.) экспедиций обнаружено 15 наконечников стрел (13 экз. — на Кобяковском и 2 экз. — на Нижне-Гниловском поселениях). Костяных наконечников 6 экз., металлических — 1 экз., кремневых — 8 экз.

Среди костяных наконечников было найдено два черешковых и четыре втульчатых (ромбический, двуперый, пирамидальный и пулевидный).

1. Двуперый ромбический наконечник с двумя шипами и с круглым в сечении черешком (рис. 38, 1).

2. Второй наконечник тоже двуперый, но с более длинным черешком (рис. 38, 2). У этого экземпляра своеобразная форма пера: оно снабжено двумя дополнительными, симметрично расположенными гранями и поэтому имеет в разрезе вид ромба с выступами. У обоих наконечников черешок внизу сужен.

Двуперые черешковые наконечники с шипами известны во многих памятниках эпохи средней и поздней бронзы (например, Алексеевка, Тасты-Бутак, Увак, Метев-Тамак, Урняк, Царев курган на Волге и Покровск). Но в большинстве случаев у них в отличие от кобяковских экземпляров перо длиннее черешка, а шипы короткие.

Однако в таких памятниках Северного Кавказа, как поселения Змейское, Сержень-Юрт и могильники Беахни-Куп (у с. Чми) и Зандак встречается особый тип костяных черешковых двуперых наконечников — «площичиков», названных так по их сходству с бронзовыми наконечниками — «площичиками», характерными для Кавказа. Временем бытования костяных «площичиков» считается конец II—первые века I тысячелетия до н. э.¹

¹ Д. В. Деоник, Е. И. Крупнов. Змейское поселение кобанской культуры. «Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии». Орджоникидзе, 1961, стр. 28—30 и рис. 9, 5; Н. Я. Мерперт. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г. КСИА, вып. 88, 1962, стр. 42, рис. 5, 2; Р. М. Мунчаев. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии. СА, 1962, № 3, стр. 186, рис. 2, 2; А. А. Иерусалимская, В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Древние поселения у с. Сержень-Юрт в Чечено-Ингушетии. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 46, рис. 13, 7; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 77, рис. 21, 4; они же. Исследование Сержень-Юртовского поселения. КСИА, вып. 106, 1966, стр. 86, рис. 36, 9, 8; В. И. Козенкова. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г. КСИА, вып. 103, 1965, стр. 72, рис. 24, 2, 3; она же. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 86, рис. 28, 1; Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, 1951, стр. 62, рис. 21, 1; В. И. Марковин. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни. КСИА, вып. 98, 1964, стр. 84, 86, 87, рис. 24, 14—16.

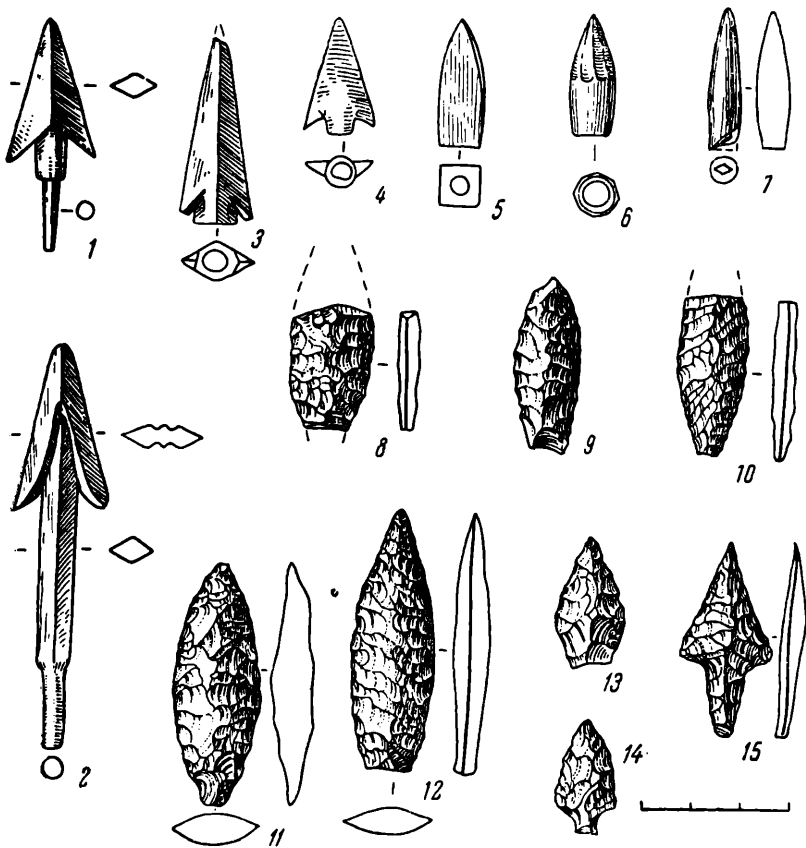

Рис. 38. Наконечники стрел

1—6 (кость), 8—13, 15 (кремнь) — Кобяково; 7 (бронза), 14 (кремнь) — Нижнегилловское

Присущие кавказским костяным «площикам» длинные черешки и шипы, наличие в некоторых случаях уступа на черешке, а также граней на пере, придающих нередко ромбичность сечению, — все это позволяет сблизить с ними и датировать два кобяковских экземпляра, особенно второй, с длинным черешком (рис. 38, 2). Таким образом, Кобяково — пока единственный памятник в северопричерноморских степях, где известны костяные наконечники стрел типа кавказских «площиков».

3. Ромбический в сечении наконечник с выступающей втулкой и двумя отделенными от нее шипиками (рис. 38, 3).

Наконечники такого типа встречены пока лишь на Кипельском поселении алакульского этапа и в обоих слоях Субботовского городища². На сходство всех четырех наконечников справедливо указывала А. И. Мелюкова³. Но кобяковский и кипельский экземпляры по форме гораздо ближе друг к другу, чем к субботовским наконечникам; у последних грани сглажены, втулка длиннее, а у одного (верхний слой) вместо шипов небольшие выступы.

Типологически кобяковский и кипельский экземпляры восходят к ко-

² К. В. Сальников. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, № 21, 1951, стр. 130, рис. 15, 4; А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 92, 94, рис. 63, 4; 66, 5.

³ А. И. Мелюкова. Вооружение скифов. САИ, вып. Д1-4. М., 1964, стр. 10.

стяным ромбическим наконечникам со скрытой втулкой, распространенным в евразийских степях и в правобережной лесостепи с первого периода срубной культуры и почти до середины VII в. до н. э. (Ирмень I, Садчиково, Покровский курган 14, Бережновский могильник I—курган 25, погребение 4, Змейское, Сержень-Юрт, Малая Цимбалка, Уч-Баш, Субботово, Калантаевка, Цахнауцы и Царевка). Происхождение этих наконечников связывают с андроновской и срубной культурами.

4. Плоский двуперый наконечник с шипиками и выступающей втулкой (рис. 38, 4).

Форма этого экземпляра не является типичной для костяных наконечников. Перед нами скорее всего подражание бронзовым плоским двуперым и втульчатым наконечникам. А костяные наконечники такой формы нам в общем-то и неизвестны. Вместе с тем кобьяковский экземпляр, возможно, является прототипом для некоторых бронзовых скифских и савроматских наконечников подобной формы, относящихся к VI в. до н. э. и найденных, например, в Старшей Могиле на Украине и в с. Домбаровка Оренбургской обл.⁴

5. Пирамидальный втульчатый наконечник (рис. 38, 5).

Самые ранние наконечники этого типа обнаружены в памятниках VIII—VII вв. до н. э.: Ставропольское погребение, пос. Уч-Баш, курганы Симферопольский и Малая Цимбалка, а также Лубенецкое, Адамовское и Субботовское городища⁵. В дальнейшем этот тип (сделанный из кости) оказался одной из характерных форм скифского времени в основном в центральной и восточной частях Северного Кавказа.

Кобьяковский экземпляр по форме близок к наконечникам из Малой Цимбалки и черноморских городищ.

6. Втульчатый пулевидный наконечник (рис. 38, 6). В предскифское время их известно немного: поселения Сабатиновка, Капитаново I, Сержень-Юрт и Змейское, курганы Симферопольский и Малая Цимбалка⁶. Более широкое распространение они получают в скифское время.

Кобьяковский экземпляр своим контуром и выделенным острием немного напоминает наконечники из Симферопольского кургана и из двух погребений 1-го этапа срубной культуры у сел. Макаровка и Черebaево в Нижнем Поволжье⁷. У поволжских экземпляров длинный цилиндрический корпус (поэтому их, вероятно, и не причисляют к пулевидным) и четко отделенное от него короткое коническое острие. Однако только у кобьяковского наконечника острие покрыто восемью узкими гранями.

Значительный интерес представляет бронзовый пулевидный наконечник (рис. 38, 7), найденный в одной из землянок Нижне-Гниловского по-

⁴ В. А. Іллінська. Курган Старша могила — пам'ятка архаїчної Скифії. «Археологія», т. V. Київ, 1951, стр. 201, табл. II, 2, 3; К. Ф. Смирнов. Вооружение савроматов. МИА, № 101, 1961, стр. 42, 43, рис. 15, В, 1.

⁵ Т. М. Минаева. Могила бронзовой эпохи в г. Ворошиловске. КСИМК, вып. XVI, 1947, стр. 132, 133; рис. 42, 3; А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 103, 104, 116; рис. 2, 2, 6; А. А. Щепинский. Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, вып. 12. 1962, стр. 62, 63; рис. 3, 33. А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. I, В, 9; А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 94, рис. 66, 7, 20, 21.

⁶ А. И. Тереножкин. Указ. соч., стр. 96, рис. 71, 20; Н. Н. Чередниченко. Поселение срубной культуры на Луганщине. СА, 1970, № 1, стр. 233, рис. 2, 4; В. И. Козенкова, Е. И. Крупнов. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г., стр. 77, рис. 21, 3; Д. В. Деоник, Е. И. Крупнов. Указ. соч., стр. 28—30, рис. 9, 9; А. А. Щепинский. Указ. соч., стр. 62, 63, рис. 3, 30—32; А. И. Мелюкова. Указ. соч., табл. I, В, 10, 11.

⁷ И. В. Синуцын. Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. «Ученые записки СГУ», т. XVII. Саратов, 1947, стр. 78, рис. 51; он же. Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, № 60, 1959, стр. 42, 194, 195, рис. 2, 1.

селения в 1970 г.⁸ Наконечник слегка расширен чуть ниже средней части, размер небольшой, что и отличает его от наконечников этого типа.

Пулевидные наконечники стрел из бронзы рассматриваемой эпохи до сих пор не были известны. Такие бронзовые наконечники встречаются в раннескифское время — с конца VI—начала V в. до н. э. (подъемный материал в Грозненской обл., Блюменфельдский курган А 12, курган 7 у с. Сара на Урале)⁹; они в основном конической или близкой к ней формы.

Однако костяные пулевидные наконечники стрел, являющиеся прототипом для таких же бронзовых и близкие по форме нижнегниловскому экземпляру, известны в VII—VI вв. до н. э. (курган 2 Акжарского могильника под Актюбинском)¹⁰. А в использовании кобяковскими племенами костяных пулевидных наконечников мы уже убедились. Но весь керамический набор в сочетании с датирующими костяными, каменными и другими бронзовыми предметами из поселений кобяковской культуры позволяет считать самой поздней датой для нижнегниловского наконечника начало VIII в. до н. э. Таким образом, эта находка требует несколько удревнить бронзовые пулевидные наконечники стрел.

Кремневые наконечники представлены несколькими различными формами. Пять наконечников листовидных, один, по-видимому, подромбический и два черешковых. Поскольку классификация и хронология кремневых наконечников для степных памятников эпохи бронзы не разработаны, мы вынуждены проводить широкие аналогии для культурно-хронологического определения наших экземпляров.

1—2. Среди листовидных наконечников один обломан с обоих концов (рис. 38, 8), и о нем нельзя ничего сказать; второй — лавролистной формы (рис. 38, 9). У него плавное закругленное острие, а слегка вогнутый насад утоньшен специальным сколом; в целом его форма не является характерной для какого-либо типа.

3—4. Два следующих наконечника — овально-листовидной формы. У одного острие обломано, а узкий насад тоже утоньшен сколом (рис. 38, 10), а у другого острие и насад слегка заострены (рис. 38, 11). Наконечники близкой формы встречаются в период средней и поздней бронзы на Верхнем и Среднем Днепре, в саратовском (Покровск) и приказанском Поволжье.

5. Пятый — вытянуто-треугольный с прямым основанием наконечник (рис. 38, 12) — относится к известному типу, характерному для памятников сейминско-турбинского типа и первого периода срубной культуры, широко распространенному от Урала до Днепра¹¹.

⁸ Э. С. Шарафутдинова. Раскопки Нижне-Гниловского поселения позднебронзовой поры на Нижнем Дону. АО 1970 г., М., 1971, стр. 108.

⁹ Е. И. Крупнов. Археологические работы в Грозненской области в 1946 г. КСИИМК, вып. XX, 1948, стр. 69, рис. 33, 10; он же. Прикаспийская археологическая экспедиция. КСИА, вып. 55, 1954, стр. 104, рис. 42, 13; К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 61, рис. 16, Б, 65; рис. 21, Б, 42, рис. 39, Б, 11.

¹⁰ К. Ф. Смирнов. Указ. соч., стр. 60—61, рис. 39, Б, 12.

¹¹ О. Н. Бадер. Могильники турбинского типа, их возраст и связь с поселениями. «Археологический сборник ГЭ», № 6, 1964, стр. 110, 111, рис. 4, 4; В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи в Средней России. Отчет ГИМ за 1914 г. М., 1915, стр. 216, рис. 70; И. В. Синуцын. Археологические исследования Заволжского отряда, стр. 168, 195, рис. 60, 6; Е. К. Максимов. Памятник эпохи бронзы у станции Карамыш, Саратовской области. «Труды Саратовского обл. музея краеведения», вып. I, 1956, стр. 119, 120, рис. 67 (нижний ряд); В. И. Мамонтов. Арчединский комплекс наконечников стрел срубной культуры. СА, 1966, № 3, стр. 216—218, рис. 1, 1, 3; 2; В. И. Сизов. Скорняковские курганы в Воронежской губернии, Задонского уезда. «Древности», т. XII. М., 1888, стр. 126; табл. А, 3—6; Х. И. Попов. Описание археологического отдела Донского музея, стр. 7 (№ 37) и табл. III, 4; К. Мельник. Каталог коллекции древностей А. Н. Поля. Киев, 1893, табл. I, 174, 248, 498, стр. 7, 11, 29.

6. Подромбический наконечник (рис. 38, 13). Подобная форма не очень типична для степных предскифских памятников и бытовала в основном в период неолита и ранней бронзы. Близкие экземпляры обнаружены в среднеднепровской и приказанской культурах, в низовьях Северского Донца¹² и в Поволжье.

7—8. Два треугольно-черешковых наконечника. У одного конец черешка обломан (рис. 38, 14). Наконечники, несколько напоминающие этот, найдены в Приказанском и Нижнем Поволжье (могильник Быково I) и на Северо-Восточном Кавказе (могильник у с. Ведено). Второй экземпляр (рис. 38, 15) принадлежит к типу, широко известному в памятниках фатьяновской и среднеднепровской культур, а также и на Северском Донце¹³. Возможно, это изделие не связано с поселением и попало туда случайно.

Рассмотренные нами кремневые наконечники не содержат, как мы видим, типы, присущие именно периоду поздней бронзы, поэтому не являются датирующим материалом. Кремневые наконечники вообще характернее для предшествующих периодов. Среди кобяковских экземпляров только один принадлежит к срубному типу (первый этап срубной культуры).

В эпоху поздней бронзы большое распространение получили костяные наконечники стрел, являвшиеся как охотничьими, так и боевыми и подражавшие иногда форме металлических наконечников. Последние появились рано, на федоровском этапе андроновской культуры, и сосуществовали с кремневыми и костяными наконечниками. Такое сосуществование имело место и у кобяковских племен.

Среди кобяковских наконечников существенное значение имеют костяные, так как они четко датируются: одни — временем поздней бронзы и VIII—VII вв. до н. э., другие — только VIII—VII вв. до н. э. Итак, Кобяково — сейчас единственное степное поселение, где встречены: во-первых, наконечники стрел типа кавказских костяных «площиков», во-вторых, изделия VIII—VII вв. до н. э. (пирамидальный наконечник) и, в-третьих, бронзовый пулевидный наконечник. Таким образом, наша датировка поселений кобяковской культуры по керамическому комплексу, металлическим изделиям и данным горизонтальной и вертикальной стратиграфии памятников эпохи бронзы в донской дельте X—началом VIII в. до н. э.¹⁴ подтверждается и набором костяных наконечников стрел.

¹² Х. И. Попов. Указ. соч., стр. 6, 7 (№ 35) и табл. III, 2.

¹³ Д. Я. Телегин. Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АП, вып. VI. Київ, 1956, стр. 77 и рис. 2, 1.

¹⁴ Э. С. Шарафутдинова. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы. КСИА, вып. 112, 1967; она же. К вопросу о топографии поселений кобяковской группы на Нижнем Дону. КСИА, вып. 123, 1970; она же. Металлические изделия кобяковской группы поселений эпохи поздней бронзы. КСИА, вып. 127, 1971.

В. Ф. ЗАЙБЕРТ

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РАННЕЙ БРОНЗЫ
НА Р. ИШИМ

Планомерное изучение археологических памятников Североказахстанской обл. проводится с 1966 г. экспедицией областного историко-краеведческого музея и Петропавловского педагогического института. До этого работы ограничивались небольшими эпизодическими раскопками и разведочными обследованиями в связи с освоением целинных земель¹. На археологическую карту Казахстана было занесено несколько десятков курганных могильников и каменных оградок². Однако сведения о поселениях полностью отсутствовали. В настоящее время на территории Североказахстанской обл. открыто 70 поселений различных эпох, из которых восемь относятся ко времени раннего металла. Последние располагаются на первой или второй надпойменных террасах, по берегам стариц и пойменных озер р. Ишим, образуя довольно компактную группу в северной части области (рис. 39).

Наиболее выразительным памятником, отличающимся удовлетворительной сохранностью культурного слоя, является поселение Вишневка I, расположенное в районе г. Петропавловска³. Раскопом площадью 190 кв. м исследовано жилище прямоугольной формы (18×7 м), ориентированное по линии ЗЮЗ—ВСВ. Котлован жилища прорезает погребенную почву и только слегка углубляется в материк, так что мощность культурного слоя не превышает 0,5—0,7 м. В южной части помещения обнаружен очаг (1,3×1 м), расположенный в незначительном углублении, выложенном мергелем. На полу жилища зафиксировано шесть ямок от столбов и остатки сгоревших бревен, лежавших вдоль длинных стен. У северо-западной стороны кольцевая канавка диаметром 1,8 м, шириной 0,3—0,4 м, глубиной 0,07—0,1 м, рядом скопление угля, золы и фрагменты андроновской керамики. Канавка выходит за пределы жилища и, вероятно, не связана с его конструкцией. Основная масса вещевого материала происходит из заполнения испола жилища. Это мелкие кусочки бронзы, изделия из камня и кости, керамика. Osteологический материал отсутствует.

Набор каменных орудий труда, полученный при исследовании поселения Вишневка I, беден и невыразителен (рис. 42). Большая часть орудий выполнена из различных сланцевых пород. К ним относятся обломки шлифованных топоров, наконечник копья листовидной формы и небольшой плоский наконечник стрелы с прямым основанием. Другие орудия, в основном скребки и скобели, выполнены грубой ретушью на сколах яшмовидных некачественных пород. Интересна находка костяного предмета

¹ К. А. Акишев. Памятники старины Северного Казахстана. ТИИАЭ, т. 7. Археология. Алма-Ата, 1959, стр. 21—25.

² «Археологическая карта Казахстана». Алма-Ата, 1960, стр. 33—39.

³ Работы велись под руководством начальника экспедиции Г. Б. Здановича.

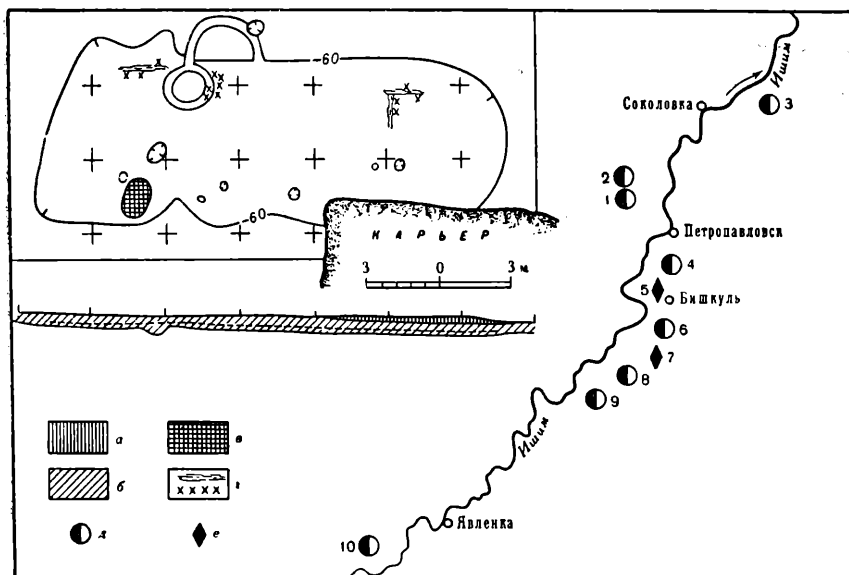

Рис. 39. План раскопа поселения Вишневка I. Памятники ранней бронзы на территории Североказахстанской обл.

1 — Вишневка I; 2 — Вишневка II; 3 — Золотая Осень; 4 — Пестрое; 5 — Вороний Остров; 6 — Бишкуль I; 7 — Бишкуль IV; 8 — Бишкуль V; 9 — Карлуга I; 10 — Петровка I. а — чернозем культурного слоя; б — темный гуммированный слой; в — прокол; г — обгоревшее дерево, уголь; д — поселения; е — грунтовые погребения

длиной 30 см, шириной 16 см, сделанного из рога лося. Идентичные орудия известны в неолитических памятниках Северо-Запада СССР⁴.

Из раскопа получено около 1000 фрагментов керамики. По обломкам шеек выделено 62 сосуда, один реконструируется полностью (рис. 41, 2). В коллекции имеется 27 плоских и одно округлое днище. Сосуды баночной формы с прямыми стенками, с вертикальными или слегка вогнутыми горловинами. Венчики плоские или округлые, край сосуда часто отогнут наружу. По технологии изготовления керамика несколько отличается. Значительно преобладает (90%) посуда из хорошо промешанной глины с примесью шамота или мелкого песка. Черепок толщиной 6—9 мм нормального обжига, в изломе темного или светло-коричневого цвета. Внешняя и внутренняя поверхности хорошо обработаны. Около 10% керамики имеют довольно толстые стенки (10—13 мм), обжиг неравномерный, черепок рыхлый. В качестве примеси использован шамот, крупный песок, изредка дресва. Обработка поверхности ограничивалась заглаживанием травой или щепой.

Посуда орнаментирована по всему тулову. Наиболее часто встречающиеся сочетания элементов сведены на рис. 43. По технике орнаментации выделено четыре группы керамики (см. табл. 1). Первую группу составляют фрагменты, украшенные линейно-накольчатой техникой. Она имеет два варианта: гребенчато-отступающий, выполненный протащенной с ритмичными нажимами короткой гребенкой, и отступающе-накольчатый, когда узор наносился палочкой. Оба варианта обычно сочетаются на одном сосуде, при этом отступающе-накольчатый занимает подчиненное положение. Узоры состоят из прямых горизонтальных или волнообразных линий (рис. 40, 17, 19—22). По верхней части тулова часто идет услож-

⁴ Н. М. Ермолова. О костных обрезках из костерезной мастерской неолитической стоянки Нарва I. МИА, № 144, 1967, стр. 204, рис. 6.

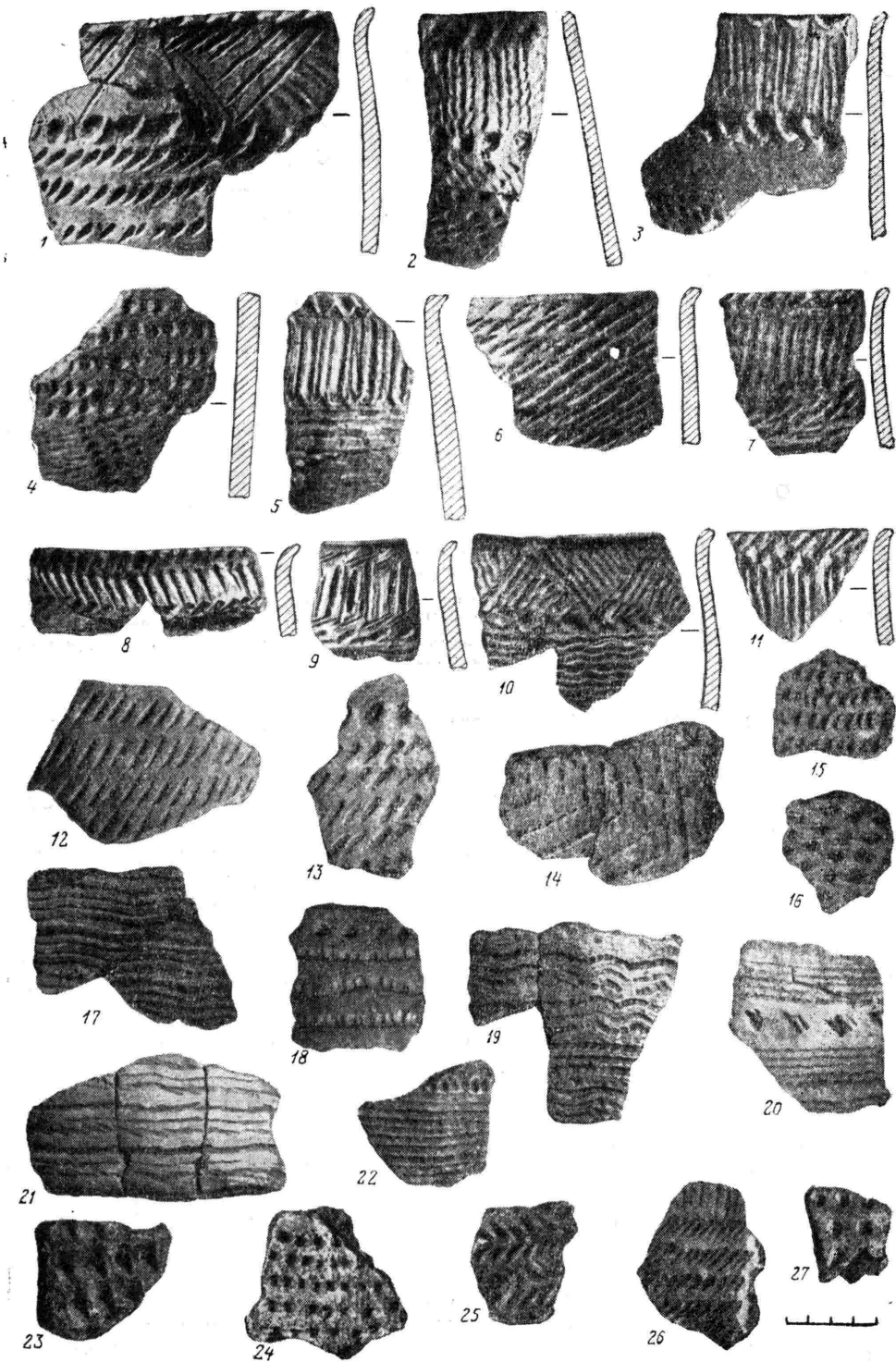

Рис. 40. Керамика с поселения Вишневка I

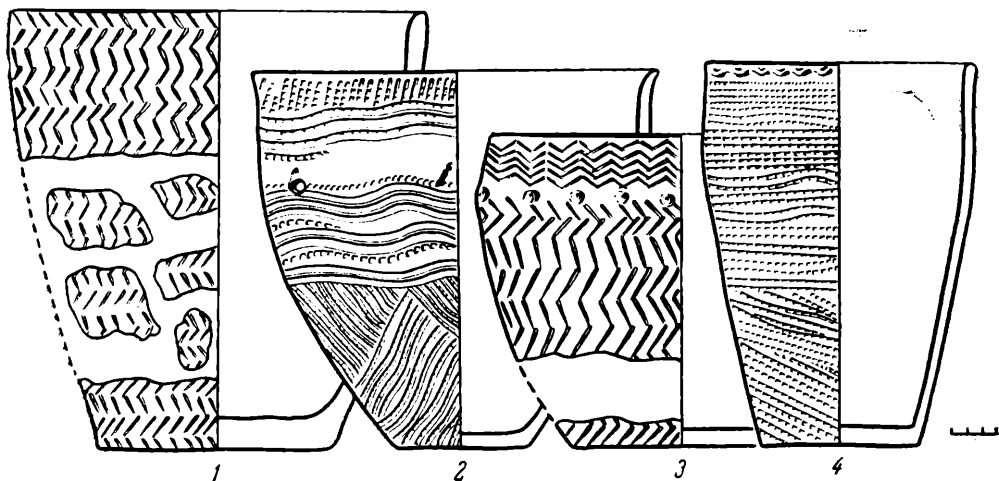

Рис. 41. Керамика с памятников ранней бронзы Северного Казахстана

1 — погребение Бишкуль IV; 2 — поселение Вишневка I; 3 — погребение Вороний Остров; 4 — поселение Карлуга I

ненный рисунок, выполненный вертикальными прямыми или слегка наклонными линиями, изредка встречаются поля заштрихованных треугольников (рис. 40, 3, 5, 7, 10).

Вторую группу составляют сосуды, орнаментированные прочерченной техникой. В целом данная керамика близка первой группе. Узоры также могут быть выполнены двумя способами — гребенкой или палочкой и по своим композиционным мотивам повторяют линейно-накольчатую керамику (рис. 40, 1, 9, 11). Дополнительными элементами являются пояса наклонных линий или вертикальный зигзаг (рис. 40, 25, 26). Следует подчеркнуть, что последние могут быть выполнены плоским штампом, однако он не всегда четко отличается от резки; выделение его в самостоятельную группу затруднено.

Третья группа керамики представлена фрагментами, орнаментированными гребенчатыми вдавлениями. Легкими нажимами короткого штампа выполнены пояски наклонных оттисков, вертикальный зигзаг, «елочка» (рис. 40, 6, 8, 12, 13). На одном фрагменте в качестве гребенчатого штампа использована раковина.

В четвертую группу включена посуда, украшенная ямочными вдавлениями. Формы ямок разнообразны: овальные, треугольные, подквадратные (рис. 40, 16, 18, 23). Интересны вдавления, выполненные косо поставленной трубочкой (рис. 40, 15, 24). Один сосуд украшен ямками, сделанными верхней частью ракушек из рода прудовиков⁵. Орнамент, как правило, состоит из одного элемента и покрывает всю поверхность сосудов, включая дно.

Особую группу составляет керамика с текстильными отпечатками. В пяти случаях отпечатки прослеживаются на внешней и внутренней поверхности сосудов, в остальных только на внешней. Орнаментация бедна. Один фрагмент украшен редкими оттисками трубочки, два — вертикальным зигзагом (рис. 40, 14).

Стратиграфические наблюдения, сделанные при раскопках поселения Вишневка I, позволяют утверждать, что все выделенные группы керамики сосуществовали. Описанный керамический комплекс находит себе аналогии в посуде известных ишимских раннебронзовых поселений Западной

⁵ «Жизнь животных», т. 2. М., 1968, стр. 74, рис. 59.

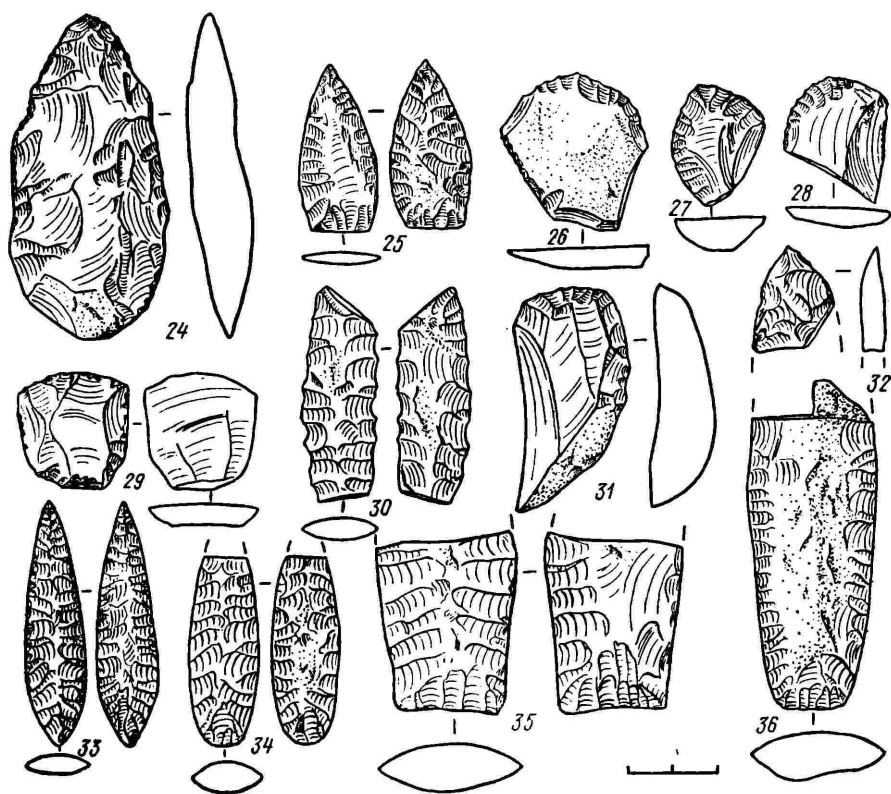
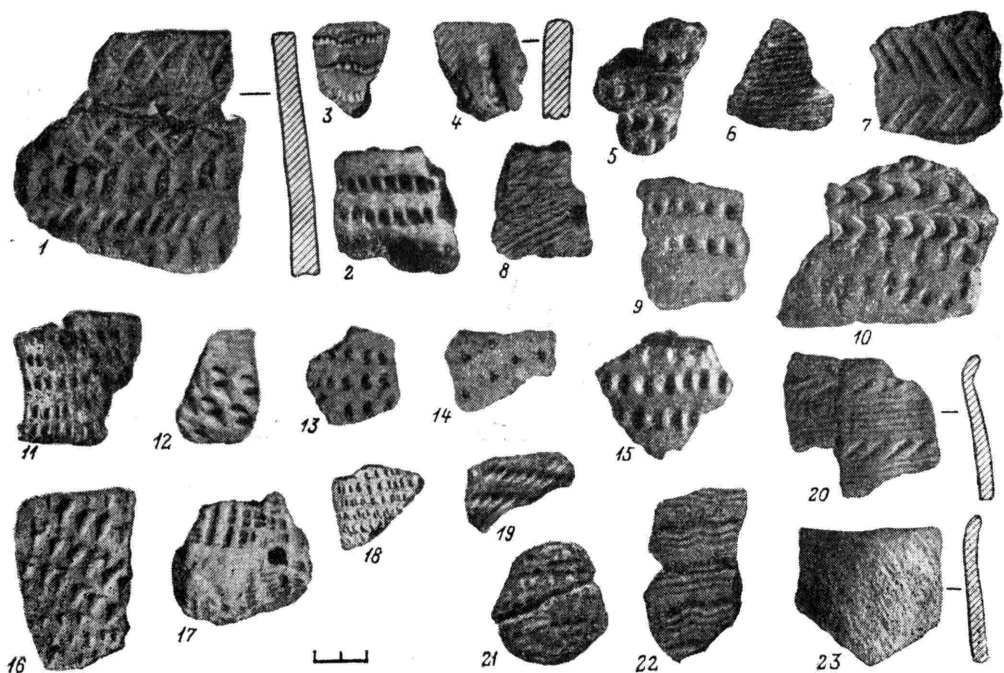

Рис. 42. Керамика и кремень раннебронзовых поселений Северного Казахстана
 1, 2 — Пестрое; 3 — Золотая Осень; 4, 10, 31 — Бишкуль V; 11—14, 32 — Бишкуль I; 15—19, 33, 34 —
 Вишневка II; 20—23 — Петровка I; 24—28 — Вишневка I; 29, 30, 36 — Карлуга I; 35 — Виноградовка VIII

Сибири (Кокуй II, Одино, Логиново)⁶. Их объединяют такие черты, как баночные формы, плоскодонность, общее композиционное построение узоров, наличие текстиля. На сосудах поселения Вишневка I, так же как и на керамике поселения Кокуй II, сочетаются гребенчатые и ямочные орнаменты, встречаются прочерченные узоры, отсутствуют округлые ямки. Однако по сравнению с керамикой западносибирских поселений на Ишиме на вишневской посуде получает дальнейшее развитие техника гребенчатого штампа, который используется как проташенный с акцентированными нажимами.

При сопоставлении вишневской керамики с керамикой других ранне-бронзовых памятников Северо-Казахстанской обл. сразу обращает на себя внимание то обстоятельство, что гребенчатые оттиски встречаются в равной мере на всех поселениях, в то время как соотношение ямочной и гребенчато-накольчатой керамики различно. Последнее позволяет выделить в североказахстанском приишимье две хронологически различные группы памятников.

Наиболее ярким памятником, в котором значительно преобладает ямочная керамика, является Бишкуль V, где на поверхности собрано более 60 фрагментов от плоскодонных сосудов баночной формы. Орнаментированы они вдавлениями различных форм, оттисками наклонно поставленной трубочки (рис. 42, 5, 7, 10). Здесь есть черепки, сохранившие еще неолитическую традицию: узор нанесен отступающей палочкой, образующей ряды горизонтальных и вертикальных линий. Два фрагмента украшены длинным гребенчатым штампом. 80% керамики имеют отпечатки ткани. Фрагменты аналогичной посуды (20 экз.) собраны на поселении Бишкуль I. В тесте одного черепка из этой коллекции обнаружены вкрапления кусочков меди (рис. 42, 11). Наибольшее количество фрагментов с ямочной орнаментацией известно из разветвленных стоянок Вишневка II и на озере Пестром. К архаичной группе керамики примыкают три сосуда из грунтовых погребений (рис. 41, 1, 3). Один обнаружен при раскопках андроновского поселения Бишкуль IV. Недалеко от сосуда в незначительном углублении зафиксированы зола и пережженные кости. Два сосуда, один из которых содержал остатки трупосожжения, получены из разведочного шурфа, заложенного на останце первой террасы р. Ишим в местечке Вороний Остров. Сосуды из грунтовых погребений плоскодонные, баночной формы, стенки покрыты вертикальным зигзагом, выполненным плохо выраженным гребенчатым штампом, днище украшено ямочными вдавлениями. На одном сосуде из Вороньего Острова по верхней части тулова прослеживаются «жемчужины», на внутренних стенках видны отпечатки грубой ткани.

Гребенчато-отступающая керамика получена из шурфов и подъемных сборов на поселении Петровка I (из 50 экземпляров только 3 орнаментированы ямочными вдавлениями). Узоры состоят из горизонтальных или волнистых линий, которые иногда чередуются с рядами наклонных насечек (рис. 42, 20). Около 10% черепков покрыты отпечатками текстиля. К этой же группе относится керамика из разрушенной стоянки «Золотая осень» и сосуд, полученный при раскопках поселения раннего железного века Карлуга I (рис. 41, 4).

Количество каменного инвентаря на стоянках ранней бронзы Северного Казахстана всегда очень незначительно (рис. 42, 24—36). Обычно комплекс состоит из обломков массивных, иногда шлифованных топоров,

⁶ Л. Я. Крижевская. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западносибирского лесостепья. «Сибирь и ее соседи в древности». Новосибирск, 1970, стр. 153—162; она же. Изучение неолита в Южном Зауралье. АО 1965 г. М., 1966, стр. 64—65; В. Ф. Генинг, В. В. Евдокимов. Логиновское городище. ВАУ, вып. 8, 1969, стр. 115—117.

при изготовлении которых использовались естественные формы галек и несколько скребков на грубых отщепках. Как исключение встречаются орудия, выполненные на крупных ножевидных пластинах. С поселения Вишневка II происходят два наконечника стрелы иволостной формы: на Карлуге I найден обломок наконечника копья, сделанного из гранита (рис. 42, 36). Отходы производства практически отсутствуют, а материал, использованный для изготовления орудий, самый разнообразный — сланец, кварцит, гранит, яшма.

Выделение двух хронологически различных групп памятников раннего металла в Североказахстанском Приишимье подкрепляется наблюдениями за изменением и развитием мотивов и техники орнаментации. В комплексах, где преобладает ямочная посуда (Бишкуль V, Бишкуль I, Вишневка II), ей сопутствуют такие неолитические традиции, как орнаментация всей поверхности сосудов одним элементом, отсутствие сложных геометрических узоров, употребление техники «отступающей палочки». Однако датировка этих памятников эпохой раннего металла не вызывает сомнений — здесь отсутствует развитая кремневая индустрия и имеются следы металлургического производства (Бишкуль I). Наиболее близкой аналогией первой группе памятников является поселение Кокуй II, где сочетаются ямочная и гребенчатая орнаментации с незначительным преобладанием последней.

Таблица 1

Поселение Вишневка I. Характеристика орнаментации керамики, %

Элементы узоров											
техника орнаментации	гребенчато-отступающая, отступающе-накольчатая					прочерченная					
	вертикальные линии	горизонтальные линии	наклонные линии	волна	треугольники	вертикальные линии	горизонтальные линии	наклонные линии	волна	треугольники	вертикальный зигзаг
Верхняя часть тулова	32,3	11,2	6,4	6,4	3,2	3,2	1,6	27,4	3,2	1,6	2,6
Стенки		29,5		8	4,9		30,8				
Придонная часть		17,8		3,5	3,5		60				
Дно											

Окончание

Элементы узоров													
техника орнаментации	гребенчато-вдавленная				ямочная						количество фрагментов		
	наклонные отгибки	вертикальный зигзаг	елочка	раковина	овальные	трубчатые	треугольные	звезды	раковина	цилиндрические			
Верхняя часть тулова	8	3,2	0,2	4,8	14,5	4,8	8	40,3	1,6	1,6	62		
Стенки	9,2	0,8			3,2	6,2						1,3	0,1
Придонная часть	3,5				10,7	33,3						33,3	3,5
Дно							33,3				28		
											3		

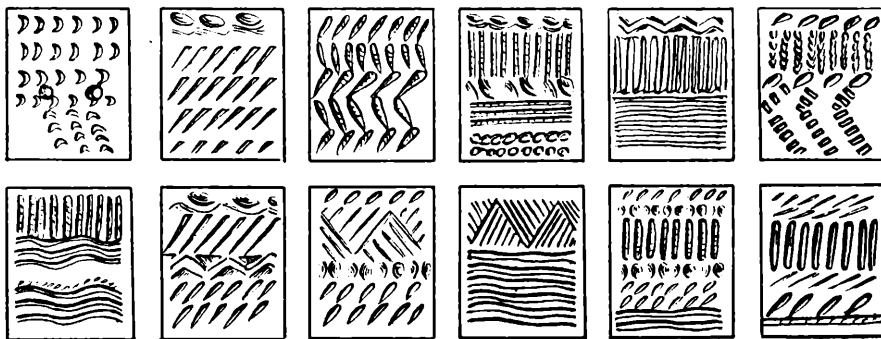

Рис. 43. Поселение Вишневка I. Схема сочетаний элементов орнамента по верхней части сосудов

Во второй группе памятников количество ямочной керамики резко сокращается (Петровка I, Вишневка I и др.), исчезает техника «отступающей палочки», развиваются накольчатые и прочерченные узоры, изменяется техника гребенчатого штампа. Если для ранних комплексов характерны оттиски короткого и длинного гребенчатых штампов, то в поздних резко преобладают узоры, выполненные проташенной гребенкой с акцентированным нажимом. Гребенчато-отступающий орнамент иногда переходит в прочерченный, который получает дальнейшее развитие на алакульской посуде. Последняя группа керамики известна на Иртыше и Оби и получила наименование кротовской. До настоящего времени посуда кротовского типа на Ишиме не была известна, что считалось локальной особенностью района. Памятники Северного Казахстана дают новые материалы, свидетельствующие об общих путях исторического развития племен Обь-Иртышского бассейна в эпоху раннего металла.

Н. Л. ЧЛЕНОВА

СУРТАЙКА — МОГИЛЬНИК КАРАСУКСКОЙ ЭПОХИ
В ПРЕДГОРНОМ АЛТАЕ

Курганный могильник Суртайка находится на территории с. Старая Суртайка Красногорского р-на Алтайского края, в 50 км к юго-востоку от г. Бийска, на второй надпойменной террасе правого высокого берега р. Катунь. Площадь могильника частично занята усадьбами с. Старая Суртайка, частично — современным русским кладбищем. Могильник открыл в 1931 г. С. М. Сергеев, он же вместе с А. П. Марковым в 1932 и 1934 гг. раскопал здесь 25 курганов карасукской и скифской эпох¹. Материал остался неопубликованным. В 1969 г. Алтайским отрядом Западно-Сибирской экспедиции здесь раскопано восемь сохранившихся курганов в северной части могильника (к северу от русского кладбища), между краем террасы и Чуйским трактом², где располагались и курганы карасукской эпохи, раскопанные С. М. Сергеевым. Ниже дается описание курганов карасукской эпохи (курганы без номеров и 10, 11, 14 раскопаны С. М. Сергеевым и А. П. Марковым в 1932 г., курганы 29, 30, 32, 33 — Н. Л. Членовой в 1969 г.).

Курган без №. Раскопан рабочими при прокладке Чуйского тракта в 1931 г. под наблюдением С. М. Сергеева. «В раскопанном кургане на глубине 1,3 м вместе с двумя скелетами человека найдены удила, псалии, серьга и сосуд»³ (рис. 44, 1, 10—13). Других сведений об устройстве кургана нет.

Курган 10 — диаметр 6,5 м, высота 20 см. Раскопан колодцем 2×2 м. На глубине 0,26 м найден разбитый сосуд (рис. 44, 2). «При дальнейшем углублении могильное пятно исчезло, на глубине 0,5 м показалась совершенно нетронутая почва»⁴. С. М. Сергеев считает погребение полностью разграбленным.

Курган 11. Насыпи почти не заметно. Раскопан колодцем 2×2 м с прирезкой 1,2×1 м. Покойник — ребенок 12—14 лет, обнаружен на глубине 0,75 м в юго-западной части колодца. Он был положен скорченно, на правом боку, головой на запад, руки согнуты в локтях и подняты к голове (рис. 45, 1). На груди — бронзовая трубочка и две бронзовые бусины⁵ (рис. 44, 20, 21). Поскольку такие пронизки и такая поза костяка встречаются и в большереченской культуре, курган можно отнести к карасукским лишь условно.

¹ Архив Бийского музея, ДО, ф. 2, д. 6, 18, 30. Вещи и черепа из раскопок С. М. Сергеева частично хранились в БМ, частично были переданы в НсМ (НсМ, 6420—6424, 6410).

² В раскопках 1969 г., кроме автора статьи, участвовали студенты ТГУ В. А. Рябцев и Л. А. Трофимов и сотрудники различных московских учреждений.

³ Архив БМ, ДО, ф. 2, д. 30, стр. 105—106. Вещи в БМ, колл. № 59, инв. № 832.

⁴ Там же, д. 6, л. 18.

⁵ Там же, л. 20, 21.

Курган 14. Диаметр 8,5 м, высота 0,6 м. Верхняя часть насыпи, судя по схематическому профилю кургана в дневнике А. П. Маркова, срезана горизонтальной площадкой диаметром около 1,5 м⁶, что отмечено и на других курганах карасукской эпохи на Алтае. Раскопан колодцем 2×2,2 м. На глубине 0,2 м — «разбитые кости человека», на глубине 38 см — ноги и остатки тазовых костей человека, по их положению можно судить, что покойник похоронен скорченно, на правом боку, головой на запад. У колена правой ноги — сосуд (рис. 45, 2, рис. 44, 7)⁷.

Курган 29 — размерами 8×9 м, высотой 59 см, раскопан на снос, с бровкой север—юг. В готовую насыпь кургана был вкопан каменный ящик из врытых на ребро массивных плит, ориентированный северо-восток—юго-запад. Размеры ящика поверху — 96×120 см, по дну — 112×146 см. Верхние края ящика находились на глубине 14 см от поверхности насыпи, а плиты покрытия, сдвинутые грабителями к северу от могилы, под дерном. На дне была вымостка из мелких плиток, остатки ее сохранились в юго-западном и северном углах ящика. Могила ограблена. На дне ее найдено несколько обломков костей человека плохой сохранности; близ восточного угла могилы, под наклонившейся плитой, лежал сосуд (рис. 44, 6); судя по его положению, можно предполагать, что покойник был положен головой на северо-восток. Снаружи у стенки ящика — крупный валун. На глубине 96 см от 0 по всей площади кургана появился материк. Никаких ям в нем не обнаружено.

Курган 30 — самый большой в этой группе, размеры его: 12 м (север—юг) × 16 м (запад—восток), высота — 110 см. Раскопан на снос. В юго-восточном секторе кургана на поверхность выступают два крупных камня; к юго-востоку от них, в насыпи, на глубине 40 см от поверхности найден стоявший вверх дном разбитый баночный большебереченский сосуд (рис. 44, 9); никаких костей вблизи него не найдено.

В юго-западной части насыпи на глубине 60—70 см от 0 найден разбитый сосуд (рис. 44, 8) и мелкие обломки костей; по-видимому, это разграбленное основное погребение. Поскольку оно было совершено в насыпи, контуры могилы проследить не удалось. Площадь распространения черепков и костей — 1,04 м (север—юг) × 1,6 м (запад—восток).

Курган 32 — размерами 12 м (север—юг) × 11 м (запад—восток), высота 70 см. Раскопан на снос. В центре кургана, в насыпи, обнаружена могила — остаток плохо сохранившейся деревянной рамы трапезной формы, расширенной в юго-западном конце, ориентированной юго-запад—северо-восток, размерами около 1,68 м (длина, юго-запад—северо-восток) × 1,28 м (ширина в юго-западном конце) и более 80 см (ширина в северо-восточном конце). Толщина бревен — до 15 см. В северо-восточном углу могилы — сосуд (рис. 44, 3), в северо-западном углу — обломок кольца из бронзовой проволоки. Могила ограблена. В насыпке и на дне ее найдены лежавшие в беспорядке кости человека. Над могилой, к северо-востоку от нее, в слое дерна найдено скопление зубов лошади и мелких обломков костей. Зубы лошади обнаружены и в других местах кургана, на глубине 29—30 см от поверхности. В северо-западной части кургана, на глубине 39 см от поверхности, найден сосуд (рис. 44, 4); костей и других следов ограбления здесь не обнаружено. Материк — на глубине 1—1,04 м от 0, никаких ям в нем не обнаружено.

Курган 33 расположен к югу от описанных выше курганов, в юго-западном углу современного кладбища, на краю оврага. Размеры задернованного холмика 7,6×6,3 м, высота 33 см. Он был сложен из каменных плит разной величины, расположенных пятью-шестью неправильными концентрическими кругами. В середине кургана плиты были более мелкие и

⁶ Там же, л. 20.

⁷ Там же, л. 20, 21.

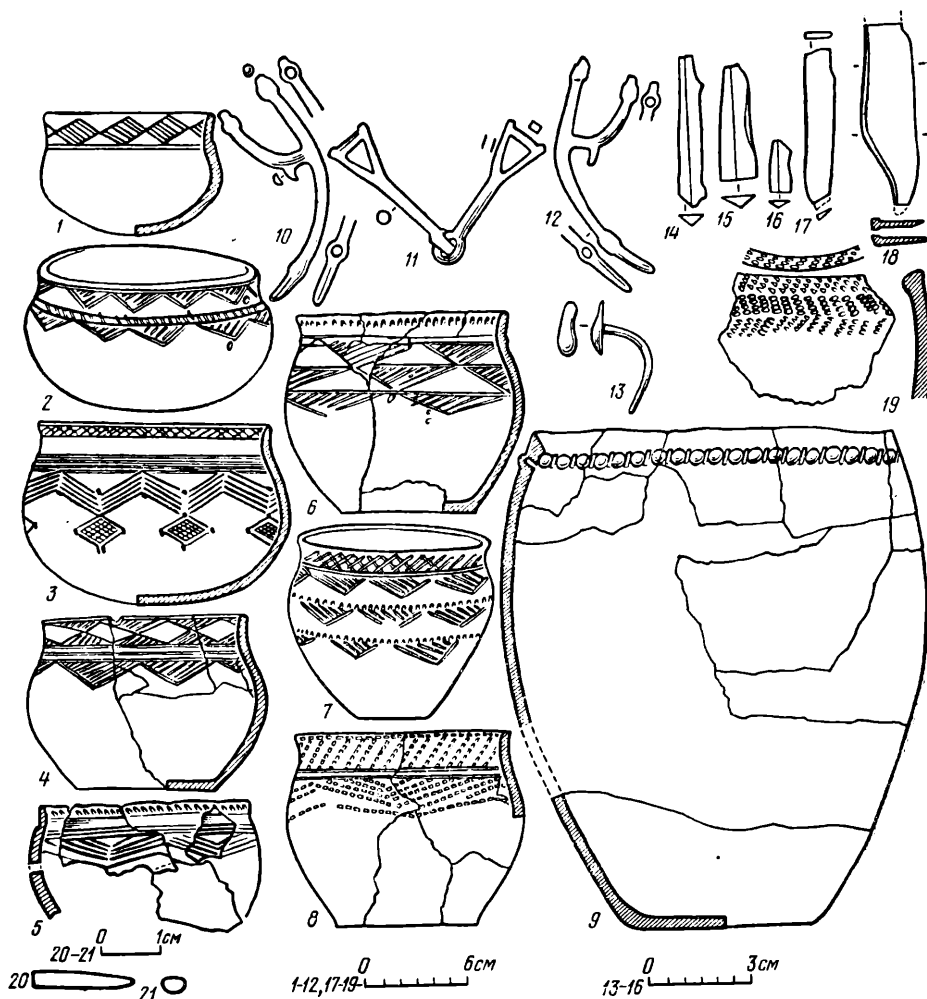

Рис. 44. Инвентарь курганов карасукской эпохи из могильника Суртайка

1, 10—13 — курган без №, раскопки 1931 г.; 2 — курган 10; 3, 4, — курган 32; 5, 17 — курган 33, погребение 3; 6 — курган 29; 7 — курган 14; 8 — курган 30; основное погребение в насыпи; 9 — курган 30, сосуд в насыпи; 14—16, 18 — курган 33, погребение 2; 19 — курган 33, обломок сосуда из насыпи; 20, 21 — курган 11; 10—13, 17, 18, 20, 21 — бронза; 14—16 — кремень; остальное — керамика

лежали плашмя в два-три слоя, а ближе к периферии — более крупные плиты в один слой, врытые на ребро, наклонно. Размеры каменного кургана 5 м (запад—восток) × 4,3 м (север—юг) — меньше задернованного холмика. Кладка кургана в двух местах нарушена грабительскими ходами. Ход 1 находился близ северо-западной периферии кургана, где сразу же под дерном найдена куча костей взрослого человека; черепа и находок не было (погребение 1, рис. 46). Ход 2 — близ центра кургана, в нем до глубины 70 см от 0 находились черепки разбитого сосуда карасукского типа (рис. 44, 5). По снятии каменной насыпи в этом месте, на горизонте, обнаружено потревоженное детское погребение 3 — раздавленный череп, половина нижней челюсти и мелкие обломки костей. К северу от черепа лежал пластинчатый бронзовый нож позднекарасукского или большереченского типа (рис. 44, 17). Можно предполагать, что ребенок был положен головой на запад или юго-запад.

У юго-западной периферии кургана, под каменной насыпью, на горизонте обнаружено непогребенное погребение 2: ребенок одного-двух

лет, положен вытянуто, на спине, ориентирован на юго-восток; у черепа найдены две кремневые ножевидные пластины, третья пластина — у середины правого бедра (рис. 44, 14—16, рис. 45, 3). У пояса, справа, лежал массивный короткий бронзовый нож карасукского типа (рис. 44, 18). Керамики не было.

Среди камней насыпи в северо-западной части кургана найден фрагмент сосуда I тысячелетия н. э., возможно, попавший сюда при ограблении погребений 1 и 3 (рис. 44, 19).

За пределами каменной насыпи найдено еще два погребения — погребение ребенка в гробу-колоде с христианским крестом на груди (погребение 4) и лежавшие в беспорядке кости взрослого вместе с кусками дерева хорошей сохранности (погребение 5). Эти погребения относятся к современному русскому кладбищу.

Дата могильника Суртайка определяется прежде всего инвентарем кургана без № — стремеvidными удилами и У-образными псалями (рис. 44, 10—12). Стремеvidные удила повсюду в степях Евразии датируются VII—VI вв. до н. э.⁸ У-образные псалии известны пока только на Алтае и в Туве, в комплексах того же времени⁹. Этой дате не противоречат и бронзовые ножи из кургана 33 позднекарасукского или майэмирского типа (рис. 44, 17—18), характерные для ирменской культуры Алтая и западносибирской лесостепи¹⁰, и гвоздеvidная серьга, типичная для той же культуры (рис. 44, 13). Дата ирменской культуры — VIII—VI вв. до н. э. — обоснована в специальной статье¹¹.

Каменный курган 33 могильника Суртайка находит аналогии в памятниках Минусинской котловины и Тувы VIII—VII вв. до н. э. (см. ниже, стр. 103—105). Наконец, не исключено, что основное погребение кургана 30 с сосудом карасукского типа (рис. 44, 8) синхронно сосуду большереченской культуры (рис. 44, 9) в насыпи того же кургана, представляющему собой, может быть, следы тризны.

Ввиду отсутствия в могильнике Суртайка характерных вещей именно VIII в. до н. э. правильнее, видимо, датировать его VII—VI, а не VIII—VII вв. до н. э.

Находка кремневых ножевидных пластин в комплексе столь поздней эпохи (рис. 44, 14—16) — явление совсем не исключительное. В Минусинской котловине, в карасук-тагарском могильнике Монок VIII—VII вв. до н. э. такая пластина была найдена (и также у бедра покойника) в погребении с карасукской бляшкой — пуговицей, тагарским сосудом и бронзовым пластинчатым ножом, какие часто встречаются и в ирменских комплексах¹². Ножевидные пластины обычны на дяковских городищах¹³;

⁸ А. А. Иессен. К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге европейской части СССР. СА, т. XVIII, 1953, стр. 102.

⁹ J. Aspelin. Antiquités du Nord Finno-Ougrien. Helsingfors, 1877, p. 65, fig. 285—288; М. П. Грязнов. Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае. КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 10, рис. 3, 9; стр. 11, рис. 4, 3—5, 9; А. Д. Грач. Исследования на Куйлуг-Хеме и Алды-Беле. АО 1967 г. М., 1968, стр. 171—172.

¹⁰ Камышенка и Красный Яр, раскопки С. М. Сергеева, 1930; Ближние Елбаны IV, раскопки М. П. Грязнова, 1946—49 (М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1952, стр. 31, рис. 7, 6, 7; рис. 8, 9, табл. V, 21); Пьяново, Ивано-Родионово (А. И. Мартынов. Карасукская эпоха в Обь-Чулымском междуречье. «Сибирский археологический сборник», вып. 2. Новосибирск, 1966, стр. 169, рис. 4—4, 5, 22, 24); Плотинная, могила 23, раскопки А. П. Уманского, 1968 (БарнПИ); Милованово, 1, курган 1, раскопки Т. Н. Троицкой, 1967.

¹¹ Н. А. Членова. Датировка ирменской культуры. «Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири». Томск, 1970, стр. 133—149.

¹² Н. Appelgren-Kivalo. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Helsinki, 1931, S. 20—21, Abb. 247, 249, a—d.

¹³ Доклад К. А. Смирнова в секторе скифо-сарматской археологии Института архео-

пластины — вкладыши серпов — встречаются на чернолесских городищах¹⁴; изделия из камня (ножевидные пластины, вкладыши для серпов, наконечники стрел и пр.) обычны в кизил-кобинской культуре Крымга¹⁵ и т. д.

Керамика могильника Суртайка и остальной инвентарь (ножи, гвоздевидная серьга, трубочки-пронизки) обнаруживают большую близость к инвентарю ирменских могильников западносибирской лесостепи (Красный Яр, Преображенка-3, Ордынское, Милованово¹⁶, Плотинная¹⁷, Пьяново, Ивано-Родионово¹⁸). Это относится и к форме, и к орнаменту сосудов. Пять сосудов из Суртайки — горшковидные (рис. 44, 4—8), форма — обычная для ирменской культуры и необычная для карасукской культуры Минусинской котловины. Вторая группа суртайской керамики — круглодонные сосуды (рис. 44, 1—3) — также известна в ирменской культуре. Она редко встречается в поселениях (Осинцева¹⁹, Красноозерье²⁰, Ирмень²¹, Чучка-7²², Еловка²³), чаще — в могильниках (Преображенка-3²⁴, Еловка²⁵, Пьяново, Ивано-Родионово²⁶, Плотинная²⁷), но везде составляет небольшой процент. В Суртайке ее неожиданно много (три сосуда из восьми, т. е. $37,5\% \pm 17,1$), но небольшое общее количество сосудов, как и небольшое число раскопанных погребений в каждом из перечисленных ирменских могильников, не позволяет пока утверждать, что процент такой керамики в Суртайке существенно отличается от процента ее в ирменской культуре западносибирской лесостепи. Все же на этот факт следует обратить внимание в той связи, что Суртайка ближе многих других ирменских могильников от Минусинской котловины, где круглодонная керамика решительно господствует в карасукской культуре.

Орнаментация сосудов из Суртайки также очень близка к ирменской. У всех сосудов орнаментирована шейка — это особенность ирменской керамики, отличающая ее от карасукской Минусинской котловины. Орнамент шести сосудов выполнен тонкой и глубокой нарезкой; нарезные линии на сосудах карасукской культуры гораздо толще. На двух сосудах (рис. 44, 7, 8) орнамент выполнен гребенчатым штампом. Характерный элемент орнамента на шейке и тулове — низкие равнобедренные треугольники, заштрихованные параллельно одной из боковых сторон (на четырех сосудах — рис. 44, 2, 4, 6, 7). Для карасукской культуры характерны более высокие треугольники. Три суртайских сосуда по плечам украшены зигзагами (рис. 44, 3, 5, 8), два — ромбами (рис. 44, 1, 3). В углах и вершинах треугольников, ромбов и зигзагов — каплевидные ямки (рис. 44, 2, 3, 6), венчик, заштрихованный сеткой (рис. 44, 7), узкие заштрихо-

логин АН СССР 16 декабря 1970 г. о раскопках на городище Дьяков лог в г. Кимры.

¹⁴ А. И. Тереножкин. Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 84.

¹⁵ А. М. Лесков. Горный Крым в I тысячелетии до н. э. Киев, 1965, стр. 101—103.

¹⁶ Раскопки Т. Н. Троицкой, 1960—1967 гг. Материалы в НСМ и НСПИ.

¹⁷ Раскопки А. П. Уманского, 1968—1969 гг. Материалы — в БарнПИ.

¹⁸ А. И. Мартынов. Указ. соч.

¹⁹ Н. А. Членова. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. СА, т. XXIII, 1955, стр. 50, рис. 7, 11.

²⁰ Раскопки В. И. Матющенко. Ом, шифр 108, КОО, К—1.

²¹ М. П. Грязнов. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири. КСИИМК, вып. 64, 1956, стр. 35, рис. 10, 2, 3.

²² Раскопки Т. Н. Троицкой, 1961 г., НСМ, шифр 10752/3

²³ Раскопки В. И. Матющенко. МИМК ТГУ, шифр Е—267 и др.

²⁴ Раскопки Т. Н. Троицкой, НСПИ, без шифра.

²⁵ Раскопки В. И. Матющенко. Шифры: ЕК II, курган 1, МИМК ТГУ, 6992—2; ЕК II, курган 5, кв. 52; ЕК II, курган 12, М 2; ЕК II, курган 18, М 3; ЕК I, курган 14, М. 2, № 1; В. И. Матющенко. Исследование Еловского могильника. «Из истории Сибири», вып. 2. Томск, 1969, табл. 26, 1, 2.

²⁶ А. И. Мартынов. Указ. соч., стр. 167, рис. 3, 2, 4, 5; рис. 3, 1, 3, 10.

²⁷ Могила 7, 11, 12. Раскопки А. П. Уманского, 1968 г.

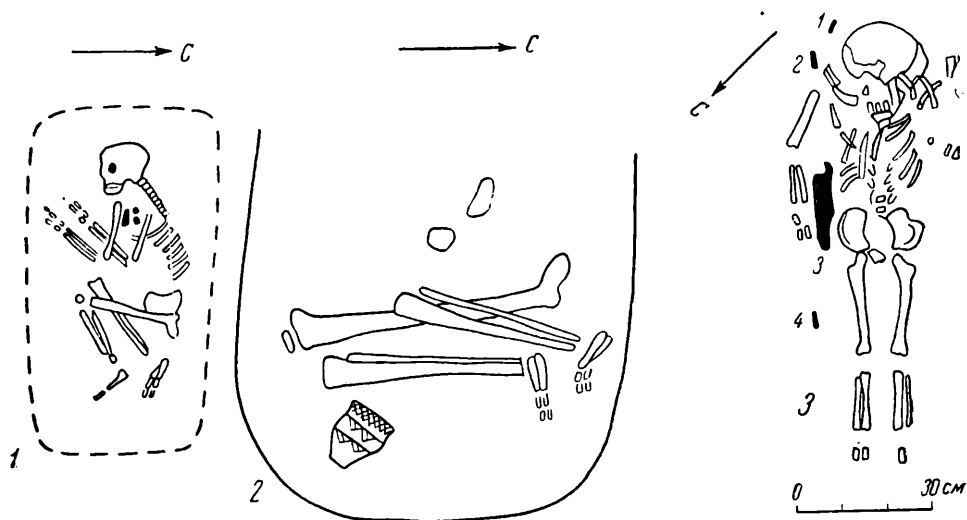

Рис. 45. Погребения могильника Суртайка

1 — погребение в кургане 11; 2 — погребение в кургане 14; 2 — по рис. С. М. Сергеева; 3 — погребение 2 в кургане 33

ванные пояски (рис. 44, 2, 3) — все это характерные особенности ирменской орнаментики, отличающие ее от карасукской.

Все сказанное позволяет сближать керамику Суртайки с ирменской. Но лишь один сосуд из Суртайки (рис. 44, 4) по форме и по композиции орнамента полностью идентичен ирменским²⁸, все же остальные имеют набор элементов ирменской орнаментики, но композиция этих элементов несколько отлична от ирменских композиций; пропорции суртайских горшков (рис. 44, 6—8) также несколько отличны от ирменских.

Могильник Суртайка отличается разнообразием погребальных сооружений: погребения на горизонте, грунтовые могилы, деревянная рама, каменный ящик. Последние три типа погребений совершены в насыпи кургана; могилы в материке под курганной насыпью совершенно отсутствуют, хотя этот обряд характерен для «раннекочевнических» погребений того же могильника. Интересно, что тот же обряд, когда могила роется в заранее насыпанном кургане, характерен и для могильника Камышенка (Северный, лесной Алтай) и прослежен также в ирменском могильнике Преображенка²⁹. В ирменских могильниках покойника обычно хоронят скорченно, на боку (чаще на правом), головой на запад или юго-запад. В могильнике Суртайка в трех случаях из пяти известных покойники лежат скорченно, на правом боку, головой на юго-запад (курганы 11, 14, 32), в одном случае — на левом боку, головой на северо-восток (курган 29) и в одном случае — вытянуто (курган 33, погребение 2). В пяти случаях из шести известных покойники лежали головой на юго-запад и запад, в одном — на северо-восток (курган 29). Погребений в каменном ящике, покрытом плитой (как в кургане 29), на Алтае в карасукскую эпоху пока больше неизвестно. Этот обряд характерен для карасукской культуры Минусинской котловины. Возможно, это объясняется и тем, что поблизости, в нескольких десятках метров, имеются выходы камня, а в более северных районах камня нет.

Каменный курган 33 необычен для карасукской эпохи любой территории. В Минусинской котловине известны лишь три аналогии: улус Фе-

²⁸ Ср., например, идентичный сосуд из Ирмени (М. П. Грязнов. Указ. соч., стр. 10, 1).

²⁹ Раскопки Т. Н. Троицкой, 1968 г. Архив ИА, р-1, д. 3705, стр. 13, 14; д. 3705а.

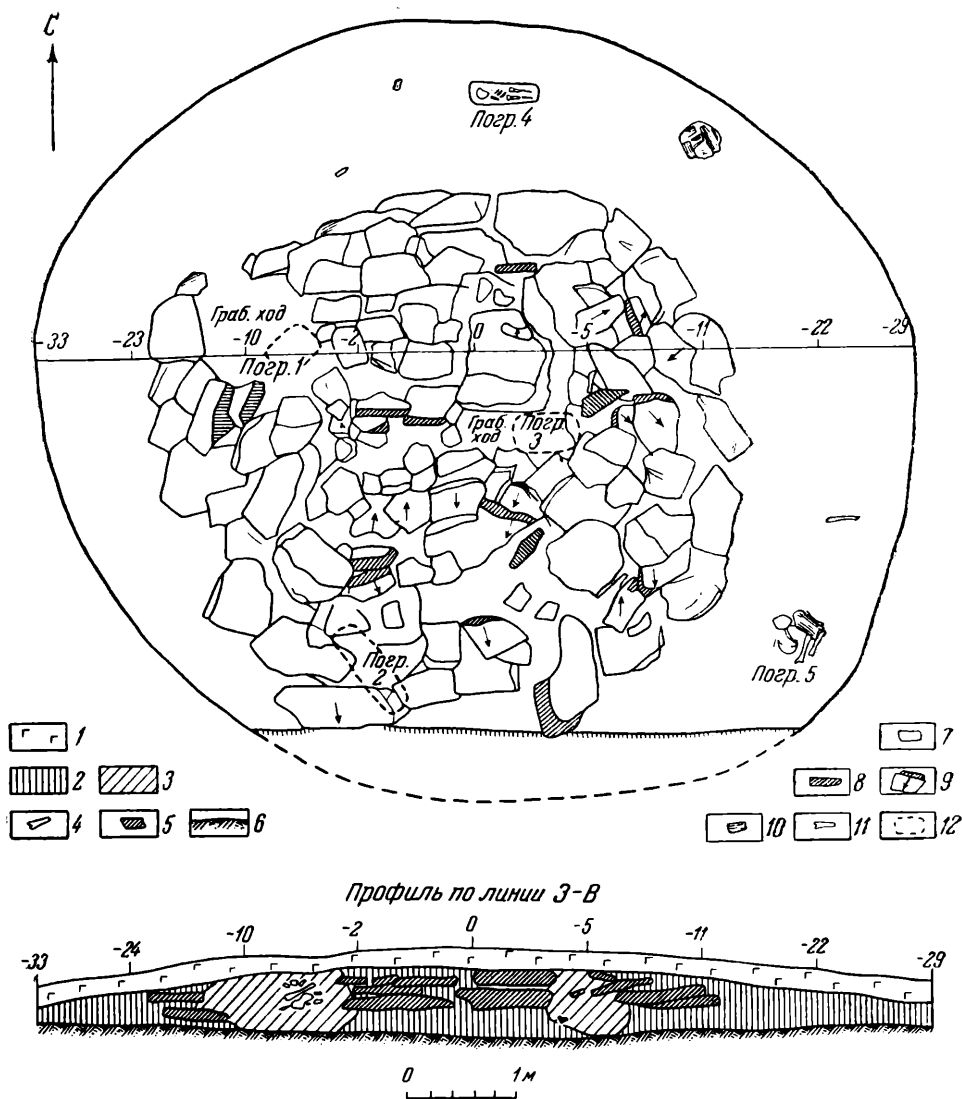

Рис. 46. План и разрез кургана 33 могильника Суртайка

1 — дерн; 2 — чернозем; 3 — заполнение ямы; 4 — кости; 5 — плита; 6 — материк; 7 — плита, лежащая плашмя; 8 — плита, врытая вертикально; 9 — плита, врытая наклонно; 10 — дерево; 11 — кость; 12 — погребение

доров, Барсуциный лог (луговская культура, синхронная карасукской)³⁰ и Капчалы III (карасук-тагарский могильник)³¹. Два каменных курганчика раннескифской эпохи, где в инвентаре еще сохранились карасукские черты, известны в Туве (Зубовка, Бош-Даг)³². Все приведенные кур-

³⁰ А. Н. Липский. Афанасьевское в карасукской эпохе и карасукское у хакасов. «Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края». Красноярск, 1963, стр. 57; Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени в Минусинской котловине. СА, 1963, № 3, стр. 65.

³¹ В. П. Левашова. К вопросу о местных особенностях в погребениях тагарской культуры. СА, 1958, № 1, стр. 171—174; Н. Л. Членова. Памятники переходного карасук-тагарского времени. . ., 1963, табл. 2 и стр. 56—60, 65.

³² Н. Л. Членова. Первые комплексы раннескифского времени из Тувы. КСИА, вып. 107, 1966, стр. 47.

ганы малы, как и в Суртайке (4,2—11 м в диаметре, 0,25—0,5 м высотой), в отличие от более крупных и высоких каменных курганов скифской эпохи Алтая и Тувы. В перечисленных каменных курганчиках, как и в кургане 33 в Суртайке, мало керамики или вовсе ее нет. Эта особенность характерна и для некоторых других памятников, с другими погребальными сооружениями (Березовка I на Алтае, в 10 км к северу от Суртайки, земляные курганы 2, 3, 7, 13, 19³³; Зевакино в Восточном Казахстане, на Иртыше, каменные оградки)³⁴. Все перечисленные памятники датируются VIII—VII или VII—VI вв. до н. э.

Таким образом, курган 33 могильника Суртайка входит в круг определенных памятников VIII—VI вв. до н. э. Алтая, Тувы и Минусинской котловины, в котором иногда встречаются и каменные курганы.

Итак, по ряду особенностей обряда погребения и инвентаря (погребения в насыпи кургана, а не в ямах на горизонте, западная и юго-западная ориентировка, преобладающее положение покойника — скорченное, на правом боку, форма ножей и гвоздевидной серьги, форма, техника нанесения и основные элементы орнамента керамики) могильник Суртайка сближается с ирменской культурой более, чем с какой-либо другой. Однако по другим особенностям (использование камня в погребальных сооружениях, разнообразие погребальных сооружений, несколько отличные композиции орнаментов и пропорции одной из форм сосудов) он отличается от типичных ирменских могильников западносибирской лесостепи и более северных алтайских (как Плотинная, Нижняя Суетка, Камышенка) и может быть определен как памятник одного из вариантов ирменской культуры³⁵.

Расположение могильника в предгорьях Алтая, использование камня в погребальных сооружениях позволяют предполагать, что отличия его от других ирменских памятников объясняются, хотя бы отчасти, его близостью к Горному Алтаю, где могла существовать особая культура карасукского круга, пока нам неизвестная. Положение могильника Суртайка среди других ирменских могильников станет более ясным, быть может, и после обработки его небольшого краниологического материала, и после сравнения его с другими ирменскими черепами.

³³ В. Н. Полторацкая. Могильник Березовка I. «Археологический сборник ГЭ», № 3. Л., 1961, стр. 74—83.

³⁴ Ф. Х. Арсланова. Раскопки в Восточном Казахстане. АО 1968 г. М., 1969, стр. 403; Отчеты Ф. Х. Арслановой за 1967 и 1968—1969 гг. в архиве ИИАЭ АН Каз. ССР.

³⁵ М. П. Грязнов (указ. соч., стр. 36) относит памятники эпохи поздней бронзы на Алтае (Камышенка, Красный Яр) к верхнеобскому варианту карасукской культуры. Автор настоящей статьи выше постарался доказать значительно большую близость могильника Суртайка к ирменской культуре, чем к карасукской. Более северные алтайские памятники Камышенка, Красный Яр и другие обнаруживают еще большее сходство с ирменской культурой, чем Суртайка.

А. А. МАРТИРОСЯН, А. О. МНАЦАКАНЯН

ПРИЕРЕВАНСКИЙ КЛАД ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ

Осенью 1967 г. в восточной части селения Джрашен, в местности Баракнер, в 3 км к востоку от знаменитой урартской крепости Эребуни-Ереван учащиеся средней школы обнаружили клад уникальных металлических изделий. Обстоятельства находки, хорошая сохранность, красивая патинизация привели к тому, что обнаруженные вещи моментально разошлись по рукам. Впоследствии части этого клада благодаря усилиям любителя-краеведа Э. М. Оганесяна оказались в Государственном историческом музее Армении и в Институте археологии и этнографии АН Армянской ССР.

На местности удалось проследить наличие погребений, сложенных из каменных плит и не совсем определенных остатков жилищ, характер которых можно будет выяснить лишь раскопными работами. В поставленном контрольном шурфе были дополнительно обнаружены четыре орудия этого клада.

Состав приереванского клада настолько значителен количественно и характерен своими формами, что отнесение его к определенному комплексу металлургии древней бронзы не вызывает никаких сомнений.

Клад этот состоит из обсидиановой пластиночки с ретушированными краями, десяти плоских тесел, проушного топорика и восьми боевых топоров или клевцов. Основные три вида металлических изделий клада широко известны в археологии Кавказа, Передней Азии, Европы, и вряд ли имеется необходимость слишком детального их разбора. Скорее следует остановиться лишь на самых их существенных признаках.

Плоские, очень крупные, сильно удлинённые тесла клада (рис. 47) принадлежат к числу литых орудий варьирующих размеров, имеющих расширенно-сегментовидную заостренную лезвийную часть (в четверть круга) и суживающиеся прямой корпус и рукоять. Рукоять всех тесел сильно притуплены односторонними ударами молотков, а лезвийные части имеют зазубрины. Наружные поверхности орудий несколько выгнуты с целью придания большей прочности при употреблении. Вполне возможно, что описанные тесла являются позднейшими завершёнными дериватами позднеолитических или энеолитических каменных орудий, представленных в двух экземплярах в материалах раннеземледельческого поселения Техута¹ и широко распространенных в синхронных Техуту или более ранних поселениях Армении Мюкаванк и Закавказья², Месопотамии и Восточного Средиземноморья (Хассуна, Обейд, Мерсин)³. Во всяком случае мы можем отметить, что ранние образцы металлических

¹ Р. М. Торосян, Раскопки поселения Техут. ИФЖ, 1968, № 1, стр. 265 (на арм. яз.).

² К. Хекушарева, Т. Н. Чубинишвили. Древние культуры Южного Кавказа. Л., 1970, рис. 5, 21—23; рис. 18, 14—16.

³ Там же.

тесел, весьма близких к ереванским, появились уже на заре древневосточной цивилизации в материалах Тель-Халафа (V тысячелетие до н. э.), в Северной Месопотамии, очень тесно связанной с Армянским нагорьем, а также амратской и позднегерцейской культурах додинастического и раннединастического Египта, в эпоху становления скотоводства и земледелия.

Возникнув однажды, тип этого орудия продолжает свое существование и в Египте, и в Передней Азии, появляясь то в комплексах изделий эпохи возвышения фараонов (гробница Хемаки), то в Сузиане, то в сравнительно поздних комплексах Ирана (Сиалк-III), то в различных частях Месопотамии, Армении, Закавказья и Северного Кавказа.

Близко связаны с рассматриваемыми изделиями нашего клада многочисленные медные тесла больших кубанских курганов Майкопа, Привольного, Келермеса, Константиновской, Костромской, которые сосуществуют с металлическими изделиями последней трети III и самого начала II тысячелетия до н. э. Подобная датировка упомянутых северокавказских комплексов хорошо аргументирована А. А. Иссенем, сопоставившим их с материалами Трои, Кархемыша, Тиль-Барсиба, Аладжа-Уюка времен Акжадской династии⁴.

Сходные тесла известны также в Усатовском и Сталинградском погребениях, в Закавказье — в случайных находках в Сачхери⁵. Эти последние происходят, по всей вероятности, из курганов второй половины III тысячелетия, один из которых содержал довольно устойчиво датированный комплекс металлических изделий, в частности, медное штыковидное копье периода правления в Элане Пузур Шушинака (XXII в. до н. э.), и весьма характерную черную блестящую керамику конца III тысячелетия до н. э.

В дальнейшем своем развитии рассмотренные выше большие тесла в отличие от боевых топориков сохраняются очень долго, вплоть до середины I тысячелетия, претерпевая ряд изменений. Трансформация продолжается в сторону уменьшения корпуса орудия, облегчения веса и улучшения форм и качества металла. В середине II тысячелетия до н. э. существовала усовершенствованная форма тесла в комплексе орудий богатого Кироваканского кургана⁶, а в конце II — первой половине I тысячелетия до н. э. появляются сотни орудий модернизированных и завершенных форм. При этом подобный путь развития проходят очень многие передневосточные и малоазиатские сходные типы плоских тесел.

Топоры-клевцы древневосточного типа (рис. 47, 6—19) составляют почти половину изделий приереванского клада. Это довольно универсальные инструменты (скорее всего боевые), комбинирующие в себе по обеим сторонам обушного круглого отверстия топор и клевец. Все восемь экземпляров имеют различные размеры, следовательно, отлиты в разных формах. Длина самого большого 28,5 см. В постепенном уменьшении остальные топоры имеют следующие размеры в длину (в см): 24; 23,5; 22; 21,5; 20,5; 19. Судя по моделировке, все они отлиты в одной мастерской и, вероятно, одним мастером. Среди этих изделий можно различить два варианта лишь по наружным формам обушка, приближающимся в одном случае к плавному овалу, в другом — к ромбу. Тыльная сторона всех экземпляров вогнута (при литье), лицевая — выпукла.

⁴ А. А. Иссен. Из истории древнейшей металлургии Кавказа. ГАИМК, вып. 120, 1935, I—II этапы; он же. К хронологии больших кубанских курганов. СА, XII, 1950, стр. 171—172, 191—192.

⁵ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триаleti, т. I. Тбилиси, 1941, рис. 106; он же. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 г. в Юго-Осетии и Имеретии. Тбилиси, 1949, стр. 67—77.

⁶ А. А. Мартиросян. Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1964, стр. 64—65, рис. 31.

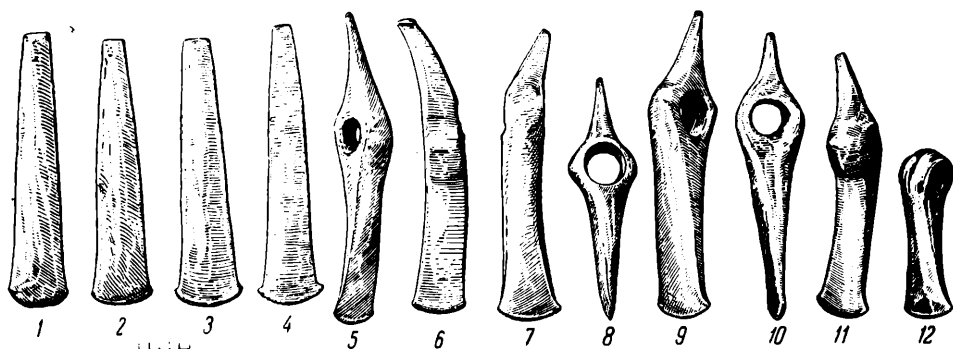

Рис. 47. Вещи из Приереванского клада

Из Армянской ССР происходят еще два топора-клевец (Алаверди и Ленинакан), вместе с которыми общее количество их в Восточной Армении доходит ныне до десяти. Подобные закавказские находки известны на территории Южной Грузии и как будто концентрируются вокруг одного меднорудного производственного очага. Это топоры-клевцы из Пинезаури Джанисского р-на, три беспаспортных клевец из Тбилисского музея и один из Тианетского р-на Кахетии, выпадающий из серии североармянских и южногрузинских. Все они поразительно сходны как с алавердским экземпляром, так и с приереванскими находками и вполне возможно, что происходят из единого центра производства, каковым мог являться в данном случае алавердский очаг древней металлургии.

В целом из отмеченных районов Восточной Армении и Южной Грузии происходят 15 топоров-клевцов, т. е. почти половина всех образцов этого типа оружия, известных в Европе, Азии и на Кавказе. Независимо от того, где и как возникли прототипы и первые образцы этих форм, мы можем констатировать факт наличия в III в. до н. э. большого центра местного производства.

Общий ареал этого типа оружия охватывает широкие районы востока и запада. В пределах Передней и Малой Азии они были встречены в третьем слое Тепе-Хиссар, во втором слое Хиссарлика, в Тепе-Сиалке, Астерабаде, в Мохенджодаро и в критских памятниках среднеминойского периода. Эти сопоставления очерчивают два вписанных друг в друга ареала культуры с близкими истоками, но с несколько разным хронологическим оттенком развития отдельных очагов производства.

На территории Европы близкие варианты однотипных комбинированных топоров встречены в Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Румынии, Галиции и в других местах. Из восточноевропейских аналогий заслуживает упоминания медный клевец из Киевщины (сел. Варемье), территориально и морфологически наиболее близкий к вышеописанному. Т. С. Пасек относит его к усатовскому этапу позднетрипольской культуры (начало или середина II тысячелетия), а Б. А. Куфтин — к собственно трипольской культуре. На Северном Кавказе известен лишь один экземпляр этого типа оружия. Происходит он из Майкопского кургана, в комплексе которого отмечены привезенные с юга изделия, несомненно, относящиеся к последней четверти III тысячелетия до н. э.

О культуре боевых топоров было высказано чрезвычайно много соображений, связанных с миграциями ранних индоевропейских племен в самых различных направлениях. Все эти соображения остаются гипотетическими, более того, недоказуемыми. По словам Г. Чайлда, «... черты, общие для всех культур боевых топоров, слишком немногочисленны и слишком расплывчаты, чтобы служить достаточным основанием для предположения миграций в каком бы то ни было направлении. Во всяком слу-

чае советские археологи поставили это предположение под сомнение и попытались объяснить наблюдаемое сходство, не прибегая к миграциям»⁷. Продолжая поиски истоков происхождения культур боевых топоров, ученый утверждает, что «такой источник следует искать либо в области распространения дунайской культуры с ее продолжением на Украине, либо за Кавказским хребтом и за Черным морем, на Древнем Востоке»⁸. На древневосточном источнике происхождения боевых топоров рассмотренного выше типа останавливается также Б. А. Куфтин. Его утверждение сводится к следующему: поскольку в Закавказье известны оба типа древнешумерийских топоров с мотыгообразной и топоровидной рабочей частью, а в Европе один из них отсутствует, можно предположить, что медные клевцы проникли в область Восточной Европы из Закавказья⁹. Это меткое наблюдение вряд ли можно оспаривать.

Что касается вопроса происхождения закавказских или вообще древневосточных топоров-клевцов, то здесь скорее приемлемо почти одновременное, но полицентрическое их возникновение в пределах больших культурных ареалов, какими могли быть, например, междуречья Тигра и Евфрата, Аракса и Куры. Такая точка зрения может найти подтверждение не только в отсутствии полного типового и вариационного однообразия в топорах-клевцах общедревневосточного ареала, но главным образом и в том, что в некоторых районах Востока и Запада эти орудия все же имеют свои прототипы в неолитических и энеолитических культурах. К числу таких районов относится и Армения. Здесь ныне известно три каменных топорика, близкостоящих к вышеописанным бронзовым по формально морфологическим признакам. Наиболее древним из них является топорик из Хатунархского поселения V тысячелетия до н. э., датированного образцами халафской керамики¹⁰. Второй экземпляр происходит из Эчмиадзина, вероятнее всего, поселения энеолитического или раннебронзового периода¹¹. Третий образец известен из Шенгавитского поселения III тысячелетия до н. э. и до сих пор остается неопубликованным. Количество указанных каменных топоров пока еще невелико, но это следует объяснить малой изученностью ранних поселений.

Остановимся на единственном боевом топорике клада, имеющем слегка вислый обухок с круглым отверстием, почти вертикальное тулово и закругленное отточенное лезвие. Длина топорика 13 см, ширина лезвия — 4 см (рис. 47, 13). В эпоху древней бронзы на территории Передней Азии, Армянского нагорья, Кавказа и Европы были распространены различные варианты вислобушных топоров. Достаточно упомянуть здесь соответствующие образцы из шумерских городов Лагаша, Киша, Ура, из Элама (Тепе-Али-абад), Луристана, Абхазии, Северного Кавказа, Кубани, волго-камских и придунайских районов, чтобы убедиться в их широкой распространенности¹².

Разумеется, наиболее близкие аналогии топорiku приреванского клада происходят из Закавказья, в частности из Армянского нагорья. Эти параллели весьма интересны тем, что позволяют высказать некоторые догадки. К числу этих аналогий относятся два каменных обухных топорика из селений Кети и Ганлиджа Ленинанканского р-на. При этом ганлифийский образец весьма приближается к публикуемому, а второй

⁷ Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952, стр. 243.

⁸ Там же, стр. 245.

⁹ Б. А. Куфтин. Археологические раскопки. . . , стр. 54.

¹⁰ Этот топорик найден Р. М. Торосьяном, наряду с другими каменными орудиями, при раскопках в 1970 г.

¹¹ С. А. Сардарян. Первобытное общество в Армении (на арм. яз.). Ереван, 1967, табл. 47, рис. 1.

¹² Полную сводку закавказских вислобушных топоров см.: К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили. Указ. соч., стр. 121—125, рис. 41.

(кетийский) прямо повторяет строение тулова и обушка джарашенского металлического экземпляра. На этом основании можно высказать предположение, что вислообушные металлические топорики Армении, так же как тесла и клевцы, происходят именно от каменных прототипов местного производства, сохранивших свое существование вплоть до III тысячелетия до н. э.

Сходство каменных и металлических вислообушных топоров Армении подтверждается и при изучении металлического топора Леникананского краеведческого музея, одинаково близкого к кетийскому каменному и приереванскому металлическому экземплярам по строению клиновидной, почти вертикальной лопасти, откованного лезвия и слегка вислого обушка.

Совершенно аналогичными чертами строения наделены также гипсовые отливки боевых топориков, сделанные в каменной и глиняной литейных формочках, обнаруженных при раскопках Шенгавитского и Гарнийского поселений древнебронзовой эпохи. Отнесение этих формочек примерно к середине III тысячелетия до н. э. не вызывает сомнений. Гипсовая отливка топора в гарнийской форме имеет почти прямую параллель в проушном топоре сел. Брдадзор¹³, в зоне интрузива Алавердских руд, на границе современных Армянской и Грузинской ССР. Кажется, несколько более развитым и поздним вариантом описанного основного типа боевых топориков является топор из Эчмиадзинского музея, который отличается более вислым обушком с овальной формой отверстия и более удлиненно-вертикальной лопастью. Этот экземпляр указывает на дальнейшее развитие изначальной формы на местной почве. Несколько иной вариант образует на территории Армянского нагорья топорик из Караза, близ Эрзерума, более близкий к серии кавказских топориков.

В пределах Закавказья и Северного Кавказа довольно близкие варианты описанного типа боевых топориков располагаются с юга на север примерно в следующем чередовании: к северу от Брдадзора из сел. Меджерисхеви Горийского р-на Грузинской ССР известен боевой вислообушной топор с несколько более широкой лопастью по сравнению с вышеприведенными¹⁴. К северо-западу близкие варианты встречаются в эшерских дольменах Абхазии, в поселке Кюрдере. Они происходят из дольменных погребений¹⁵ и являются как бы промежуточными (строением обушка и лопасти) между вышеописанной группой прямолопастных топоров и топоров с несколько изогнутой линией корпуса. Наконец, два таких топорика происходят из ареала кобанской культуры с паспортами «из сел. Корца», и «коллекция Ольшевского»¹⁶. Таким образом, вислообушные топоры представлены в Армении каменными прототипами — свидетелями местного их происхождения, глиняными и каменными формами для их отливки и несколькими металлическими образцами.

Топорик, клевцы и тесла приереванского клада были подвергнуты спектральному анализу в лаборатории Института археологии Академии наук СССР¹⁷.

Данные анализа показывают достаточно высокое качество всех этих орудий, изготовленных из местной меди с искусственной присадкой

¹³ О. М. Джапаридзе. Ранний этап древней металлургии в Грузии. Тбилиси, 1955, стр. 103 (на груз. яз.).

¹⁴ Б. А. Куфтина. Указ. соч., рис. 166.

¹⁵ М. М. Иващенко. Исследование архаических памятников материальной культуры Абхазии. Тбилиси, 1935, стр. 25—30; Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949, стр. 284, табл. XXX.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии. МИА, № 23, стр. 38—39, рис. 7.

¹⁷ Данные анализа были любезно предоставлены нам аспирантом Института археологии АН Арм. ССР А. Ц. Геворкяном, за что выражаем нашу признательность.

мышьяка (до 5,8%) и естественными примесями элементов олова, свинца, серебра, алюминия, железа, никеля и марганца.

Исходя из местонахождения клада, формально морфологических признаков и различных размеров этих добротных изделий, мы можем судить также о высоком уровне литейного дела в мастерских Армении III тысячелетия до н. э., функционировавших подчас на большом отдалении от основных горнорудных баз. Ведь именно из Араратской долины и прилегающих районов известны не только литейные формы вислообушных топоров указанного периода, но и металлические вещи и формочки, относящиеся к V—IV тысячелетиям до н. э. Синхронные или более ранние поселения Араратской равнины дают многочисленные каменные прототипы рассмотренных выше трех основных видов орудий III тысячелетия до н. э., что позволяет утверждать не только их местное производство в период ранней бронзы, но и предполагать их местное происхождение.

III. ХРОНИКА

РАБОТА СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1970—1971 ГГ.

За прошедшие два года сотрудники сектора неолита и бронзы ИА АН СССР продолжали исследовательскую работу по своим плановым темам, отражающим основную проблематику сектора — изучение исторических и экономических закономерностей развития первобытного общества, процесса возникновения и сложения этнических общностей на территории Советского Союза. Определенное внимание сектор уделил также вопросам первобытного искусства и идеологическим представлениям человека первобытного общества.

В 1970 г. в секторе завершена работа над тремя монографиями и двумя выпусками «Свода археологических источников», в 1971 г. — над четырьмя монографиями. Истории раннеземледельческих племен посвящены две работы. В. И. Сариниди написана монография «Некрополь Геоксюра», в которой впервые на материале собственных раскопок рассмотрены вопросы погребального обряда геоксюрских племен IV—III тысячелетий до н. э., дан анализ материала, сопровождающего погребения. На основе изученных автором фактов сделаны выводы о времени существования геоксюрского некрополя, об этнокультурных связях исследованных памятников с населением Афганистана и Белуджистана. Рассматривая вопросы общественного строя раннеземледельческих племен Геоксюрского оазиса, автор приходит к выводу о наличии у них большесемейной общины.

Монография А. П. Погожевой «Антропоморфная пластика раннего этапа трипольской культуры» вводит нас в круг вопросов идеологии и культуры массива раннеземледельческого населения, связанного с областями Нижнего Подунавья и Балканского полуострова. В основе работы лежит кандидатская диссертация, защищенная автором в 1971 г. А. П. Погожевой впервые разработана подробная классификация раннетрипольской пластики, установлены закономерности распространения определенных видов орнамента на различных частях тела фигурок, изучена технология изготовления статуэток, подтверждена их связь с жилищами, определена хронология бытования различных типов и рассмотрены вопросы происхождения пластики.

Археологии эпохи бронзы Сибири посвящена монография М. Ф. Косарева «Древняя история Томско-Нарымского Приобья». Автор обобщил и систематизировал весь доступный в настоящее время материал по бронзовому веку Сибири, рассмотрел вопросы палеоклиматологии данного района и пришел к выводу о значительном смещении ландшафтных зон

во II тысячелетии до н. э. Изучив на широком историко-культурном фоне местные археологические культуры — самусьскую, томскую, еловскую, молчановскую и кулайскую, — М. Ф. Косарев определяет их последовательность и время бытования каждой из них. Рассматривая культуры эпохи бронзы, автор ретроспективным методом увязывает материалы различных исторических эпох и через археологические памятники железного века связывает их с современными селькупам и самоедами.

Монография Ю. С. Гришина «Бронзовый век Восточного Забайкалья» содержит систематизацию восточнозабайкальских памятников в их хронологическом развитии. В ней характеризуются хозяйство, религиозные верования и культы местного населения, а также этнические и культурные связи забайкальских племен и их вклад в формирование культур раннего железного века.

Монографическому описанию одного памятника посвящена работа Л. П. Зяблина «Карасукский могильник Малые Копены-3». Почти 300 погребений в 136 курганах с большим разнообразием конструктивных деталей, обилием керамики и других находок позволили автору убедительно аргументировать абсолютную и относительную датировку Малокопенского могильника, показать особенности карасукского хозяйства, состав стада, а также характер культурных связей племен, обитавших в Минусинской котловине в эпоху поздней бронзы.

Археологическим памятникам Минусинской котловины посвящена работа Э. Б. Вадецкой и М. А. Дэвлет «К археологической карте Минусинской котловины», в которой собраны и систематизированы сведения об археологических памятниках и отдельных находках в Минусинской котловине с кратким описанием раскопок и показом своеобразия красноярско-минусинских древностей.

В Своде археологических источников «Памятники бронзового века Белоруссии», подготовленном И. И. Артеменко в содружестве с белорусскими археологами В. Ф. Исаенко, И. Т. Тихоненковым и М. М. Чернявским, рассматриваются и классифицируются памятники эпохи бронзы Восточной Белоруссии, показана их культурная принадлежность, время бытования тех или иных культур и хозяйственный уклад изучаемых племен.

Второй выпуск САИ «Памятники балановской культуры» написан О. Н. Бадером совместно с А. Х. Халиковым. Он содержит полное описание памятников балановской культуры, области их распространения, датировку и характеристику хозяйства, идеологии, а также исторических судеб балановских племен.

Закончена работа Л. Л. Галкина «История материальной культуры Сомали (IX—XV вв. н. э.)». Автор в мере доступно ему материала, в основном на литературных источниках, дает характеристику развития городов, рассматривает вопросы скотоводческого хозяйства, производства керамики, бус и других предметов материальной культуры. Изучение погребального обряда позволило Л. Л. Галкину поставить вопросы идеологии и верований сомалийских племен.

Кроме отмеченных выше работ сотрудников сектора, на его заседаниях были обсуждены и рекомендованы к печати монография Н. Качаловой «Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. Ч. I. Древности эпохи бронзы» и сборник «Памяти В. Н. Чернецова». Первая содержит описание исследованных Н. Е. Бранденбургом памятников бронзовой эпохи. При этом дана их интерпретация в свете современного состояния знаний археологической науки, определена культурная принадлежность и хронология. Сборник состоит из статей, раскрывающих различные аспекты археологии Урала и Сибири, тесно связанных с кругом научных проблем, интересовавших В. Н. Чернецова.

Кроме уже упоминавшейся диссертации А. П. Погожевой, на заседаниях сектора рассмотрены и рекомендованы к защите ряд диссертаций, в том числе докторские диссертации И. К. Свешникова «История населения Прикарпатья, Подолии и Волыни в конце III—начале II тысячелетия до н. э.» и Е. Н. Черныха «Древняя металлургия Восточной Европы».

И. К. Свешников на материале новых археологических исследований выделяет прикарпатскую и городско-здолбницкую культуры, определяет их территорию, хронологию и локальные варианты. Подробно изучены вопросы хозяйства, идеологии и исторических судеб этих культур. Автор рассматривает выделенные культуры как часть широкой этнокультурной области, известной на просторах от Волги до Рейна.

Диссертация Е. Н. Черныха подводит итог многолетних исследований автора в области древнего металлургического производства. На основе около 1700 анализов металлических изделий самого автора и более 8000 анализов других исследователей показаны основные этапы восточно-европейской металлургии в IV—I тысячелетиях до н. э., рассматривается хронология появления мышьяковистых и оловянистых бронз в различных районах Евразии и вопрос о создании в позднебронзовую эпоху огромных металлургических провинций.

Общим вопросам археологических датировок была посвящена кандидатская диссертация В. А. Сафронова «Хронология среднебронзового века юга Восточной Европы», археологии Сибири — диссертации В. Ф. Старкова «Поздний неолит лесного Зауралья» и Л. А. Ивановой «Афанасьевская культура (опыт выделения и палеоэтнографической характеристики)», археологии Средней Азии — диссертация Л. И. Станкевич «Бронзовый век Ирана и Южной Туркмении».

Большое число кандидатских диссертаций составили работы по каменному веку Восточной Европы. Так, диссертация М. Г. Косменко «Мезолит Среднего Поволжья» содержит обоснованную периодизацию мезолитических памятников Среднего Поволжья, типологию инвентаря и выделение локальных групп памятников; диссертация А. Т. Синюка «Памятники неолита и энеолита на Среднем Дону» впервые дает сводку памятников неолитической и энеолитической эпох, выделяет новую культуру с определением хронологических этапов, территории и взаимосвязей с соседними культурами.

История населения лесных областей в эпоху камня и бронзы изучена в диссертациях М. П. Зиминой «Культура племен бассейна р. Мсты во II тысячелетии до н. э.», Л. В. Ванкиной «Торфяниковая стоянка Сарнате», Ю. В. Титова «Керамика древних поселений Карелии как исторический источник» и В. Ф. Филатовой «Опыт периодизации неолитических поселений Карелии (по данным типологии каменного инвентаря)».

Кроме обсуждения монографических исследований и диссертационных работ, на заседаниях сектора были заслушаны доклады по отдельным вопросам как советской, так и зарубежной археологии. Так, научным сотрудником археологической службы Индии, профессором С. Р. Рао был прочитан доклад «Из последних исследований в Индии». Профессор С. Р. Рао рассказал о раскопках в г. Латале, в Западной Индии, где им были исследованы жилые постройки, док, торговые склады и другие сооружения. Древний Латал существовал с 2450 по 1600 г. до н. э. Среди находок представлена расписная посуда, золотые украшения, бусы, фигурки людей и животных. Особое внимание докладчик уделил печатям, которые содержат древнейшие пиктограммы и надписи. Е. Е. Кузьмина сделала доклад «Новые данные о распространении арийских племен в Индостане».

Проблемам археологии Средней Азии и Ирана посвящены доклады В. И. Сариниди «Периодизация памятников Юго-Восточной Туркмении»

и «Южная Туркмения и Северный Иран (древнейшие связи и различия)», Ю. Е. Березкина «Опыт классификации джейтунской керамики с использованием простейших статистических методов».

Два доклада — «Некоторые итоги изучения дольменов Северо-Западного Кавказа» и «Карта распространения и архитектура западнокавказских дольменов» — прочитал В. И. Марковин. На основании уже известных описаний дольменов и собственных работ докладчик показал территорию их распространения, дал типологию, выделив наиболее древние из них, а также описал обряд захоронений в сидячем (по углам) и скорченном положении.

Доклад В. П. Третьякова «Из истории волосовских племен» вызвал оживленное обсуждение. Выделение вариантов культуры и внутренняя ее периодизация не вызвали сколько-нибудь существенных возражений. Однако вопросы происхождения и абсолютной хронологии не встретили единодушной поддержки. Так, О. Н. Бадер не согласился с предложенной ранней датой возникновения волосовской культуры, настаивая на традиционной дате — рубеж III—II тысячелетий до н. э., а Л. В. Кольцов указал на необходимость учитывать при решении вопроса о происхождении культуры и памятники Прибалтики.

И. А. Лозе (Рига) сделан доклад «О раскопках стоянки Абора». На памятнике открыто несколько жилищ и 49 погребений. Стоянка датируется по радиоуглероду началом II тысячелетия до н. э. Выступавшие в прениях И. И. Артеменко, В. И. Мошинская и А. А. Формозов отметили большое значение исследования микрорайона в Лубанской низменности для понимания соседних культур.

Я. Махник (Краков) прочитал доклад «Из последних раскопок неолитических и раннебронзовых поселений в южной части Польши», в котором рассказал об изучении большого числа поселений линейно-ленточной керамики, позволивших выделить четыре хронологических этапа, поселения Ивановицы межановской культуры, могильника и кремневых шахт.

Изучению погребального обряда посвящены доклады В. М. Массона «Погребальный обряд и вопросы социальных реконструкций» и Ю. А. Смирнова «Погребальный обряд эпохи неолита и раннего металла на территории лесной полосы Восточной Европы». В докладе В. М. Массона погребальный обряд рассмотрен с точки зрения социальных реконструкций общества. Выступившие в прениях В. И. Мошинская, Д. А. Крайнов, Е. К. Черныш, И. И. Артеменко говорили, что не всегда на имеющемся в распоряжении археолога фрагментированном материале возможны широкие выводы. В своем докладе «Об ограниченных возможностях этнической интерпретации археологического материала» В. И. Мошинская показала, что вопросы этнической принадлежности следует решать с большой осторожностью.

Кроме докладов и сообщений на заседаниях сектора, его сотрудники выступили на различных археологических совещаниях и конференциях. На Сессии Отделения Истории АН СССР и на Пленуме института во Львове и Тбилиси доклады сделали О. Н. Бадер («Верхнепалеолитическое погребение во 2-й могиле на Сунгире»), В. И. Марковин («О памятниках дольменной культуры Кавказа» и «Некоторые итоги изучения дольменов Кавказа»), Е. К. Черныш («Результаты работ Молдавской экспедиции в 1969 г.»), Д. А. Крайнов («Происхождение фатьяновской культуры в свете новейших данных») и И. И. Артеменко («Новый могильник среднеднепровской культуры в Верхнем Поднепровье»). Д. А. Крайнов и О. Н. Бадер председательствовали на секциях Пленума.

На Ужгородской сессии Института археологии АН Украинской ССР с докладами «Построение хронологической схемы поселений раннего

триполья по материалам пластики» выступила А. П. Погожева и с докладом «Итоги научной командировки в Румынию» — Е. К. Черныш.

Е. Е. Кузьмина сделала доклады на конференции по истории Древнего Востока в Тбилиси «Распространение коневодства в Европе и на Переднем Востоке» и в Ленинграде на конференции по истории и культуре древнего Ирана «Цилиндрические печати из Мерва с изображением сцены единоборства». Ю. С. Гришин в г. Чите на конференции, посвященной 50-летию освобождения Забайкалья, прочитал доклад «Древняя добыча металлов в Юго-Восточном Забайкалье»; В. В. Волков на II Международном конгрессе монголоведов сделал доклад «Основные проблемы бронзового и раннего железного веков Монголии».

В связи с подготовкой монографии «Археология Венгрии» В. С. Титов в течение шести месяцев ознакомился с материалами музеев Венгерской Народной Республики и участвовал в раскопках ряда памятников на территории Венгрии. На заседании сектора первобытной археологии АН ВНР им сделан доклад о задачах по подготовке книги «Археология Венгрии».

Продолжали в течение отчетного периода свою работу в различных археологических экспедициях за рубежом целый ряд сотрудников сектора. Так, В. В. Волков работал в Советско-Монгольской экспедиции. Отряд под его руководством продолжил изучение оленных камней, установив район их распространения, выделив новые типы и варианты. Наскальные изображения, исследованные в Имануе, содержат рисунки повозок, всадников, сцены охоты и др.

В. И. Сарияниди участвовал в работе Афганской экспедиции, которая провела разведки ряда памятников и раскопки на некоторых поселениях.

Н. Я. Мерперт и О. Н. Бадер в составе Иракской экспедиции принимали участие в исследованиях поселения раннеземледельческих племен Ярым-тепе I хассунской культуры VI тысячелетия до н. э. Вскрыты частично нижние слои поселка с двухэтажными обжигательными печами (пока древнейшими в мире), найдено медное украшение в слое первой половины VI тысячелетия до н. э.

Во время работ Болгаро-Советской экспедиции, которая уже отметила первое десятилетие своего существования, Н. Я. Мерпертом были продолжены исследования в районе с. Эзера, где на прилегающей к поселению территории открыт ряд отдельных «хуторов или выселок» энеолитического и раннебронзового времени. Подробный отчет о работе всех экспедиций сектора по СССР читатель может найти в ежегодных выпусках «Археологические открытия».

За истекшие два года сотрудниками сектора в различных изданиях опубликовано более 150 печатных работ. Среди них следует отметить монографию О. Н. Бадера «Бассейн Оки в эпоху бронзы», сборник «Древности Башкирии» с посмертной работой А. В. Збруевой «Памятники эпохи бронзы Башкирии»; в вышедшем в свет I томе «Истории искусства народов СССР» помещены статьи сотрудников сектора Е. И. Крупнова, Т. С. Пассек, В. И. Чернецова, ныне покойных, а также В. И. Мошинской и А. А. Формозова.

Б. Г. Тихонов

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АзФАН — Азербайджанский филиал Академии наук
АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки УРСР. Київ
Барн ПИ — Барнаульский педагогический институт
БМ — Бийский музей
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ИА — Институт археологии АН СССР
ИИАЭ
АН КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИЯЛИ — Институт истории, языка и литературы
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИМК ТГУ — Музей истории материальной культуры Томского государственного университета
МКА — Материальная культура Азербайджана
НКАО — Нагорно-Карабахская автономная область
НсМ — Новосибирский музей
НсПИ — Новосибирский педагогический институт
ОМ — Омский музей
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГУ — Саратовский государственный университет
ТГУ — Томский государственный университет
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТСА — Труды секции археологии
АІ — Ancient India
AMN — American Museum Novitates

СОДЕРЖАНИЕ

I. Доклады и статьи

<i>Щетенко А. Я.</i> К изучению экономического базиса древнеиндийской цивилизации	3
<i>Кушнарера К. Х.</i> К вопросу о социальной интерпретации некоторых погребений Южного Кавказа	11
<i>Виноградова Н. М.</i> Памятники переходного этапа Триполья VI—VII в Побужье и Поднепровье	20
<i>Погожева А. П.</i> К вопросу о технологии изготовления раннетрипольских статуэток	28
<i>Марковин В. И.</i> Составные дольмены с ложным сводом на Западном Кавказе	35
<i>Сафронов В. А.</i> Классификация предкавказских костяных молоточковидных булавок	42

II. Полевые исследования

<i>Черныш Е. К.</i> Трипольское поселение Раковец	48
<i>Онайко Н. А.</i> Новый памятник майкопской культуры	58
<i>Козенкова В. И.</i> Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье	60
<i>Розенфельдт И. Г.</i> Мышецкая стоянка	68
<i>Кириянова Н. А.</i> Наумовский фатьяновский могильник	72
<i>Артеменко И. И.</i> Юдиновский могильник	77
<i>Краснов Ю. А., Трубникова Н. В., Зубарева В. М.</i> Поселение эпохи бронзы в низовьях р. Суры	81
<i>Евтюхова О. Н.</i> Деуковская I стоянка (раскопки 1969 г.)	91
<i>Деревягин Ю. В.</i> Памятники эпохи бронзы в Саратовском Заволжье	96
<i>Шарафутдинова Э. С.</i> Наконечники стрел из поселений кобяковской культуры эпохи поздней бронзы	101
<i>Зайберг В. Ф.</i> Новые памятники ранней бронзы на р. Ишим	106
<i>Членова Н. Л.</i> Суртайка — могильник карасукской эпохи в предгорном Алтае	114
<i>Мартиросян А. А., Мнацаканян А. О.</i> Приереванский клад древней бронзы	122

III. Хроника

Работа сектора неолита и бронзы в 1970—1971 гг. (<i>Тихонов Б. Г.</i>) . . .	128
Список сокращений	133

Бронзовый век на территории СССР
КСИА, вып. 134

Утверждено к печати
ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР

Редактор Г. В. Моисеенко
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова

Сдано в набор 18/IX 1972 г. Подписано к печати 2/II 1973 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 11,9. Уч.-изд. л. 11,5.
Бумага № 1. Тираж 2000 экз. Т-01202. Тип. зак. № 1372.
Цена 69 коп.

Издательство „Наука“
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства „Наука“
199034, Ленинград, 9-я линия, 12